

СТОЛИЩА

иллюстрированный еженедельник

№42 (152) 1993г.



Идиллия

Три ветви власти и народ

METELITSA

ENTERTAINMENT COMPLEX



Может показаться
что ничего подобного
вы еще не видели



Ночной клуб «Метелица»
работает ежедневно
с 13.00 до 8.00

Новый Арбат
Телефоны:
291-11-70
291-13-05
291-11-30

ПОСЛЕДНИЙ СОВЕТ,

или

Парламентаризм
с тяжёлыми последствиями

Николай ТРОИЦКИЙ

Отечественный парламент появился на свет с врожденным пороком. Умирал он долгой, позорной и мучительной смертью, утачив за собой в могилу сотни человеческих жертв.

Иначе и быть не могло. Верховный Совет России, как и его старший союзный собрат, — недоношенное дитя перестройки, зачатое без любви после скречивания кабинета и площади. Не Старой площади, в кабинетах которой сконструировали немыслимый ранее в истории парламентаризма двухступенчатый «эмбрион», а тех безымянных площадей, откуда в российскую политику ворвалось подавляющее большинство депутатов.

При демократии положено иметь парламент, и кремлевские реформаторы первого призыва, рисуя планы переобустройства страны, не могли не предусмотреть сей обязательный элемент цивилизованной государственной системы. Но при исполнении «социального заказа» они пошли, как это водится на Руси, непроторенными путями: придумали чудовищную структуру съезда народных депутатов, порождающего из своего чрева двухпалатный Верховный Совет. Вьедливые политологи часто терялись: какую часть этой машины именовать собственно «парламентом»?

Классический парламент, выстрадавший многовековой европейской политической традицией, — это законодательный орган, депутаты которого избираются с помощью всеобщего прямого, тайного и равного голосования. А что было у нас? Тот орган, который можно назвать всенародно избранным, к законодательству не был приспособлен; тот же, который занимался практическим законодательством, — не избирался всенародно.

Некоторые теоретики возводили эту диковинную модель к седой российской древности — земским соборам и рассуждали о «соборности». Но земские соборы никогда не мыслились как законодательная власть. А больше всего «соборности» было в советских «квазипарламентах», придуманных большевиками: там, как известно, ничего не решалось, но все решения были единогласными.

Если наша «парламентская» структура

Эта статья писалась в сентябре 1993 года и носила сугубо теоретический характер. Готова ее к печати в октябре, я вынужден был, в основном, менять грамматические времена.

и напоминала о демократии, то разве что о «демократии» Древнего Рима эпохи республики. Там тоже действовала двухступенчатая модель законодательной власти: снизу — Народное собрание (все совершеннолетние граждане города Рима, по числу — нечто среднее между нынешним съездом народных депутатов и городским референдумом); сверху — подотчетный Народному собранию Сенат, принимавший законы. Правда, в те давние века не подозревали о разделении властей и сия громоздкая структура осуществляла одновременно исполнительную и судебную власть.

Как известно, судьба древнеримской демократии печальна: республика сменилась единоличным правлением цезарей. Цезари начали строить параллельную «императорскую исполнительную вертикаль», а Народное собрание и Сенат превратились в «декоративные образования».

Подобная судьба, похоже, ожидает и нашу недоделанную демократию. И дело отнюдь не только в злой воле новых отечественных «цезарианцев», хотя некоторые из них (например, Геннадий Бурбулис) как будто целенаправленно возродили в 1992—1993 годах двухтысячелетней давности план первых римских императоров.

К перерождению и вырождению нашего депутатского собрания привели не одни лишь амбиции и козни опытных стратегов. Порок был заложен в самой первоначальной конструкции законодательной власти, и она оказалась генетически склонна к вырождению.

Прежде всего, у нормального парламента не может быть никакого руководителя, лидера или предводителя. Спикер — это всего лишь один из депутатов, которому доверено вести заседания. Но при нали-

чии гигантского неуправляемого съезда объективно возникает необходимость в «сильной руке», умеющей справляться с многоголовым «законодателем». Так выросла на отечественной почве уникальная в мировой практике фигура председателя Верховного Совета, человека, который, кроме всего прочего, собственной персоной хоть как-то соединяет две неравные законодательные половинки.

Мы говорим «председатель ВС» и сразу вспоминаем Руслана Хасбулатова. Но разве он был первым? При СССР в этой роли подвизались Михаил Горбачев и Анатолий Лукьянов. В РСФСР на эту должность сначала избрали Бориса Ельцина. А Хасбулатов выступил продолжателем их общего «председательского» дела.

И Ельцин, в бытность свою спикером (его, кстати, никто так не называл), выходил за рамки дозволенного парламентаризма.

Разгон съезда и Верховного Совета любят оправдывать их тягой к «всевластию» и знаменитой 104-й статьей Конституции (съезд — высший орган власти, правомочный решить любой вопрос и т.д.). Но эта статья была введена в Основной закон по инициативе Ельцина. В ту пору, когда Борис Николаевич еще заседал в «Белом доме», и съезд, и Верховный Совет, и их «всевластие» приветствовались демократами. Еще бы! Это была основная российская политическая сила, боровшаяся с КПСС, СССР и Горбачевым! Мало того, Борис Ельцин сумел использовать неуклюжую «законодательную» машину, придуманную его противниками из ЦК, как отличный таран против союзных властных структур и как эффективный рычаг собственного восхождения к вершинам власти.

Ну а после возникновения президентства, и особенно после исчезновения КПСС, СССР и Горбачева, оставшаяся нетронутой законодательная конструкция стала помехой. И мало-помалу превратилась из союзника во врага президента и его команды. Возникла новая задача: как ее устранить?

Неважно, на каком этапе депутатский корпус играл «прогрессивную», на каком — «реакционную» роль, но он никогда — ни при Ельцине, ни при Хасбулатове — не представлял собой того, что принято

В НОМЕРЕ

1 ПОЛИТИКА



Е.Амбарцумов:

Хасбулатову была «до лампочки» вся наша внешняя политика. Но вместе с тем он стопроцентно использовал каждую промашку внешне-политических ведомств исключительно в своей политической игре против президента.

6

К.Рыбак:

Отечественная история убеждает: если у кого-то из горланов-главарей закипел под кепкой «разум возмущенный» — непременно случаются большие пожары...

8

К.Климова:

Если на улице услышали стрельбу, не бегите на выстрелы — вы не Рэмбо. Выстрелы над головами — быстро падайте на землю, закрыв голову руками...

12

2 ЭКОНОМИКА

А.Ефимова:

Сограждане, будьте бдительны! Не верьте басням о легком обогащении. Лучше почувствуйте себя на сто рублей ближе к Ротшильду, отдав эти деньги нищему, чем на сотню ближе к дуракам, купив билет квартирной лотереи «Москва и москвичи».

16



В бизнесе действуют свои правила игры. Какие? На этот вопрос, актуальный не столько для менеджеров, сколько для объектов их воздействия, отвечает социолог бизнеса Ольга Некрасова.

19

На 1-й стр. обложки фрагмент картины «Хлебосольная деревня» художника Николая Бессонова

3 ЖИЗНЬ

Н.Ференц:

Была я вроде как женой дипломата, а оказалась служанкой Гали Брежневой. Много лет я бесплатно на нее ишачила... Держала дом, где она встречалась со своими любовниками.

28

А.Беляков:

По каннской знаменитой лестнице поднимался в этом году двадцативосьмилетний Юрий Грымов, первый из наших, кто был допущен к самому грандиозному рекламному конкурсу.



31

В.Матизен:

Тут вступил третий попутчик, который сказал, что Союз развалил не Горбачев, а Ельцин и разорвать надо в первую очередь его. Разговор соскочил на политические темы и обратно уже не возвращался...

36

4 КУЛЬТУРА



Фото В.Плотникова

А.Яковлева:

Политика — самое крутое искусство.

46

В.Кичин:

Новый приступ сексуальной революции сотрясает экраны. Ее идеи причудливо смешались с идеями прав человека. Поэтому любовь и сексуальные предпочтения нестандартны — иначе за что бороться?

53

Э.Дрейцер:

Гуров и Анна Сергеевна в конце концов смогли устроить свою жизнь вместе. Далось это не без больших жертв и потерь... Гуров по-прежнему любил А.С., но постепенно стал находить раздражающим то, что ему первоначально казалось таким щемяще-уязвимым и так привлекало к ней, — ее молодость, неопытность в любви, наивность...

58

Москва, 101425, ГСП, К-51, Петровка, 22
Телефоны: 928-23-49, 921-67-45
Телефакс: 921-29-85
Телекс: 413739 autp

Еженедельник «Столица» учрежден Моссоветом 2 июня 1990 г.
Зарегистрирован Государственным комитетом СССР по печати.
Свидетельство о регистрации № 84
Мнения авторов не всегда совпадают с точкой зрения редакции. При перепечатке ссылка на «Столицу» обязательна. Редакция в переписку не вступает.

С предложениями о размещении рекламы звоните по телефонам:
923-19-71, 928-83-40

По вопросам распространения обращайтесь по телефону:
928-27-69

Главный редактор: Андрей Мальгин
Заместители главного редактора:
Петр Смирнов, Владислав Старчевский,
Владимир Цыбульский

Коммерческий директор: Юрий Бычков
Директор издательства: Борис Рабкин
Ответственный секретарь: Анатолий Остроухов
Главный художник: Владимир Петров
Отдел общественно-политической жизни:
Александр Касатов

Отдел экономики и науки: Елена Эрикссен
Отдел правовых и морально-этических проблем: Елена Салина

Отдел искусств: Татьяна Савицкая
Отдел международной жизни:
Консуэло Сегура

Отдел оперативной информации:
Кирилл Рыбак

Отдел писем: Наталья Туровская

Номер набран и сверстан в фотонаборном центре еженедельника «Столица» на системе «Скантекст—2000», поставленной фирмой «Аутопан»

Номер подписан в печать 15.10.1993 г.
Тираж 92 000
Цена договорная

Над номером работали:
В.Старчевский, Н.Ударцева, Р.Катеева

© «Столица», 1993

Отпечатано в издательско-полиграфическом комплексе «Московская правда», ул. 1905 г., д. 7. Зак. 4355

называть «парламентом». И не был ни законодательной, ни властью. Может быть, хотел стать? Но в этом никто из властителей не был заинтересован.

Какое там «законодательство»? Все основополагающие законы и поправки к Конституции всегда приспособлялись к политической конъюнктуре. Сначала они должны были помочь Ельцину «взять власть» в России, затем, когда он ушел в президенты, законы, исправления и дополнения сочинялись с противоположными целями. Будничное законотворчество — то, ради чего существуют парламенты, — уходило на задний план, забивалось в самые дальние закоулки «Белого дома».

Мало было законодательства, но власти еще меньше. Депутаты не контролировали бюджет. И ни разу не добрались до своей важнейшей функции: контроля над исполнительной властью. «А как же, — спросят меня, — бледные министры силового кабинета образца 1990 года, часами отчитывающиеся с парламентской трибуны?» Тогда правительство было простым придатком Верховного Совета, и его членов проверяли, в основном, на предмет лояльности к политике депутатского большинства и готовности к борьбе с союзным Центром. Потом, после августовского путча 1991 года, депутаты в знак признательности «подарили» правительство президенту. Ельцин сам назначал и снимал своих министров, делает это и по сей день. Ни о каком серьезном парламентском контроле и речи быть не могло.

В результате правительство из нормального инструмента исполнительной власти превратилось в объект борьбы, поле сражения между президентской и парламентской командами. Депутаты желали уже не просто контролировать, а переподчинить себе Совет министров. Президент в ответ крепил «единую систему исполнительной власти». О разделении властей забыли обе стороны. А правительство превратилось в автономную «боевую единицу», не подконтрольную никому.

И, наконец, немаловажную роль в истории гримасы отечественного парламентаризма сыграл личный состав так называемых парламентариев. Народных избранников, за исключением малого числа, подтверждающего правило, занесло в коридоры власти на волне патриархального «демократизма» митингов, демонстраций и предвыборных собраний. В политически активных местностях в депутаты выбирали тех, кто умеет погромче обличать власть и коммунистов, либо тех, за кого поручились уже составившие себе имя демократические оппозиционеры из народных депутатов СССР. В политически пассивных регионах выбирали «крепких хозяйственников» да местное начальство. О таких понятиях, как «профессионализм» или элементарная пригодность избранных

ков к законодательной кабинетной работе, избиратели не задумывались.

Отобранной таким образом депутатской массой было нетрудно управлять умелым политикам. Неструктурированный депкорпус легко откликнулся на манипуляции. Этим пользовался Ельцин, а затем Хасбулатов, который осваивал опыт руководства «парламентом», еще будучи первым замом и «правой рукой» редко появлявшегося в председательском кресле Бориса Николаевича.

Высоколобые политологи иногда пытались анализировать фракционный состав съезда и Верховного Совета. Напрасный труд! До августа 1991 года там было всего три «фракции» — «за Ельцина», «против Ельцина» и промежуточное, колеблющееся «болото». В последнее время остались только первые две «фракции». Причем той, что «за Ельцина», уже почти не было видно: ее члены перебрались в администрацию президента и вели дело к разгону и разгрому породившего их органа.

Закономерный итог. То, что могло бы стать «законодательной ветвью власти», превратилось не в «декоративное образование», а в мощную сплоченную политическую силу, борющуюся за власть. За «всю власть». Некрасиво? Но что делать, за «всю власть» боролась и противившая сторона, а какая политическая сила захочет добровольно уступить?

Необходимое дополнение задним числом. Я лично наблюдал агонию парламента изнутри, почти все 13 дней — с 21 сентября по 4 октября, вплоть до штурма «Белого дома». Политическая сила оказалась и не сплоченной, и не мощной. Единственной ее опорой стали люмпены Анпилова, боевики фашиста Баркашова и добровольцы-автоматчики под руководством безумного генерала Макашова. «Спасение Конституции и парламентаризма» выродилось в банальную уголовщину. Насколько ответственные за это те двести депутатов, что голодали, мерзли и сидели в темноте осажденного «Белого дома»? Многие из них ужаснулись тому, что натворили в Москве 3 октября вдохновенные ими банды.

Я видел растерянного Илью Константинова, вдруг потерявшего самоуверенность Бабурина, вусмерть напившегося Павлова. Были там и иные, которых невозможно причислить к «коммунофашистам»: их привели в «Белый дом» верность принципам и нежелание подчиняться президентской силе. Так случилось, что мы вместе сидели под обстрелом и в какой-то момент было не до идеологических расхождений. Их можно было бы попытаться оправдать, если бы не было крови, пролитой 3 октября. Я не знаю, осознали ли эти люди: парламенты не имеют права говорить на языке автоматов и гранатометов. Толпа в зале заседаний Верховного Совета,

отвечающая радостным гулом на сообщение утратившего чувство реальности спикера о «взятии «Останкина», — это уже не законодатели.

Логично, но не радует. Пока нет настоящего парламента, нет и настоящей демократии. Может быть, все решат досрочные выборы? Едва ли.

Если эти выборы вдруг окажутся действительно свободными, то народ, скорее всего, не сумеет избрать каких-нибудь других, лучших депутатов. Где взять иных, выведенных в пробирке кандидатов? И так называемая пропорциональная система, то есть выборы по «партийным спискам», не исправит положения. У нас нет нормальных влиятельных партий, они состоят в основном из сопредседателей, правлений, исполкомов и политбюро, осевших в Москве и никому не ведомых даже в Подмоскovie. Эти бесчисленные партии и движения перманентно делятся и размножаются. Если они и собьются в блоки, то эти разношерстные образования рассыпятся на следующий день после начала сессии. При нашем своеобразном понимании партийной дисциплины (сколько партий выдвигало в свое время Ельцина в президенты? Но большинство охотно убежало в оппозицию к выдвинутому ими кандидату) невозможно создать ни прочных фракций, ни обыкновенного многопартийного парламента. Тем более что половина депутатов, избранная по индивидуальным округам, будет и выступать в индивидуальном качестве.

В результате все опять расколется на две «фракции» — «за» и «против» Ельцина (или какого-нибудь его преемника) — и возникнет нужда в сильном лидереманипуляторе.

Впрочем, эту проблему можно решить гораздо проще. Допустим, при помощи контроля над средствами массовой информации и избирательными комиссиями исполнительная власть проведет в Федеральное собрание подавляющее большинство лояльных к ней депутатов, а роль оппозиции сыграет пролезший через «несознательные» округа десяток «соколов Жириновского».

Таким «карманным» парламентом будет легко управлять. Но его только смеха ради можно будет назвать «законодательной властью», а демократию придется оставить для анекдотов.

Где же выход?

История учит: древнеримский Сенат в переломную эпоху тоже превратился в сплоченную силу. Смирять ее пришлось ценой гражданской войны. В конце концов Народное собрание само вручило Августу диктаторские полномочия.

Народ, не ведавший парламентаризма, всегда голосует за единовластие.

ПЕРВАЯ ВОЙНА ГЕНЕРАЛА

Сбылась-таки мечта Альберта Макашова — он наконец-то побывал на войне! В Афганистане, как экс-вице-президенту, не привелось. Даже в Вильнюсе или Баку, как «герою»-десантнику Ачалову, не пришлось. А вот в Москве, в столице, — удалось, привалило счастье.

Вряд ли кто будет оспаривать утверждение, что именно Макашов был душой и военным руководителем мятежа: брал мэрию, организовывал атаку на «Останкино». Так получается, что во время всех путчей и мятежей мне выпадает быть там, где свою бурную активность проявляет Альберт Михайлович. Довелось быть свидетелем, как командующий войсками Приволжско-Уральского военного округа генерал-полковник Макашов 19 августа 1991 года вывел на улицы Самары войска и бронетехнику, оккупировал областную телерадиоцентр, занял независимую телестудию СКАТ и покорил областную издательский комплекс. Стоит ли удивляться, что 3 октября 1993 года он обратил свой нежный и любящий взор на «Останкино»?

Вспоминаю, что год назад Альберт Михайлович говорил мне:

— ...Меня, я знаю, уволят по совместному сговору Горбачева, Ельцина, Буша и папы римского, с его подсказок и подач! И если они думали, что избавятся от меня, то ошиблись.

И ведь правда —

ошибся «папа римский!» Для начала мотающийся, как призрак, по коммунистическим тусовкам всей страны отставной генерал появился в Приднестровье — чтобы «организовать оборону», а потом исчезнуть, когда там начали стрелять. А его хваленая оборона рухнула в Бендерах за считанные минуты... Но brave приднестровскими ребятами Макашов остался доволен:

— Дай Бог, если я когда-нибудь буду командовать частями, соединениями, чтобы у меня были такие солдаты, как в Приднестровье. Их не надо агитировать!

Признаем, что и эта мечта отставного вояки сбылась, больше того, в «Белом доме» ему довелось командовать не только ветеранами боев в Приднестровье, но обстрелянными в Абхазии боевиками и даже рижскими омонотцами. Их действительно не надо было агитировать!

Окончивший высшее военное училище и две академии (в том числе и генштаба) генерал считался признанным специалистом по наступательным операциям с применением бронетанковых сил. Недаром он долго прослужил именно на направлении главного удара — в Восточной Германии. Он давал советы даже Саддаму Хусейну, правда, заочно и уже после «Бури в пустыне»:

— Если бы Хусейн применил маневр по уничтожению начавшейся

Фото ИТАР—ТАСС



высадки американцев, то там был бы такой Дюнкерк... Хусейн же зарылся в землю и ждал. И потерпел поражение.

Сам Альберт Михайлович, никогда не воевавший, но академии кончивший, ждал, «зарывшись в землю», считал зазорным. И пошел устраивать «Дюнкерк»: взял мэрию и дальше пошел — чем, мол, «Останкино» лучше самарского телевидения? Но потерпел поражение.

Почему? Да потому, что был настоящим выпускником советских академий и достойным последователем Тухачевского: пошел в наступление, не только мало-мальски его не подготовив, но даже не обеспечив минимума стратегических резервов. Да еще и объект атаки неверно выбрал. А уж так бездарно организовать сам штурм «Останкина» потеснялся бы самый неуспевающий выпускник общевойскового училища.

Все противотанковые гранаты потратил на чепуху, оставшись без них в момент подхода бронетанковых подразделений «противника». Нормальной караульной службы не устроил, передовой

линии обороны не организовал, разведки не наладил, на действительно стоящие объекты внимания не обратил. И останкинский штурм так провел, что потерял там цвет своего воинства.

Про «талантливость» «верных» президенту военачальников, включая министра обороны, противостоявших натиску боевиков Макашова, говорить нет смысла: всемером одного побивахом талантов военных иметь не надобно. Но «белодомское сидение» трех генералов — спецов по воздушным штурмовкам, десантным, общевойсковым и бронетанковым операциям, — имевших две недели и полк неполного состава, заставляет усомниться в ценности отечественного военного диплома вообще.

Короче, нормальный советский генерал, воюющий числом — не умением, заваливая оборонительные линии противника трупами своих солдат.

Макашов проиграл свою первую «настоящую» войну. И хочется верить — последнюю в его генеральской биографии.

Владимир ВОРОНОВ

БАРКАШОВЦЫ ПРОДОЛЖАТ БОРЬБУ

Менее всего сейчас хотелось бы нам преисполняться менторскими интонациями: «Мы ведь предупреждали...» Однако «Столица» действительно неоднократно писала о своих «соседях» — баркашовцах, которых приютил под видом охраны здания председатель Свердловского райсовета А.В.Семенов.

Примечательно, что в поведении чернорубашечников Баркашова постепенно ощущалась все большая уверенность. Если сначала они тусовались исключительно внутри райсовета, причем без своей формы, то уже в последнее время проходящие по Петровке имели несчастье практически ежедневно наблюдать их скопления у дверей здания в том самом обмундировании, что позже бросалось в глаза во

время репортажей от «Белого дома».

Как ни кощунственно прозвучат следующие слова, но Александр Петрович Баркашов теперь может считать определенные задачи своей организации выполненными и перевыполненными.

Во-первых, о «Русском национальном единстве» нынче знают не несколько сот москвичей, а вся страна. То есть число сочувствующих русским нацистам возрастет. Тяжело констатировать этот факт, однако никак нельзя благодушно утверждать, что разделяющих идеологию РНЕ у нас считанные единицы.

Во-вторых, бойцы баркашовцы наконец-то попробовали себя в деле, к которому и готовил их «фюрер». Именно для того и пове-

Фото РИА-Новости



Лидер движения
«Русское
национальное
единство»
А.Баркашов

ли их стройными колоннами к «Белому дому». Неужели так уж дорог сердцу фашиста чеченец Хасбулатов или Руцкой, который в Израиле объявил себя полукровкой? А уж Анпилова Баркашов при мне называл придурком, и Проханов ему не мил со своим «Днем». Так что весь этот «гитлерюгенд» шел не «парламентскую демократию» ненавистную защищать, а себя показать и на просторе разгуляться. Одно дело — пострелять в тире, другое — уметь пользоваться автома-

ты в условиях реальной войны. Получили, наконец, этнические чистые мальчики боевое крещение.

И уж будьте уверены, Баркашов свою работу не бросит, если, конечно, его не отловят. Уйдет в подполье, действовать станет с максимальной осторожностью, но приобретенную известность постарается сохранить и упорить любыми средствами. Sein Kampf!

Алексей БЕЛЯКОВ

*Его борьба (нем).

ЕСТЬ ТАКИЕ ПАРТИИ!

Наконец-то у партий появилась возможность заняться настоящим делом: не таскаться по митингам, а готовиться к выборам. Шансы у всех них разные. У кого-то уже никаких — мы же считаем важным показать читателю хотя бы некоторые из тех партий, которые будут участвовать в выборах.

Среди допущенных к участию в предстоящих выборах партий и движений есть и партия «Союз коммунистов» (зарегистрирована Министерством юстиции России 28 сентября 1992 года). Неофициальное наименование организации — «партия Пригарина», по имени одного из ее создателей и руководителей. Среди инициаторов создания — Марксистская платформа. Работа по организации «Союза коммуни-

стов» началась осенью 1991 года, первый съезд прошел в апреле 1992 года в Москве. Еще тогда был представлен проект экономической федерации между республиками бывшего СССР, как составная часть антикризисной программы, а также трехлетний чрезвычайный план восстановления экономики, предусматривающий отказ от ориентации на иностранные займы и восстановление государственной монополии на внешнюю торговлю. Руководящий орган — Центральный комитет и девять секретарей ЦК.

Лидер партии Алексей Пригарин принимал активное участие в восстановлении КПСС — так называемого Союза коммунистических партий — Коммунистической партии Советского Союза (СКП—КПСС), возглавляе-

мой Олегом Шениным. Пригарин является его заместителем.

«Союз коммунистов» выступил против указа президента № 1400, хотя в насильственных антиправительственных и антипрезидентских действиях 3—5 октября в Москве участия не принимал.

Партия экономической свободы (ПЭС) основана 14 мая 1992 года и зарегистрирована Минюстом 25 июня того же года. Считается тесно связанной с Российской товарно-сырьевой биржей. Лидер и создатель партии — известный биржевик Константин Боровой. Генсек — Ирина Хакамада. Персек — Леонид Шпигель. Константин Боровой неоднократно выступал за роспуск Верховного Совета и съезда народных депутатов. ПЭС декларирует свою приверженность идеям свободной экономики, широкомасштабной приватизации. Руководство ПЭС неоднократно заявляло о своем неприятии участия России в боевых действиях в Таджикистане на стороне марионетного прокоммуни-

стического режима, предлагая решать проблему путем переговоров с оппозицией.

Лидеры ПЭС заявили о намерении создать предвыборный блок «Август» совместно с блоком «Новая Россия» и Российским движением демократических реформ (РДДР). Но в данный момент ПЭС пока остается вне рамок этих блоков, хотя еще летом 1993 года декларировало участие в блоке «Выбор России» (среди его организаторов — Егор Гайдар, Александр Яковлев, Геннадий Бурбулис и Петр Филиппов).

По доступной информации финансируется деятельность ПЭС в основном за счет личных средств Константина Борового. Издает газету «Срочно в номер!». Объявленная численность партии — 10 тысяч человек.

Подготовил
Владимир ВОРОНОВ
по материалам книги
Владимира Прибыловского
«Словарь новых
политических партий
и организаций России».

Хасбулатову была «до лампочки»

наша внешняя политика —

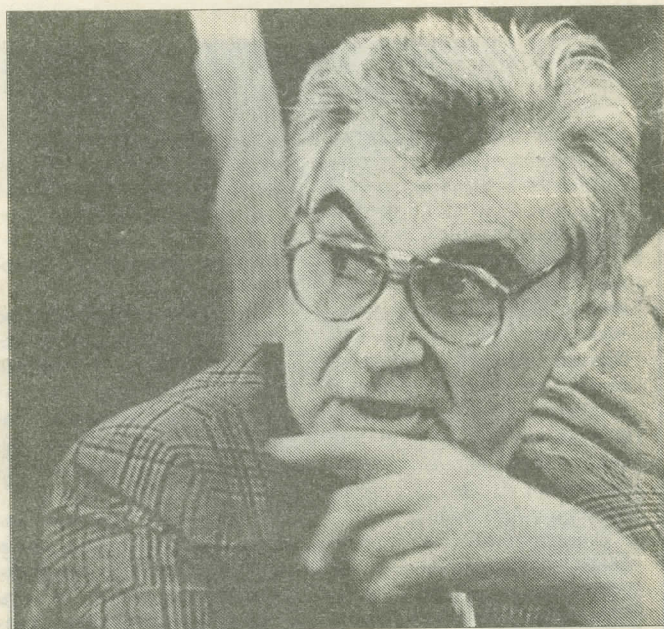


фото Б. Кремера

таково твердое убеждение одного из творцов этой политики в бывшем российском парламенте, сегодня уже экс-депутата и экс-председателя парламентского Комитета по международным делам и внешнеэкономическим связям, ученого, политолога Евгения АМБАРЦУМОВА. Вопиюще непрофессиональная, а потому объективно разрушительная, «работа» большинства экс-парламентариев, почему-то упорно называвших себя оппозицией, проявлялась

буквально во всем, за что бы они ни брались. Но, пожалуй, особенно ярко она была видна — в том числе и по своим последствиям — на примере решений, принимавшихся «законодателями» в области внешней политики. Решений, поражающих своей нелогичностью, часто напрочь перечеркивавших все доселе объявленные Россией на весь мир принципы и потому ввергавшие порой мировое сообщество в состояние шока...

— Евгений Аршакович, каков, по вашему, все-таки вклад бывшего ВС РФ в российскую международную деятельность?

— Я считаю, что Верховный Совет сыграл и позитивную, и негативную роль.

— И позитивную тоже?!

— Представьте себе, да. Некоторые перекосы во внешней политике, происходившие от, я бы сказал, идеалистического постсоциалистического видения (мол, поскольку в августе 91-го мы совершили демократическую революцию, все в мире будут сочувствовать России, все теперь будут ей помогать), не выдержали столкновения с реальностью. Достаточно напомнить об обещанной Западом помощи в 24 миллиарда долларов и так и не предоставленной...

Верховный Совет, его депутаты, напрямую связанные с избирателями, в тот момент, как мне представляется, оказались более трезвыми, чем люди из правительства. Особенно сильно это коснулось отношения России с бывшими союзными республи-

ками, в частности с балтийскими, где — и сегодня это уже совершенно очевидно — модель договоров, заключенных с ними Россией, оказалась в значительной степени ущербной. Уже хотя бы потому, что мы не увидели главной проблемы — проблемы защиты прав русскоязычного и русского населения. И в этом смысле, я считаю, Верховный Совет отрезвил идеалистически настроенных в то время руководителей нашей внешней политики в правительстве. Он критиковал — с чем, между прочим, согласился в свое время и президент — этакий «доверчивый проамериканизм»...

— Кажется, Верховному Совету в конце концов удалось в какой-то мере повлиять и на политику МИДа в югославских событиях?

— Да. И не «в какой-то мере», а существенно. Наш МИД очень заметно эволюционировал в своем отношении к конфликту на Балканах: от пассивной поддержки санкций, голосования за них в ООН, до нынешнего предложения о снятии этих санкций. МИД

сыграл очень позитивную роль, особенно — деятельностью Виталия Чуркина. А неким стимулятором выступил, на мой взгляд, и Верховный Совет.

— Но чаще, согласитесь, вклад бывшего парламента во внешнюю политику бывал весьма сомнителен: он принимал чисто эмоциональные решения, чем сводил на нет все благие помыслы, декларируемые вслух. Чего стоит хотя бы одно его постановление по Севастополю!..

— В самом деле, бывший Верховный Совет часто «перегибал палку». Но... знаете, даже этими своими «перегибами» он иногда, как ни странно, приносил все же пользу: он тем самым заставлял исполнительные власти заняться той или иной проблемой. Упомянутое вами действительно нелепое решение по статусу Севастополя, представьте себе, дало возможность Борису Ельцину, ссылаясь на позицию Верховного Совета, пересмотреть предыдущее решение двух президентов — Украины и России —

о разделе флота и в конце концов прийти к известному последнему решению, сохраняющему Черноморский флот единым...

— Все же это какой-то странный метод влияния на позитивные решения правительства и президента, метод «от противного»: сделать что-то заведомо нелепое, чтоб всем вокруг было ясно, что принимать надо нечто совершенно обратное... Если такие действия бывшего парламента вы истолковываете как полезные, то что же тогда вы имели в виду, говоря о негативном влиянии Верховного Совета на проведение российской внешней политики?

— Эта роль парламента выражалась прежде всего в грубых, бесцеремонных наскоках на МИД. Хотя я, между прочим, часто тоже критиковал наше Министерство иностранных дел за недостаточный профессионализм, за низкую квалификацию отдельных его работников. Но я считал, что так было в самом начале деятельности новых российских внешнеполитических структур, а потом дело стало поправляться. Однако депутаты никак не могли остановиться в своих нападках на МИД и особенно на министра Андрея Козырева. Мы помним категоричные требования «оппозиции» отправить Козырева в отставку, постоянные обвинения его в предательстве российских государственных интересов... Все эти действия, естественно, создавали очень неприятное впечатление о нас в мире.

— Похоже, это впечатление не особо заботило руководство бывшего Верховного Совета...

— Да, Хасбулатову была, как говорится, «до лампочки» вся наша внешняя политика. Но вместе с тем он стопроцентно использовал каждую промашку, всякую слабость наших внешнеполитических ведомств — исключительно в своей политической игре против президента.

— Не была ли одним из шагов в такой хасбулатовской игре беспрецедентная история с двукратным отказом Верховного Совета ратифицировать российско-венгерский Договор о дружбе и сотрудничестве?

— Пожалуй, хотя... В этом случае, я считаю, наше Министерство иностранных дел само «подставилось», допустило настоящую оплошность: в уже заключенный договор, как бы вдогонку, была включена министрами иностранных дел оговорка (не в сам договор, подписанный главами государств, подчеркиваю, а в специальное приложение — обмен министров нотами), некая добавка, представляющая собой извинение России за действия СССР в 1956 году. Я убежден, что в данном случае это было неуместным. Неуместным именно в политическом Договоре между

двумя государствами.

— Но в принципе-то это ведь должно было быть сказано, и именно нами, Россией как правопреемницей Союза, не так ли?

— В принципе — да, конечно. Но — не в тексте Договора и тем более не в приложении к нему в виде обмена нотами. Это можно было сделать в другой форме. Например, так, как мы сделали в свое время при заключении Договора с Монголией: в совместной декларации двух глав государств Россия выразила сожаление (по существу — извинение) за те репрессии, которым подверглись монгольские руководители, граждане Монголии в сталинский период «с подачи» Сталина. Подобный же документ можно было оформить и в случае с Венгрией... Словом, как я ни убеждал депутатов ратифицировать этот Договор, ничего у меня не вышло.

— Евгений Аршавич, а не абсурдна ли сама ситуация, согласно которой выработка внешней политики России была возложена на съезд, а Хасбулатову, как вы выразились, эта сфера была «до лампочки»? О какой же стройной политике государства могла в таком случае идти речь?

— Конечно, это нелепо, что в Конституции основные направления внешней политики поручено определять съезду: тысячеголовый съезд, собирающийся в своем составе два раза в год, просто физически не в состоянии определять какую-либо конкретную политику. И правильно, что во всех, кроме коммунистическо-го, проектах новой Конституции это поручается президенту. Как во всех государствах такого типа — во Франции, в Соединенных Штатах.

Но, согласитесь, с другой стороны, мы не могли не учитывать то, что положения нынешней Конституции все же являются действующими. Что в этой ситуации мог сделать реально наш комитет? Я, как его председатель, всячески старался, чтобы мы работали совместно с МИДом. Если вы помните, на заседаниях я всегда обрывал грубые высказывания депутатов в адрес МИДа, наших дипломатов, в том числе оскорбительные выпады в адрес Козырева, пытался наравить работу в конструктивное русло, насколько это было возможно...

— Это характерная оговорка: по-моему, все последние заседания бывшего ВС проходили под знаком торжества оголтелой части «оппозиционеров», составлявших в парламенте подавляющее большинство. Они с порога отвергали все, что исходило от Козырева, от президента. И ваш Комитет, безусловно, в этой обстановке выглядел «белой вороной». Вернее, даже не Комитет, а вы, его председатель. Потому что, когда вы по какой-то причи-

не отсутствовали, Комитет представляли ваши заместители — Сергей Михайлов и Иона Андронов, которые по своим политическим взглядам принадлежали, как известно, именно к тем самым «оппозиционерам». Странно, что вы вообще могли как-то работать, имея таких заместителей...

— Знаете, наш Комитет действительно был одним из немногих, где, несмотря на то, что в нем собрались люди разных, часто полярных убеждений — от Шейниса до Андропова, тем не менее, удавалось достигать сотрудничества. И, между прочим, нередко принимать даже единогласные решения.

Меня часто со всех сторон критиковали за то, что я бывал слишком уступчив по отношению к «правым» фракциям, даже к шовинистам, но... Я считал, что, коль скоро такие фракции в парламенте существуют, это реальность, с которой необходимо считаться. Например, я возражал, когда Хасбулатов (вначале своего председательства), скажем, настаивал на ограничении депутатов «оппозиционеров» в заграничных поездках в составе парламентских делегаций: в свое время он пытался не пускать за рубеж Бабурина. Зато в последнее время активно препятствовал поездкам депутатов демократической ориентации — Якименко, Шустову... В значительной степени мне удавалось преодолевать такие действия Хасбулатова, добиваясь включения в делегации депутатов разных политических взглядов, что, кроме всего прочего, создавало более реальное представление наших зарубежных партнеров о российском парламенте. Кстати, в делегации, посетившей Югославию, были такие разные депутаты, как тот же Виктор Шейнис и Николай Павлов, но никаких непримиримых конфликтов по югославской проблеме, представьте, не было! И общий вывод был единогласным — санкции надо постепенно отменять.

— То есть вы считаете, что не все сделанное бывшим Верховным Советом в области внешней политики надо отбрасывать?

— Ни в коем случае! Я считаю, что вообще в е с ь опыт распущенного Верховного Совета необходимо скрупулезнейшим образом изучить. По крайней мере для того, чтобы не повторять ошибок в будущем. Я даже предлагал создать некую «ликвидационную комиссию» во главе с прежними председателями комитетов, готовыми к сотрудничеству. Чтобы не пропали все документы, как это случилось в свое время с упраздненным союзным парламентом. Те документы были просто уничтожены! Я думаю, нам этого допустить нельзя, чтоб будущий парламент не начинал опять всю работу «с нуля». Хотя, видимо,

много документов уже уничтожено за время пожара в «Белом доме»...

— Да и, можно сказать, вместе с документами «сгорел» и сам бывший парламент. Правда, он-то исчез из политической жизни еще раньше. Официально — в 20.00 21 сентября, после появления Указа президента. Теперь, оглядываясь назад, как бы вы оценили это событие?

— Я, как вы знаете, был решительным сторонником (к сожалению, мы были в меньшинстве) компромиссов между двумя ветвями власти. Но сейчас ситуация изменилась, и притом существенно. Вернуться сегодня к какому-то «нулевому» варианту уже невозможно, да и нецелесообразно в высшей степени.

— Значит, сегодня вы целиком на стороне президента?

— Сегодня я поддерживаю президента не потому, что он в каком-то смысле «победитель» (хотя, как вы понимаете, термин этот весьма относителен), но просто потому, что он является гарантом пусть даже минимальной, но стабильности. Необходимо, чтобы президент взял всю полноту власти на себя. Может, имеет смысл создать какой-то переходный орган, некий «предпарламент» из той разумной части бывших депутатов, которые способны конструктивно работать в новой политической обстановке, в качестве трезвого, совещательного форума, не знаю... Но в то же время, по крайней мере в течение полугода, я считаю, президент должен сосредоточить в с ю власть в своих руках, и прежде всего — в части борьбы с преступностью. Ясно, что за полгода повысить жизненный уровень населения страны невозможно, но если президент сможет хотя бы снизить уровень преступности за это время — честь ему и хвала. Это определит наши политические перспективы.

— Но вы же понимаете, Евгений Аршакович, что многое в смысле политических перспектив будет зависеть от того, как шаги Ельцина будут восприняты на местах. А там, как показывает практика последних событий, идут собственные политические процессы, раздирающие подчас единую Россию, грозящие ее окончательному развалу.

— Угроза развала России, конечно, существует. Но... я вообще не уверен, что идея создания Совета Федерации была верной (события сегодняшние подтверждают этот мой скептицизм). По-моему, центру надо проводить свою линию, опираясь не только на руководство «субъектов Федерации», но в большей степени — на мнение населения территорий. Даже если там появится желание объявить о своей независимости (как, например, происходит в Татарстане или Чечне), в конечном итоге, я уверен, все равно придет к пониманию, что в одиночку

им не справиться со своими проблемами.

— То есть вы считаете, что тезис — «судьба России будет решаться в ее регионах» — несостоятелен?

— Вероятно, она будет там решаться, но не вся. Я считаю, что наша линия должна быть направлена на одновременные — и парламента, и президента — выборы, но не сейчас, не в декабре, а в лучшем случае в марте следующего года. С тем, чтобы новый президент приступил к своим обязанностям в июне, то есть по американской системе. И все.

— Что же делать с теми лидерами территорий, которые на всех углах заявляют о своих претензиях на решающую роль в судьбе России, на роль единственных ее «консолидаторов»?

— Да, тенденция такая есть. С этими лидерами регионов надо непременно сотрудничать, но там, где они помогает. А в других случаях — просто поворачиваться к ним спиной.

— Несмотря на их угрозы применения различных экономических санкций — отключить подачу нефти, газа, угля, прекратить платить налоги в федеральную казну?..

— А многие из них и так уже фактически налогов не платят. Допустим, они начнут где-то что-то отключать — газ, нефть и прочее. Но они же и сами зависят от других регионов, от той же Москвы!.. Они же должны понимать, что это бумеранг. Так что считаю, не надо их бояться. Уж коль скоро лидер государства, президент, встал на этот путь, он должен его продолжать и быть решительным.

— Евгений Аршакович, известно, что сразу же после появления Указа от 21 сентября вы одним из первых в бывшем Верховном Совете подали заявление об уходе с поста председателя Комитета. Если не секрет: что вы написали в своем заявлении на имя Хасбулатова?

— Какой уж тут секрет. Написал очень просто: в нынешней ситуации считаю для себя невозможным исполнение моих обязанностей в качестве председателя Комитета по международным делам и внешнеэкономическим связям.

— Как вы себе представляете вашу дальнейшую личную судьбу? Или, может быть, она уже определена?

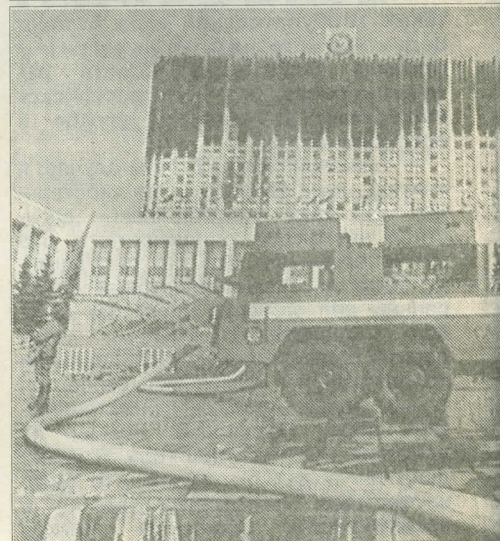
— Нет, она пока не определена. Я все-таки политолог, сейчас уже достаточно опытный. С удовольствием буду писать, анализировать сегодняшние политические процессы, работать как ученый. Если, конечно, не буду востребован в ином качестве.

— Например, в качестве посла? Или это только слухи?

— Пока только слухи.

Сразу же по окончании «октябрьской революции» № 2 важные дяди с большими звездами на погонах принялись в поте лица счищать жирные пятна со своих мундиров спецпошива. Нет, ну что вы, во внутренних органах никаких перебежчиков не было, и в ночь с третьего на четвертое октября ни один милиционер не оставил своего поста. Как же, как же, министерство любви высоко сидит, далеко глядит, Руцкого со товарищи насквозь видит, да вот только за бабульками под водительством Уражцева не уследило. И вообще, танкам от Ясенева до Красной Пресни меньше чем за шестнадцать часов никак не добраться: пока наводчика на картофельном поле разыщешь, пока механик портянки намотает (а командир, кстати, расквартирован где-то совсем вне политики) — так что...

Можно было бы поверить во «внезапное» нападение Гитлера на СССР в 1941 году, кабы не килограммы шифровок-предупреждений от разведчиков. Можно было бы убедить сограждан в неизбежности сотен смертей, в достаточной компетентности (лояльности?) армейско-милицийско-гвзбшных начальников, кабы все, от кого зависит наша безопасность, действовали так же — ни шатно ни валко, медленно и печально. Важные дяди-министры получили детский мат от Управления пожарной охраны ГУВД города Москвы — единственной, пожалуй, спецслужбы, которой «после бала» не в чем было оправдываться.



Кирилл РЫБАК
 Андрей ГОЛУБНИЧИЙ (фото)

В ПОЖАРНОМ ПОРЯДКЕ



Вид с 15-го этажа мэрии

5.10.93.
 «Белый дом»

Предпоследние дни

Столичная пожарная охрана «засланных казачков» в рядах оппозиции, понятное дело, не финансирует. Тем не менее УПО стало готовиться к худшему, как только Ельцин низложил депутатов, а Руцкой «низложил» Ельцина. 21 сентября весь личный состав был переведен на казарменное положение, имеющаяся техника полностью введена в боевые расчеты и сконцентрирована на опорных пунктах, город разделен на участки, во всех подразделениях вплоть до роты

созданы оперативные офицерские группы, расконсервирован резервный пункт управления, пожарный катер на всякий случай передислоцирован поближе к «Белому дому» (в час «икс» он дойдет до Краснопресненской набережной за каких-нибудь пятнадцать минут).

Теоретик казарменного социализма Петр Ткачев еще сто с хвостиком лет назад уподоблял народную революцию деревенскому пожару — и был совершенно прав. Отечественная история убеждает: если у кого-то из горланов-главарей закипел под кепкой «разум возмущенный» — непременно случаются большие пожары. Так было в Баку, Фергане, Намангане. Так случилось в Первопрестольной. И опыт работы в «горячих» точках Союза оказался для начальника УПО ГУВД г. Москвы генерал-майора внутренней службы Владимира Максимчука как нельзя кстати. «В таких ситуациях, — говорит Владимир Михайлович, — главное — не суетиться. Если управление пожарной охраны держит не один палец, а всю пятерню на пульсе города, если есть КЕМ управлять, если каждый человек знает, что и где он будет в случае чего тушить, если техника по вызову едет из ближайшего опорного пункта, а не с другого конца города — все обойдется».

Обошлось. Слава богу, не случилось возгораний ни на Капотненском нефтеперерабатывающем заводе, ни в высотных гостиницах, ни в ГУМе, ни в Большом театре — в противном случае сил на тушение депутатской цитадели могло и не хватить.

Первая кровь

3 октября. На Смоленской площади дежурят несколько пожарных расчетов (празднование 500-летия Арбата и анпиловские «гуляния» днем раньше обернулись возгоранием газопровода). Пятнадцатитысячная толпа, прорываясь к «Белому дому», набрасывается и на сотрудников УПО, пытается поджечь спецавтомобили. Жестоко избиты старший инструктор Алексей Железнов и инструктор Николай Аполлонов, выведены из строя две пожарные машины.

При штурме мэрии макашовскими боевиками захвачен в плен исполняющий обязанности начальника части пожарной охраны здания капитан Дмитрий Самофал. В числе других заложников он отправлен в «Белый дом» на допрос. К чести «защитников демократии» — спустя три часа капитана освободили. После чего он... пробрался обратно в мэрию, где и продолжал нести службу.

«Останкино»

Пожарная техника была готова выехать к телецентру еще за час до

того, как туда двинулись колонны дивизии имени Дзержинского.

3 октября. 20.06 — отдана команда о передислокации пяти автоцистерн в дежурный караул 73-й роты, находящейся на территории ВВЦ (экс-ВДНХ).

20.37 — поступило сообщение о пожаре в цокольном этаже АСК-3. К месту возгорания выехали шесть пожарных машин и оперативная группа офицеров УПО. Но работать в «Останкино» невозможно: все подъезды к зданию забаррикадированы, боевики, угрожая оружием, запрещают тушить здание. Огонь распространяется на первый этаж.

Около 23.00 — к пылающему АСК-3 под прикрытием двух БТРов прорываются еще пять пожарных автомобилей.

23.21 — пожарные приступают к тушению пожара лафетными стволами с внешней стороны здания. Группе под руководством заместителя командира в/ч 5114 подполковника Анатолия Антонова удается пробраться в здание комплекса по подземному кабельному коллектору и подать три ствола от внутренних пожарных кранов навстречу распространению огня. Вокруг по-прежнему идет бой.

00.13 — огонь ликвидирован. Опоздай пожарные хоть на полчаса — и пламя ушло бы выше третьего этажа. А там — фальшполы, тысячи проводов, тяга — как в хорошем камине... В общем, вся страна сидела бы сейчас без Центрального телевидения.

Мэрия

4 октября. 08.48 — в службу «01» поступает первый сигнал о пожаре в здании мэрии (СЭВ).

Около 09.00 — на площадь Свободной России прибывают одиннадцать пожарных машин. Здание интенсивно обстреливается снайперами со стороны Нового Арбата. Военные не пропускают пожарных внутрь — «не велено».

9.22 — горят 6-й, 7-й, 9-й, 10-й, 12-й этажи.

Около 10.00 — после часовых надрывных переговоров военные все же соглашаются допустить пожарных в здание — к этому времени охрана вынуждена уже покинуть мэрию из-за усиливающегося задымления.

10.22 — пожарные поднялись по стационарным лестницам до 18-го этажа, проложили магистральную линию.

10.33 — пламя поднялось до 15-го этажа.

11.10 — ликвидировано пламя на 6—12-м этажах.

11.22 — ликвидированы очаги возгорания на 5-м этаже. На 6-м — новое возгорание. Обстрел усиливается.

11.31 — 15-й и 16-й этажи потушены.

12.16 — огонь по кабельным коллекторам дошел до 18-го этажа. Лопнул рукав — подача воды прекращена. Сбивают пламя обнаруженными в здании огнетушителями.

12.52 — пожар ликвидирован.

Белый крематорий

«Комплекс зданий Верховного Совета Российской Федерации... Общая полезная площадь — 139 тыс. кв. метров, общий объем здания — 760 тыс. куб. метров... Пожарную опасность усугубляет: наличие большого количества горючих материалов (паркетные настилы полов, ковры, мебель, сгораемая отделка кабинетов), наличие транспортных технологических

проемов, проходящих через многоэтажное перекрытие... большое количество бумажных отходов, концентрация большого количества электроосветительного, силового и слаботочного оборудования».

(Из справки УПО ГУВД г. Москвы)

А еще пожарная опасность «усугублялась» большой концентрацией «демократов» с «калашниковыми» (внутри) и военных на танках (снаружи). «Белый дом» не мог не вспыхнуть. Поэтому еще до начала штурма на крыши окрестных домов поднялись офицеры УПО — они должны были корректировать действия пожарных.

15.01 — пожарный катер пришвартовался у Новоарбатского моста.

15.04 — наблюдатели УПО сообщают: прекращается интенсивное выделение дыма из окон БД. Очевидно, защитники тушат пожар своими силами. Позже здание опять запылало.

19.28 — к зданию Дома Советов направлены тринадцать пожарных машин.

19.51 — вся техника сосредоточена на Краснопресненской набережной. Горят 16-й и 17-й этажи по всему периметру здания, огонь распространяется на 18-й и 19-й этажи. БД полностью блокирован подразделениями ВВ, военные не пропускают пожарных внутрь.

Около 20.00 — зам. начальника УПО полковник Николай Гречаников и оперативный дежурный по городу подполковник Сергей Перепелкин проникают в здание на разведку. Бойцы спецназа МВД соглашаются провести их лишь до пятого этажа. Выше спецназовцы подниматься отказываются: во-первых, темно; во-вторых, боевики засели; в-третьих, — не ровен час — проходы заминированы. Приходится возвращаться.

Рассказывает полковник Николай Гречаников: «Пока мы со спецназовцами объяснялись, внизу, оказывается, караул сменился. Идем мы с Перепелкиным спокойно к выходу, и вдруг: «Руки вверх! Ложись, сука!» — и автоматом в бок тыкают. Я говорю: «Что ж ты, сынок? Я полковник, пожарный, не видишь, что ли?», а мне: «Ничего не знаем. Может, ты пожарного убил и его боевку на себя надел...» Повели нас к коменданту, в тыльную часть здания. Спасибо, начальник наш быстро связался, объяснил, что к чему. В общем, минут через сорок нас отпустили».

21.21 — военная комендатура в очередной раз отказывается выделить солдат для сопровождения пожарных в высотную часть БД. Усиливается обстрел площади перед Домом Советов со стороны Нового Арбата. Все боевые действия пожарных подразделений прекращены.

22.15 — на пандусе у центрального входа установлены автолестница и коленчатый подъемник, пожарные готовят стволы для подачи в горящие



Дом Советов. Прозаседались...

этажи. Помощник оперативного дежурного капитан Евгений Чернышев прокладывает магистральную линию от катера к главному входу. Кое-где ему приходится передвигаться попластунски: снайперы с новоарбатских небоскребов бьют по пожарным прицельно. Позже Чернышеву пришлось еще раз пересечь площадь под сплошным автоматным огнем — с пятидесятикилограммовым разветвлением* на плечах.

23.03 — снова усиливается перестрелка. Подача стволов приостановлена. Часть техники выведена из-под огня — ее рассредоточили в ближайших подразделениях. В это же время, по словам очевидцев, пламя в верхних этажах стало спадать.

5 октября. Около 01.00. — Огонь быстро распространяется. Полностью охвачены пламенем 16—19-й этажи. Военные по-прежнему отказываются покрывать пожарных внутри здания.

02.26 — интенсивность обстрела снизилась. Огонь перекинулся на 14-й и 15-й этажи, возник пожар на 5-м этаже стилобатной части с тыльной стороны здания.

02.32 — военная комендатура наконец-то дает «добро» и выделяет людей для прикрытия одного из разведывательных пожарных звеньев. Второе звено отправляется в высотную часть БД без прикрытия. И без оружия.

Около 03.00 — звенья ГДЗС производят разведку 14—19-го этажей здания.

Рассказывает подполковник Сергей Перепелкин: «Жуткое это было зрелище. Загляните в паровозную топку — и вы будете иметь представление, что творилось выше 15-го этажа. Крематорий. Были там в момент возгорания люди или нет, и если да, то сколько, — этого теперь уже никто не узнает. На верхних этажах «Белого дома» не осталось даже пепла».

Организовано тушение пожара на семи боевых участках внутри здания, протянута вторая магистральная линия.

На каждый выстрел со стороны БД бойцы Тульской дивизии ВДВ, расположившиеся на Краснопресненской набережной, отвечают шквальным автоматным огнем, стреляют по силуэтам пожарных, мелькающим в окнах. После каждого залпа капитану Чернышеву приходится через мегафон утихомиривать десантников, отсылая их к какой-то тульской матушке.

5.32 — на 17-м, 18-м, 19-м этажах слышны мощные взрывы. Пожарные продолжают работать под перекрестным огнем, локализуя пожар на 14-м и на техническом этажах (выше и ниже очагов горения).

06.34 — ликвидировано открытое



Фото И.Саксонова

горение на всех этажах, кроме 19-го.

07.30 — пожар полностью ликвидирован. Произведена передислокация техники и замена личного состава. Сотрудники УПО приступают к расчистке коридоров.

Около 09.00. 19-й этаж. Вода буквально кипит на стенах. Передвигаться можно лишь ползком. В одном из помещений бойцы УПО обнаружили остатки громадной кучи автомобильных покрышек. Не исключено, что верхние этажи здания были подожжены изнутри (кем? с какой целью?).

Итог: полностью выгорели 16—19-й этажи, частично — 4-й, 5-й, 8-й, 9-й, 14-й, 15-й этажи на общей площади около 5000 квадратных метров.

Между тем

Вечером 4 октября и ранним утром 5 октября, в то время как основные силы пожарной охраны тушили «Белый дом», в зоне боевых действий произошло еще два серьезных пожара.

Новинский бульвар, 12. Видимо, снайперская пуля пробила газопровод на 10-м этаже жилого дома. Около 19.00 4 октября пламя быстро распространяется на 9-й этаж и на чердак. Пожарные машины не могут подъехать к дому — Садовое кольцо перекрыто баррикадами. Приходится разворачиваться против движения... Кстати, пять лет назад этот дом уже горел, горел страшно — тому пожару дали пятый номер (высший уровень сложности). На сей раз обошлось — полностью выгорела лишь одна квартира, пламя погасили за два часа.

Мэрия. После них хоть...

Могли бы и быстрее, но стрельба... И опять же, пришлось уговаривать военных, чтоб не лупили из тяжелого пулемета по крыше. По дороге в часть машину руководившего тушением майора Александра Касаткина остановили милиционеры. Задержали, отвели в 122-е отделение милиции — «до выяснения личности». Спасибо, дали хоть потушить.

Рочдельская улица, 11/5, аккуратно напротив БД. Вероятная причина возгорания — трассирующая пуля. Около 05.00 5 октября загорелась четырехкомнатная коммунальная квартира на 8-м этаже, жильцы кинулись звонить в службу «01», но телефоны оказались отключены. Огонь заметили пожарные, тушившие Дом Советов, — и через несколько минут бойцы в/ч 5106 подали в пылающую квартиру четыре ведра. К 08.30 огонь был ликвидирован.

Информация к размышлению

Пожарная автоцистерна несколько не похожа на бронетранспортер. Пожарный ствол ничуть не напоминает ствол гаубицы. Огнестрельное оружие в перечне штатного спецоборудования отсутствует. Бойцы УПО шли под пули безоружными. При этом за три дня в Москве НЕ ПОГИБ НИ ОДИН ПОЖАРНЫЙ. И это, пожалуй, главный показатель их профессионализма.

Есть над чем поразмыслить серьезным дядям в силовых министерствах.

* Разветвление — устройство для подсоединения нескольких рукавов к одному магистральному.

Ксения КЛИМОВА

НЕ БУДЕМ ПОДЖИГАТЬ ПОЕЗД

Как вести себя до, во время
и после чрезвычайного положения

Куда звонить, к примеру, в случае
Военного переворота?

В.Вишнеvский

Вопрос поэта — певца советского Беспредела — так и остался без ответа. Никто год-два назад не верил в актуальность проблемы. А зря...

Зря не держали за углом телецентра парочку БТРов. Зря не выключили, не запаслись, не предусмотрели. Да полно, можно ль все предусмотреть? И кто направит, кто научит обычных, нас, не защищенных пуленепробиваемым жилетом, самой нужной из наук — науке выжить?



Фото В.Канторо

Народу в маленькую аудиторию, где шли занятия Школы выживания «Vitalis», набилось под завязку. По списку выяснили, что половина слушателей, испугавшись невиданного явления «комендантский час», не явилась. Остальные привели с собой родственников. **Виталий Сундаков**, руководитель школы, разложил перед собой массу книжек, брошюр и пособий — их обилие внушало надежду на светлое будущее — и начал занятия. Через десять минут слушатели злобно хихикали. Нет, некому подумать о сохранении нашей жизни. Это не рекомендация, это издевательство форменное: «...увидев собаку, улыбнитесь». «Соблюдайте очередность при выходе из падающего самолета». «У вас на лестничной площадке посторонний? Постарайтесь сфотографировать его». «Не заходя в квартиру, выясните, есть ли внутри посторонние». (?) «Накройте загоревшийся телевизор тканью» — да ты сгоришь вместе с тканью и телевизором, несчастный! Не говоря уже о том, на кой приглашать к останкам аппарата телемастера, как рекомендует пособие.

Все цитаты — подлинные. Не будем придираться к стилю — рекомендации по выживанию должен писать Хемингуэй. Вникнем в суть: есть наука безопасности или нет ее?

Школой выживания могут объявить

себя любые курсы фигурной штопки, любая секция мордобоя, любой туристический клуб. Все это не имеет никакого отношения к системе знаний и к методологическим тонкостям, которыми должна обладать всякая уважающая себя наука. У науки выжить есть философия, которую можно назвать «эмпирический экзистенциализм». «Эмпирический» — потому что все доказано, обосновано логически и желающие могут изобразить формулы или высечь основные постулаты на мраморе. «Экзистенциализм» — потому что очень не хочется помирать, особенно по глупости. Я бы еще обнаружила и черты развитого прагматизма.

Существует Открытая международная академия проблем сохранения жизни, действительным членом которой является Виталий Сундаков. Международные академики вряд ли способны в ближайшее время порадовать нас своими открытиями, изложенными в популярных пособиях, — нам их опыт не указ. Мы уникальны, ведь только наши люди бегут в сторону прозвучавшего выстрела, в то время как во всем мире — разбегаются. И наоборот: наши разбегаются от милицейского свистка, всех остальных свисток сзывает на помощь. Кто не верит в нашу неповторимость, пусть вспомнит стоны молодой дикторши «Си-эн-эн», то и дело восклицавшей «О, Боже!», когда наши бесстраш-

ные зеваки весело играли в прятки с пулями у «Белого дома». По какой же системе учить эти горячие головы?

В школе выживания «Vitalis» изучают 15 дисциплин, включая фирменную, разработанную специалистами школы, — «Основы безопасной жизнедеятельности». Возможно, именно по этой дисциплине выйдет книга. А еще изучают рукопашный бой, аварии-катастрофы, экстрасенсорную, уфологию, магию, астрологию и множество медицинских дисциплин.

Систему знаний мне втолковал **Андрей Иванов** — специалист школы, с виду — каскадер, по образованию — учитель истории. Самое трудное было усвоить, что у науки выживания есть теория. Как это можно теоретически выжить?

Возьмем пару веревочек и пристально на них посмотрим. Андрей для наглядности изобразил несколько узлов. В мире есть 150 способов соединить между собой веревки. Зная пять-шесть основных, можно освоить и остальные. Пять-шесть «узлов» перекрывают 90 процентов всех экстремальных ситуаций. Из кучи разнообразных полезных сведений, как из множества блюд на королевском пиру, можно выделить три смены: как не пропасть в условиях дикой природы, в условиях искусственной среды (в городе, поезде, самолете, квартире) и как сохранить

человека как личность и биологическую систему. Профессионалы с таким делением на разделы могут спорить, это деление — для дилетантов, упорно бубнящих: так куда же звонить в случае военного переворота? Подожди, сам додумаешься.

Запиши на мраморе формулу безопасности: «предвидеть; по возможности — избежать; при необходимости — действовать». Все, чему учат врачей, пожарников и милицию, — меры по ликвидации последствий. Что такое профилактика, вообще никто не знает. Но как же ты научишься вести себя в падающем самолете?

Очень просто: **методом модельного проигрывания ситуаций**. На вас напали в подъезде. Где именно? Прямо сразу за дверью. Вы на каблуках (в кроссовках), в очках (в шляпе), с сумкой (без). Напали с кирпичом-пистолетом-молотком, схватили за шею, за руку, за плечо? Представьте себе все это во всех деталях и подумайте, что делать. Можно сидя на диване, но лучше — войдя в свой подъезд. Может быть, сам собой родится ответ — не закрывая дверь, проверь, есть ли кто-нибудь внутри.

А бывает, что у машины колесо отваливается на ходу. Что полетит в сторону пешеходов: машина или колесо? Да кто его знает, но после гибели на остановке моей знакомой я всегда смотрю навстречу идущему транспорту.

Конечно, самостоятельно всех экстремальных ситуаций не предусмотреть, и выходы из них лучше подскажут специалисты. Тем более что критерий экстремальности размыт. Как хором сказали мои собеседники: кому война, кому — мать родна. Старушка вышла в гололед — и это экстремально для нее и чреват, а бугаю в ботинках на рифленой резине — до лампочки. Но куда же все-таки звонить в случае военного переворота?

Вернемся к моделированию ситуаций. Чтобы знать, как вести себя в горящем вагоне, не надо поджигать поезд. Надо запомнить: вагон выгорает дотла за семь минут на стоянке и за одну-две — на ходу. Огонь распространяется по ходу поезда, и поскольку нет в нем времени на эксперименты, смело шагай навстречу огню, сквозь него. Иначе у дверей столпится слишком много народа и все сгорят. Условно, хоть и тошно от такой информации.

Хорошо, если эти сведения пролежат в теории. Но чтобы в нужный момент они спасли жизнь (страны, вагона, человека), они должны находиться в чьей-нибудь голове, лучше в той, что принимает решения. Специалисты знают, как и что делать, — давайте слушать специалистов, в том числе и по военным переворотам. От огромной кучи блюд на столе знаний о безопасности каждый может отгрызть столько, сколько усвоит, — вишир или вглубь. И стать специалистом — по переворотам военным или кувырканию в воздухе, в воде, в огне.

Специалисты по выживанию от назойливых повторов слова «выжить» морщились — они за то, чтобы не существовать, а жить. Для чего надо быть социально адаптированной личностью, то есть приспособленной к законам социума. Не плюй в колодец — тоже закон. Не учитывая простых народных истин в государственной политике, наверное, можно стать социаль-

но-неадаптированным государством?

Все знают, что социум намерен бросить все силы на зарабатывание денег. Некоторые хрупкие индивиды от этого отлынивают — им претит. А ты попробуй так зарабатывать, чтоб тебе было хорошо и комфортно, например, используя свои увлечения, любимые занятия.

Получу я ответ, куда звонить, в случае... или нет?

Насладившись моим нетерпением, специалисты констатировали высокую степень моей адаптации к условиям чрезвычайного положения: правильно рассуждаю, штурм закончился, но пена осталась, осталось множество вооруженных и неудовлетворенных политической ситуацией людей, представляющих опасность. Тревога и неуверенность — нормальная реакция на ненормальные условия бытия. Чрезвычайное положение, одним словом.

Почему-то никто не объяснил, что это значит, как будто такое в Москве — трижды в год. Комендантскому часу были даны лишь количественные характеристики: с одиннадцати до пяти. Без четверти одиннадцать оmonoвец уже орал в переходе пьяному: мотай отсюда, не то через 15 минут я с тобой по-другому поговорю, а тот никак не мог понять быстроты изменений.

Усвоим до наступления неприятностей: выходя из дома в город, где объявлено ЧП, возьмите с собой паспорт или любой документ с фотографией. Записку с номером вашего телефона вложите под обложку. Если у вас аллергия на препараты, используемые при оказании срочной помощи, укажите, на какие именно, тоже в записке. Задерживаетесь в гостях — оставайтесь ночевать. Если вас задержали на улице и комендантский час на носу, вы имеете право позвонить домой или требовать, чтобы такой звонок сделали задержавшие. Иначе ваши близкие побегут вас искать и сами окажутся в положении нарушителей.

Ни в коем случае не убегайте от патруля, этим вы убедите военных в том, что пора применять к вам суровые меры. В момент задержания стойте спокойно, выньте руки из карманов и сообщите, в каком кармане у вас находятся документы. Если у вас изъяты какие-либо вещи, потребуйте составления соответствующего документа в присутствии свидетелей. Вариант «приходите завтра, мы все оформим» не должен вас устраивать.

Если на улице услышали стрельбу, не бегите на выстрелы — вы не Рэмбо. Выстрелы над головами — быстро падайте на землю, закрыв голову руками. В октябрьские дни прозвучало слово «снайпер». Попробуем разобраться, что это такое.

Видели ли вы в кино, как падает лифт? Очень страшно. Но увидеть такое можно разве что в кино — лифт не падает. Как только кабина начинает развиваться скорость, срабатывают примитивные устройства защиты, длинные штыри задержат падение. Снайпер — примерно такая же редкость, как падающий лифт. Но это не значит, что не стоит обращать внимания на человека, шествующего с ружьем или с чем-то на него похожим в чехле на верхний этаж дома. Насторожить должны и шаги по чердачным полам.

Одиноким выстрел на улице, звон раз-

битого стекла или, не дай Бог, вид падающего рядом человека — сигнал для вас. Исчезните, прыгните в подъезд, упадите за протектор автомобиля. Каждый выберет возможный вариант, а из всех возможных — наиболее человеческий. Если надо вызвать помощь, хорошую службу может сослужить лифт: нажав кнопку, вызовите диспетчера и передайте сигнал бедствия. Если вас преследуют, поднимите лифт и остановите его между этажами.

Чтобы самому не стать мишенью для снайпера, не следует слишком ярко одеваться. И уж совсем не стоит надевать одежду с яркими эмблемами на груди — замечательная мишень. В толпе привлекает внимание любой орущий, размахивающий руками, заметный человек. Станьте тише. Район действия снайперов обычно сообщается. Но можно учесть и, поразмыслив, определить, какой район, час дня обладают повышенной victimностью и какое поведение может навлечь на вас беду. Обстановка политизированна, и тот, кто публично, с плакатом или пенной у рта, обнаруживает свои политические взгляды, рискует вызвать гнев оппонентов.

В период ЧП выходите из дома одетые легко и удобно — откажитесь от высоких каблуков, дорогих вещей. Вдруг вам придется падать в этом костюме на землю или провести в нем ночь в милиции? Но не стоит и выглядеть, как бомж. Автомобиль лучше поставить в гараж.

Шторы в квартире следует держать задернутыми, о криках и стрельбе во дворе — звонить в милицию, ведь завтра под огнем могут оказаться ваши близкие. Не выходите на лестничную клетку, если в квартире неожиданно погас свет, — это самый надежный способ выманить жильцов. Позвоните сначала соседям. Осторожней с требованиями и просьбами открыть дверь раненому: благородные чувства могут сыграть с вами злую шутку, а раненый может оказаться и не раненым. Учтите, что те, кому нужна помощь, звонят и стучат во все квартиры на лестничной площадке. Выходите только вместе с соседями. Полномочия позвонивших именно в вашу дверь проверяйте по телефону.

Еще одно новое слово — теракт. Почему убрали урны в метро — нетрудно сообразить, — чтобы туда нельзя было подложить взрывчатку. Любопытный и ничей сверток должен привлечь ваше внимание. За автомобилями, припаркованными возле учреждений, стоит присмотреть охрану учреждений.

Мрачно все как-то! Желая поразвлечься, специалисты предлагают подумать: где взять воду, если в кране ее не найти и все запасы иссякли? В бачке унитаза: 20 литров чистой воды. Но поскольку по законам безопасности любую ситуацию следует продумывать до конца, то возникает следующий вопрос: а что же делать, чтобы избежать в туалете разрухи после опустошения унитаза бачка? Да целлофановый пакет засунуть в унитаз и пользоваться им, как ночным горшком, аккуратно расправив.

Не унывай, подруга!

БУДЕТ В РОССИИ ЛУЧШИЙ ФЕРМЕР

Третий конкурс «Российский бизнесмен», проводимый совместным акционерным предприятием «Анис», на этот раз называется «Фермер года».

В конкурсе участвуют новые фермеры, те, кто начал свое дело около года назад. Претендентов было 65 человек из различных областей и регионов страны. И каждый сполна хлебнул трудностей, поднимая хозяйство. Вот с какими проблемами, к примеру, столкнулся Сергей Нефедов из Смоленской области и три его брата, решившие построить крупное фермерское хозяйство. Выделенных им банковских кредитов хватило ненадолго. За то время, что строили, цены на материалы и оборудование подскочили, а до продукции, само собой, еще далеко. Не только расплачиваться нечем, но и лимит терпения банкиров исчерпан. Новых кредитов не ожидается. И Нефедов вынужден продать недостроенное хозяйство, чтобы вернуться к тому, что было до этого.

А кому-то удалось уже и на «мировой рынок» выйти. Ассоциация фермеров Калмыкии, например, заключила контракт на поставку живых барашков в Арабские Эмираты. Авиарейсы купили, но не хотят гнать самолеты порожняком обратно и спрашивают организаторов



Фото ИТАР-ТАСС

конкурса — не откупят ли те половину для обоюдной выгоды?

«Откупим», — пообещал глава фирмы «Анис» Анис Мухаметшин представителям Калмыкии на прессконференции. И еще Мухаметшин убеждал фермеров, что если вложить средства в производство высококачественной упаковки товара, то это позже окупится. Как окупится, к слову, и участие в конкурсе. За счет чего? Ну, хотя бы потому, что это — реклама. И опыт, который учит ориентироваться в меняющихся хозяйственно-экономических отношениях.

Между прочим, в пресс-релизе конкурса были изложены не условия, а концепция проведения финала «Российский бизнесмен-93. Фермер года». Пройдет он в рамках ярмарки «Золотая осень», организуемой фирмой «Анис».

Но это еще только будет, а пока определены десять финалистов конкурса — из Волгоградской, Московской, Тульской, Белгородской, Новгородской, Воронежской областей, Тувы, Марий Эл. Путь к финалу был многоступенчатым. Сначала претендентов из числа желающих отбирали региональные отделения АККОРа, затем экспертная комиссия, в которой — академик Россельхозакадемии Алексей Емельянов, вице-премьер России Александр Завяруха, министр сельского хозяйства Виктор Хлыстун, руководитель Крестьянской партии Юрий Черниченко и другие специалисты. А имя лучшего российского фермера 1993 года станет известным 30 октября.

Марина МУЛИНА

ПРОДАЕМ БОЛЬШИЕ КВАРТИРЫ В ЦЕНТРЕ МОСКВЫ

М. «Курская» 4-комнатная квартира,
общая площадь 124 кв.м,
жилая площадь 80 кв.м.

Сделан индивидуальный капитальный ремонт.

В квартире имеется сауна.

Цена 136 400 долл. США

Две совмещенные 5-комнатные квартиры
(в двух уровнях). Общая площадь 292 кв.м,
на 2-м и 3-м этажах.

Имеется лифт, телефон, 14 балконов.

М. «Динамо», 10 мин. пешком,

Цена 219 000 долл. США

Тел. (095) 285-56-18, 285-38-19

НЕФТЬ И ГАЗ В СОКОЛЬНИКАХ

С 14 по 21 октября в выставочном центре парка Сокольники проходила выставка-ярмарка «Нефтегазстрой-93».

На первый взгляд, самая обыкновенная специализированная выставка. Но это только на первый взгляд. На самом деле от ее результатов зависит очень многое — инвестиции в газовую и нефтяную промышленность России (кто и как будет осуществлять), получение права на разработку тех или иных месторождений (кому давать), технологии (какие применять). В смысле технологий, кстати, Россия — самая заинтересованная сторона. Поэтому более двухсот фирм и организаций принимали участие в «Нефтегазстрое-93».

По мнению специалистов, наиболее активно в кулуарах выставки и на

официальных «собораниях» обсуждались возможности выполнения крупных программ по освоению богатейших месторождений на Крайнем Севере, в Тюменской и Архангельской областях, на Ямале и Сахалине. Также «продискутирован», как выразились означенные специалисты, вопрос об освоении шельфов северных морей.

Устроителями выставки выступили Акционерное общество «Роснефтегазстрой», выставочный центр «Московская ярмарка» и фирма «Глахе интернациональ КГ» из Германии.

Эдуард ДОРОЖКИН

ТРЕХЦВЕТНЫЙ ПУКК

Надо обязательно взять чего-нибудь у природы — нечего ждать от нее, непутевой, милостей! Ау, отставные юные натуралисты-мичуринцы, энтузиасты подопытных грядков, герои прополки и специалисты по скрещиванию. Помните время, когда государство общалось с подданными посредством лозунгов, ярвым было велено становиться озимыми, после чего урожай обзирями, почему-то в Канаде? Спите спокойно — не перевелись еще на Руси энтузиасты селекции, гении плодовоощного сыска. Корреспонденту «Постфактума» доверительно сообщили в областной администрации Волгограда, что в станице Кумылженской выведен патристический сорт кукурузы. В початке сочетаются зерна трех цветов — синего, желтого и красного. Название новому сорту еще не родили, но связь с трехцветным флагом Войска Донского может стать определяющим фактором. Предлагаю, плагиатор, назвать его ПУКК. Почитатели «Чонкина» схватят меня за руку. И поделом — был среди героев Войновича энтузиаст, пытавшийся создать гибрид картофеля с помидором, назвавший химерический сорт неблагозвучной аббревиатурой ПУКС — путь к социализму. Поскольку рельсы на этом тракте уже разобрали, лучше заменить мечту миллионов на «капитализм». В итоге получим название, столь же эмоциональное и не имеющее отношения к реальной жизни.

Нет, я не подвергаю сомнению жизнеспособность экономического уклада, который прижился в большинстве государств нашей планеты. Просто деловой жизни противополоказаны цветные эксперименты и ненужная трата селекционного материала. Берите пример с ученых Приморья. Они решили загнать японцам четверых белух — северных дельфинов. Привезли их с Сахалина, разместили в специально поставленных во льдах на острове Попова близ Владивостока и готовят к передаче новым владельцам из Страны восходящего солнца. Агентство РИА не

уточняет, чему научат морских интеллектуалов специалисты из Тихоокеанского института рыбного хозяйства и океанографии, но обе стороны наверняка будут довольны сделкой.

Московский же государственный зоопарк «Сафари», который в столице толком никто не знает, тоже решил торговать зверьем оптом и в розницу. Гастролируя в Волгограде, он предложил желающим стать владельцами экзотических животных, сообщает «Постфактум». Бурого медведя готовы уступить за миллион, уссурийского тигра — за два-три, а за персидского леопарда или черную пантеру просят аж четыре миллиона.

Но в массе своей народ предпочитает иметь дело с более мирной живностью. Коммерческая фирма «Стелла» решила вплотную заняться конверсией. Она приобрела бывшие казармы выведенной из северного города Надьма воинской части и намерена плодить там гусей. Оборудование для

воспроизводства пернатых в условиях Крайнего Севера фирма собирается прикупить у одной из компаний Израиля.

Горожане Спасска-Рязанского коммерческих связей с Израилем не поддерживают. Поэтому не мудрствуют лукаво, а просто обзаводятся живностью, да так интенсивно, что за короткий срок увеличили поголовье буренок в шесть с лишним раз. Рогатое стадо достигло нескольких сотен голов. Мычание в древнем городе перемежается хрюканьем и бляньем. Скоро Спасск-Рязанский станет похож на гоголевский Миргород, сообщает ИТАР—ТАСС. Правда, лучше было бы, если бы коровами занимались фермеры. Но для этого и надо торить настоящий путь к капитализму, не тратя времени на правовые изыски, чем занимался бывший парламент.

И все-таки в словах порой бывает заключена магическая сила. Есть, к примеру, в Приморье село Вольнона-

деждинское. В таком населенном пункте наверняка должны жить энергичные люди. И верно. Местные крестьяне, создавшие фирму «Феспя», пробурили в лесу, подалее от жилья, скважину, качают из нее воду и продают во Владивостоке иностранным консульствам, ресторанам и всем желающим.

Кроме родниковой фирма «Феспя», добавляет ИТАР—ТАСС, качает еще и минеральную воду, которая реализуется в различных городах Приморского края.

Но отвлекемся от природы, придающей обзору аграрный уклон. Ведь сельхозпродукцию или другую поклажу надо возить. И, чу, в городе Новоалтайске совместными усилиями россиян, белорусов и китайцев создано СП «Байхэ», которое начало выпускать грузовые велосипеды. Совместное предприятие замахнулось на ежегодное производство 200 тысяч единиц непривычной для нас техники, позволяющей транспортировать не только того, кто крутит педали, но и 100 килограммов груза, не тратя при этом ни капли дефицитного и дорогого бензина.

Ну а дорогу, по которой покатит эта педальная новинка, каждый выберет себе сам.

Александр АГОПОВ

ЭКО-НЕВИДАЛЬ

ДОХОДНЫЙ ЗНАК

При рыночной экономике даже уличные указатели должны приносить доходы, решили в Санкт-Петербурге. В отеле «Европа» состоялась презентация нового петербургского знака-указателя улицы и дома. Табличка представляет собой синий прямоугольник. В его левом углу — герб города, а в правом — трехцветный российский флаг. Между ними — название города по-русски и в традиционном написании латинским шрифтом. В течение трех лет предполагается сделать почти полмиллиона таких табличек. Причем на тех, что украсят неугловые дома, будет размещаться реклама. На каждом таком указателе — логотип фирмы «Хилти», которая выделила на выполнение этой программы 750 тысяч долларов. Каждая табличка принесет в городскую казну 30 долларов.

ШТИРЛИЦЫ ПОМОГУТ БИЗНЕСУ

Все функции обеспечения безопасности российского бизнеса, начиная с консалтинговых услуг и кончая экономической разведкой и информационной защитой с помощью специальных технических средств, берет на себя ассоциация «Информация для бизнеса». Защитный фильтр, позволяющий уберечь цивилизованных бизнесменов от мошенничества и экономической некомпетентности со стороны, сотрудникам ассоциации сделать не так уж трудно. Ведь большинство из них — ушедшие в отставку профессиональные разведчики и контрразведчики. «К сожалению, многие обращаются к нам тогда, когда неприятности уже случились», — сказал корреспонденту ИТАР—ТАСС вице-президент ассоциации В.Добрынин.

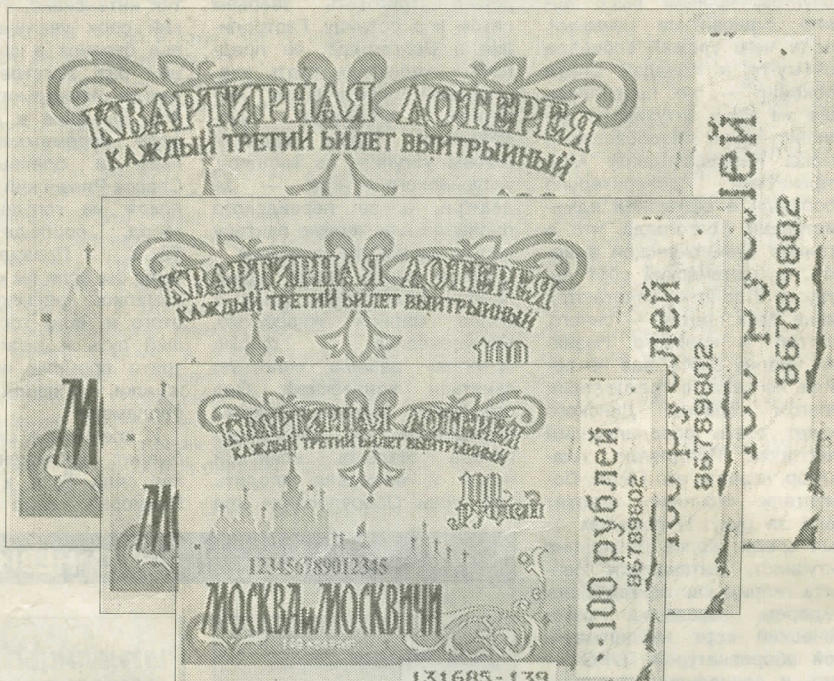
НЕФТЬ ПОВЕЗУТ ПОДО ЛЬДОМ

Конверсия и острая необходимость снабжать горячим районы Крайнего Севера способствовали появлению на свет научно-коммерческой идеи. Морское бюро машиностроения «Малахит» в Санкт-Петербурге завершает разработку проекта подледной транспортной системы в Арктике. Он предусматривает снабжение в зимнее время потребителей с помощью подводных танкеров. Планируется строительство как нефтеналивных судов специальной подводной конструкции, так и первоборудование подводных лодок, выводимых из состава ВМФ. Подводные танкеры не потребуют дорогостоящего ледокольного сопровождения, сообщает ИТАР—ТАСС, проложат более короткий курс и наберут высокую скорость — до 18 узлов в час.

Аэлита ЕФИМОВА

«МОСКВА И МОСКВИЧИ» — авантюрный роман с продолжением

Разумеется, Гиляровский тут ни при чем. Авторов у этого «романа» несколько. Константин Затулин, президент Международного биржевого и торгового союза, заместитель председателя Совета директоров Международного банка торгового сотрудничества, председатель Совета предпринимателей при мэре Москвы, акционер фирм «Информационные технологии России» и «Московская трастовая компания». Сергей Шаркин, генеральный директор АО «Огни Москвы». Василий Попов, генеральный директор АО «Информационные технологии России», вице-президент «Московской трастовой компании».



НА ЧЕМ БАЗИРУЕТСЯ АВАНТЮРА? На непрошибаемой вере наших людей в чудо. Уж, казалось бы, пора на носу зарубить, что азартные игры в стране победившего всех и вся непонятого «изма» — это игры в одни ворота. Ворота тех, кто задает правила. Ни в отечественном казино, ни на ипподроме, ни у киоска «Спортлото» фортуна не исполняет никакой значимой роли — ни судьбы-злодейки, ни палочки-выручалочки. Это привилегия реальных людей, устройтелей шоу.

Разговор о рулетке оставим на потом. Завсегда давай казино все равно прогуляет свою трудовую валю-

ту — не в «Метелице», так в «Арлекино» или «У ЛИС'Са».

Но вы-то, для кого повышение цен на хлеб — проблема личного характера, зачем играете обманщикам на руку, вернее, на лапу? Согласитесь: «стольник» за лотерейный билет для вас дороже, чем пять «баксов» за фишку для того парня из «Метелицы», что спустил за один присест две тысячи долларов и продолжал веселиться...

Вы заглядываете крючок по самое некуда, даже не взглянув на наживку. А зря: были бы повнимательней, может, и не попали бы в ряды одураченных. Прочитайте надпись на квиточке квартирной лотереи «Москва и москвичи»: «каждый третий билет выигрышный». И вы пой-

мете: ОНИ с вами не церемонятся, не пытаются даже замаскировать фуфло. Зачем? И так скушаете...

А ЗАЧИНАЛОСЬ ВСЕ ПОЛТОРА ГОДА НАЗАД. В Совет предпринимателей при мэре и правительстве Москвы обратилось АО «Огни Москвы» с просьбой разрешить лотерею, главными призами которой будут квартиры в новостройках столицы. Сама возможность проведения лотереи не государственной или общественной, а коммерческой фирмой показалась предпринимателям «при мэре» весьма соблазнительной. Лотерейный бизнес во всем мире признан супервыгодным занятием.

Поэтому «Москву и москвичей»

решили взять под свое крыло две связанные с московским правительством и друг с другом фирмы: АО «Информационные технологии России» и «Московская трастовая компания». Ну а для того, чтобы игры были какие-то правила и чтобы никто посторонний их не нарушил, была создана «Комиссия по проведению городских лотерей и муниципальных займов». Возглавил ее первый заместитель мэра Москвы Константин Буравлев, а органично влились в нее те, кому предстояло делать «Москву и москвичей»: К.Затулин, С.Шаркин, В.Попов. Они сами себе полномочия позволили провести эту лотерею.

Любовью и заботой о родном городе было продиктовано это начинание. «Привлечение дополнительных средств в городской бюджет для строительства бесплатного муниципального жилья» — вот к чему стремились авторы лотереи. На словах и на бумагах.

Правда, в тех же документах нет ни слова о конкретных отчислениях в бюджет из ожидаемой прибыли.

Продекларированная забота, видимо, ограничивалась суммой лицензионного сбора, который взимается в обязательном порядке с организаторов любой лотереи, — 10 процентов от будущей продажи билетов. То есть право торговать билетами организаторы по закону получают лишь после десятипроцентной предоплаты.

Само собой, к продаже билетов организаторы нашей лотереи приступили раньше. В порядке исключения Комиссия по проведению городских лотерей и займов (Затулин, Попов, Шаркин) разрешает организаторам (Затулин, Попов, Шаркин) платить поэтапно — по 10 процентов от каждой проданной серии.

С начала нынешнего года лотерейные квиточки поступили в киоски «Спортлото» и просто в руки распространителей-одиночек. В основном билеты исходили от фирмы «Информационные технологии России», поскольку АО «Огни Москвы» во главе с г-ном Шаркиным рассорилось с коллегами по игре и выпускало свою половину «опиума для народа» отдельно, не столь широко и недолго. Пополам «лотерейщики» должны были разделить и призовые квартиры — те 140, которые решено было московским прави-

тельством выделить для «Москвы и москвичей».

Шаркин даже затеял и осуществил независимую экспертизу билетов конкурента. О результатах доложил на Комиссии: никакой критики эти квитки не выдерживают — цифра выигрыша-проигрыша легко прочитывается на свет, даже «тереть» не нужно.

Но не будет же Комиссия сама себе ставить подножку — игра продолжалась.

Заинтересовался квиточками с грамматическими ошибками и Департамент финансов правительства Москвы. Сделал запрос в «Информационные технологии России» — кто изготовил билеты? В ответе была указана фирма «Джи теч корпорейшн» из американского штата Род-Айленд. Однако дальнейшая проверка документов организаторов лотереи показала, что отштамповала билеты фирма «Ферст Манхэттен групп» на сумму 575 тысяч долларов. На интересующий Департамент финансов вопрос, сколько билетов продано, руководство «Информационных технологий России» в марте предоставило справку: 3,5 миллиона штук. Однако ни договоров с фирмами-изготовителями, ни контрактов с распространителями показано не было.

Департамент финансов забил тревогу: торгуют без лицензии, нарушают закон, явный криминал для налоговой инспекции...

Но тормоза не сработали. И даже пустившаяся во все тяжкие инфляция не попала своей палкой в колесо фортуны, запущенное умелыми предпринимательскими руками.

Если г-н Шаркин сразу учел рост инфляции и со ста рублей поднял цену билетов до 400, то Затулин и К° просто в четыре с половиной раза увеличили объем выпуска билетов. Выглядело это как красивый жест: мол, несмотря на скачок цен, квартиры счастливым будут обеспечены путем привлечения большего количества средств. А на деле этим путем взяли да и снизили вероятность выигрыша...

Однако не помогло. Люди выигрывают без зазрения совести! Мало того, права качают! Покупают за сто рублей бумажку и верят написанному, будто многомиллионная недвижимость у них в руках.

Участница лотереи потеряла свой билетик и обнаружила на нем сногшибательную надпись: «двухкомнатная квартира». Прочитав на обратной стороне, что по выигрышам свыше 2000 рублей следует обращаться по адресу: ул. Ярославская, 8, корп. 6, к. 406, поспешила туда первой же лошастью... пардон — первым поездом метро. В офисе «Информационных технологий» удачливую даму встретил некто «директор по фамилии Лёвин» (за время проведения лотереи у фирмы сменились четыре директора). Он искренне удивился появлению выигрышного билета, но все-таки принял его — для экспертизы.

На всякий случай женщина не стала упаковывать вещи для переезда на новую квартиру.

Полгода ждала она результатов экспертизы. Наконец получила письменную справку: все о кей, билет проверку выдержал. И к ней — устный совет: «Обращайтесь прямо в суд, поскольку выдать вам ключи от квартиры мы не можем. А мы, в свою очередь, посудимся с Департаментом жилья за то, что он не продает нам наши законные квадратные метры...»

По словам же начальника отдела перспективного планирования Департамента жилья мэрии Москвы, организаторы лотереи за квартирами в отдел не обращались. Получается, что главных призов лотереи вообще в наличии не было.

Не подумайте, будто первоначальный замысел авторов «Москвы и москвичей» заключался в полном одурачивании народа. Он просто предполагал «халяву». Юрий Лужков, в то время еще премьер правительства Москвы, приказал Департаменту муниципального жилья «продать «Московской трастовой компании»... в течение 1992—1993 гг. 140 квартир в домах-новостройках... в качестве товарного наполнения лотереи... по цене 95 тысяч рублей за 1 кв. м площади».

Тем, кто не знаком с расценками, поясню: на аукционе тот же метр стоит до 1 тысячи долларов.

Но Департамент жилья оказался строптивым. Решил блюсти интересы города. Не клюнул на высокие фразы организаторов лотереи о благотворительных целях и дополнительных средствах, не счел предпринимателей льготниками и не

стал продавать им жилье по дешевке. Обсудил и постановил: пусть платят среднюю цену за последние четыре аукциона.

Такой вариант не устраивал авторов лотереи, но выходить из игры они не намеревались. Зачем? Денежки-то текли рекой...

23 миллиона билетов завезли они к нам из-за границы и успешно продавали в 32 городах России (хотя лотерея-то — городская, разрешенная лишь московскими властями). И при всем при том умудрились остаться чистыми, то есть «голыми».

Когда налоговая инспекция города Москвы получила известие о неуплате «лотерейщиками» налогов и приступила к проверке их финансового состояния, выяснилось, что на счету у «Информационных технологий России» денег вовсе нет. Инспекторам объяснили: все средства, поступающие от продажи билетов, забирает банк в порядке погашения кредита.

Тут необходимо уточнение. Имя кредитора — «Токобанк», учредитель фирмы «Московская трастовая компания», прописанной по одному юридическому адресу с «Информационными технологиями России». То есть, сами себе дали денег, сами у себя их взяли вместе с прибылью...

Явная, неприкрытая ложь на «голубом глазу». Кредит в 275 миллионов рублей организаторы лотереи брали осенью, когда курс рубля к доллару составлял примерно 1 к 300. Тогда же заплатили 575 тысяч долларов за изготовленные билеты. По самым скромным прикидкам, реализации 23 миллионов квитков хватило бы на то, чтобы десять раз покрыть сумму кредита...

Словом, особых материальных затруднений инициаторы лотереи не испытывают. Скорее, наоборот, они — в выигрыше. Чего не скажешь о тех участниках игры, которым «крупно повезло». На один миллион билетов организаторы лотереи щедро обещали три квартиры. Значит, 70 человек должны были обрести свой «угол» в столице. Повезло, однако, лишь четырнадцати. Большинство из них уже подало в суд на организаторов игры.

Пришлось мэру Москвы уступить натиску Департамента финансов и подписать постановление о прекращении лотереи в июле 1993 года.

Но в нашем государстве, как из-

вестно, легко законы пишутся, да трудно исполняются.

Грабёж по принципу «с миру по нитке» идет по сей день. По телевидению идет реклама лотереи: «Гарантируется правительством Москвы». Билеты распространяют по всей столице торговые точки Московского муниципального предприятия спортивных лотерей. Устроители лотереи сдают в «Спортлото» липовые билеты, получают настоящие наличные деньги. А говорят еще, душат у нас предпринимательство, не дают развернуться!

Спокойствие и беззащитность, с какими организаторы запрещенной лотереи продолжают охватывать ею мирное население, объясняется тем, что они готовы предстать перед лицом закона и иметь хорошую мину при плохой игре.

Руководство АО «Информацион-

ные технологии России» якобы для проверки самого себя вызвало посредническую аудиторскую фирму, которая до конца сентября приводила в порядок все документы лотереи, выверяла до последней буквы правильность оформления договоров. Следует ожидать, что к нужному моменту вся лотто-авантюра будет выглядеть скромной законопослушницей.

Есть ли кому дело до того, как будут выглядеть обманутые обладатели «счастливых» билетов?

Остается только еще раз призвать: СОГРАЖДАНЕ, БУДЬТЕ БДИТЕЛЬНЫ! Не верьте басням о легком обогащении. Лучше почувствуйте себя на сто рублей ближе к Ротшильду, отдав эти деньги нищему, чем на ту же сотню целковых ближе к дуракам, купив билет квартирной лотереи «Москва и москвичи»...

ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ДОМ
НОВОЕ ВРЕМЯ
ПРОВОДИТ ПОДПИСКУ
НА СВОИ ИЗДАНИЯ

"Новое время"
политический
еженедельник

ЭЛИТАРНЫЙ ЖУРНАЛ
ДЛЯ ВСЕХ

Индекс в подписном каталоге 70621.
Цена подписки на первое полугодие
1994 года 4680 руб. без учета
стоимости почтовых услуг.

НОВОЕ
ВРЕМЯ

АНТИ-КАРНЕГИ, или 88 секретов хитрюги

Нельзя сказать, чтобы наши бизнесмены не любили и не читали книги Дейла Карнеги. Любят и чтут его советы, изучают в круизах и на суше. Чтобы немедленно забыть все, чему учит этот добрый человек из Америки, и оставить его наставления разве что для общения с секретаршей, и то по праздникам. В бизнесе действуют совсем другие правила игры. Какие?

На этот вопрос, актуальный не столько для менеджеров (тем все понятно), сколько для объектов их воздействия, отвечает социолог бизнеса Ольга НЕКРАСОВА.

Хитрюг учить не надо. Они сами сообразят что к чему. Объяснять, как именно тебя обманули, стоит обманутому. Может быть, пережив провал, научившись противостоять жесткому прессингу, в бизнес придут люди, не склонные к вранью и изуверским кампаниям по подавлению человека человеком. Поскольку Ольга Некрасова преподает в Московском коммерческом университете, ей проще всего прочесть лекцию, тонкую иронию которой оценит читатель.

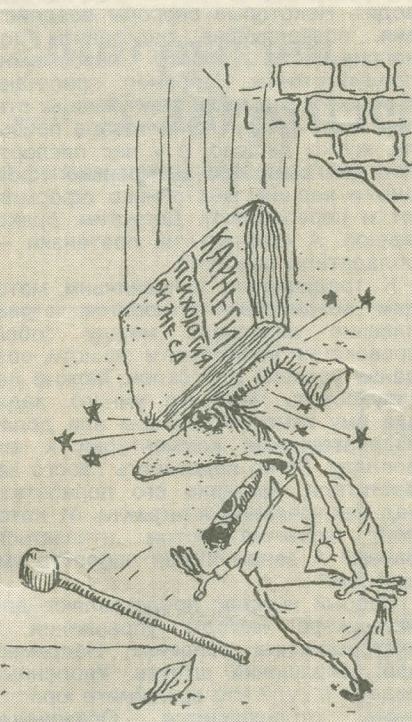


Рис. А.Зайца

Лекция на тему «88 секретов...» предназначена тем, кто уже сказал свое «ха», или кому такое сказали более удачливые партнеры. Мне понятно желание слушателей сесть как можно дальше друг от друга. Конечно, экзаменов не будет — за ошибку платят наличными.

Все способы управленческого воздействия перекликаются между собой. «Обыграть персонал» или «упаковать для персонала», то бишь обмануть, заставить сотрудников играть в вашу игру можно с помощью 88 простых приспособлений, выбор которых зависит от культуры и убеждений менеджера, а также от конкретной ситуации и сил, которыми управляющий располагает. Приведенные ниже способы воздействия годятся не только для подчиненных и зависимых, но применимы и в общении с партнерами. К тому же нет четкой грани между теми и другими — ваш зам может завтра возглавить собственное дело, а кем является

импресарио певца: хозяином или наемным работником — непонятно и сегодня.

Перечислим лишь некоторые способы. Записывайте.

Постоянно собирать компромат. Раскрыть чью-либо семейную тайну. Специально создать сложную, запутанную ситуацию. Распространять слухи. Ставить перед персоналом ложные цели. Выручить из беды, частично спровоцированной. Наконец, довести до самоубийства.

Далее. Шантаж. Захват врасплох. Провокация на необдуманные поступки. Я слишком быстро диктую? Хорошо, попробуем по порядку.

Вы уже знаете, что в бизнесе не существует понятия «мы» — только «я». Хорошо то, что выгодно мне. И способы управленческих воздействий — это ваши приемы и поступки, позволяющие добиться своей цели, выиграть у партнера.

Существует четыре типа выигрышей. Первый — временной. Вы, конеч-

но, знаете, какое значение в бизнесе имеет время, и если вам что-либо срочно требуется предпринять, оформить какую-либо сделку, то конкурента лучше всего отвлечь от дела, представляющего взаимный интерес. Можно заставить его заняться чем-то личным. Говорите, машину ему спалить? Правильно. Можно вывести из равновесия любым способом, лишь бы выиграть несколько дней или часов, необходимых вам для действий.

Второй по типу психологический выигрыш тесно связан с первым. Обмануть, расстроить, нанести душевную травму — все это позволяет выиграть время, но используется и как самостоятельный прием. Вы хотите привести пример? Пожалуйста. Сказали мелкую гадость заведующей смежного отдела, женщине, и пока она переживала, побывали у директора и вопрос решили в свою пользу? Неплохо. Украсть ребенка, говорите, на несколько часов? Это жесткий метод, но тип воздействия вы назвали верно.

Третий тип выигрыша — физическое устранение конкурента. Это совсем не так просто, как вы полагаете. В качестве примера могу рассказать историю директора предприятия в провинциальном городе.

Красивый, крупный человек и руководитель, местный уроженец с большими связями наверху, он сначала всем был нужен. Сначала — это в момент ползучей приватизации, то есть растаскивания крупного предприятия на множество мелких с параллельным производством. Не нужен он стал, когда в этом «параллельном» мире пришла пора делить барыши, на крупную долю которых наш герой мог претендовать по праву директорства. Причем не нужен никому: ни старым руководителям из партийной номенклатуры, ни новым «варягам», теневикам.

Убрать его сначала не решались ни те ни другие. Попытались подставить, посоветовав приобрести нечто мощное в пищевой промышленности — то есть деле, ему незнакомом, где уже полно своих претендентов на главенство. Эти претенденты и устроили директору аварию. Грузовик уделал директорскую иномарку как Бог черепаху. Но человеком директор оказался крепким и выжил, несмотря на тяжелые травмы и нудное лечение. Требовался следующий ход. Поскольку в процессе лечения было сделано множество анализов и обследований, директору сообщили, что он серьезно болен, подозревают рак. Соратники скинулись и отплатили его лечиться за границу, где была сделана неизвестная операция и откуда директор вернулся худым как собственная тень. Город готовился к шикарным похоронам, а жизнелюбец не собирался умирать. Подумать только: новый финансовый год на носу, а он все жив. Умер после визита одного из бывших друзей и кратковременной выпивки.

Четвертый, социальный, тип выигр-

рыша приносит плоды там, где учитывается место человека в социальной иерархии и ценится репутация. Поскольку бизнес старается преуспеть на международном рынке и наши деловые люди — походить на западных, то информация о том, что дочь конкурента — наркоманка, а сын — рэкетир, может пагубно сказаться на делах. Есть и более простые способы, для мелких служащих, именуемые просто «ткнуть мордой».

Небольшое отступление о женах. В бизнесмене все должно быть прекрасно, что позволяет ему быть менее уязвимым: и репутация его лично, и доброе имя его семьи, и родословная жены. Принципы определения породности жен не имеют никакого отношения к окрасу. Типичный пример жены хороших кровей: дочь академика. Поскольку женщина — носительница генофонда, и в случае женитьбы на кухарке бизнесмену не видать достойных наследников со знанием иностранного языка, жениться стараются исключительно на «принцессах». Хотя сами явно не голубых кровей.

Вернемся к теме нашей лекции. В случае с директором мы обнаружим сразу несколько способов управленческого воздействия: его сделали обязанным, отправив на лечение за границу, его выручили из беды, отчасти самими же созданной, и убрали, наконец, физически.

Но самые стойкие плоды приносит выигрыш экономического типа. Законы джунглей и бессмертное изречение «Боливар не выдержит двоих» определяют его суть. Не выдержит, и конкурент будет разорен, лучше до полной нищеты. А можно, наоборот, обязать подчиненного, отстегнув ему долю в доходах.

В нашей управленческой культуре, сильной традициями бюрократизма, особенно часто применяются чиновничьи методы воздействия. Например, проволоочки. Товар портится, перо занесено над бумагой: но документ не подписывается, пока сискатель заветной подписи не пообещает долю от прибыли. Среди чиновников распространен и такой метод: издать приказ и заставить с ним смириться, хотя выгода распоряжения — проблематична.

Особой изощренностью отличаются способы управленческих воздействий в среде бизнеса, связанного с наукой. Представьте себе большое учреждение-предприятие, способное на фундаментальные исследования, и при нем — СП, созданное могучей кучкой «деловых», специализирующееся на продаже технологий. «Деловые» еще с первых НТТМ усвоили, как дорого можно продать изобретение, особенно если их обладатели истинных цен не знают.

Берется парочка талантливых инженеров или научных сотрудников, стравливается в чисто научном споре, и, пока они орут друг на друга, с пеной у рта доказывают свою правоту, стуча мелом по доске или тыча в эк-

ран компьютера, тихо включается диктофон. Когда включать его, «деловой» знает — сам кандидат наук. Еще пять-шесть лет назад деловые от науки имели на достижениях своих коллег до 90 окладов в год. А автору, у которого находка успешно уворовывалась, в крайнем случае говорилось: «Старик, ты — гений! Жаль, что не успел вовремя оформить свое изобретение (открытие). Вот тебе один-два оклада и трудись на благо!» И ученый дурачок был счастлив.

Простите, повторите ваш вопрос. Воздействуют ли себя объекты воздействия объектами? Конечно, но не понимают, в чем и как именно их подводят. Некоторые способы воздействия, позволяющие подставить под неприятности, просто невозможно предусмотреть. Например: прибегают к пеной у рта ваши сослуживцы: старик, выручай, тут куча товара прибыла, жутко дешево, а у нас паспорта нет, дай свой, все быстренько оформим и вернем. Быстренько оформляют и перепродают. Допустим, бракованное. А отвечать на претензии — обладателю паспорта.

К традиционно чиновничьим методам воздействия относятся: стравливание персонала между собой, провокация ненависти и зависти, создание условий для склок. Можно дезавуировать чересчур умного, задавая ему хамские вопросы или делая издевательские комментарии к его докладу. Легко подставить своего заместителя, заставив его поработать над заключением контракта, от которого публично потом отказаться. Зачем? А зачем нужен чересчур умный зам?

Особый интерес представляют для менеджера методы управления в экстремальных условиях. Например, при сокращении штатов. Уволенные подают в суд? Что ж, наймите юриста, пусть отбреживается. Обиженные голодают? Пусть поголодают, а тем временем на каждого из протестующих вы собираете компромат. Так было в провинциальном городе, где персонал фирмы дежурил на площади в палатке и, голодая, рассказывал о связях своих шефов с мафией. Шефы изготовили огромный транспарант с компрометирующей информацией и воздвигли его рядом. Забастовщики свернули палатку и ушли.

Некоторые хитрые правдолюбцы пытаются разрушить связи менеджера, обращаясь с жалобами наверх. Вот почему, затевая реорганизацию, надо прежде закрепить свои отношения с тем, кто сверху. Например, сделать подарки, и тогда голос ходяков не будет услышан. Тот не менеджер, кто не уловил дух забастовки и не сумел вовремя запастись компроматом, подкупить зачинщиков или подобрать штрейкбрехеров.

Из всех 88 уловок руководитель выбирает те, что соответствуют его собственному типу. Тип искренних правдолюбцев или бывших совков (из старых) не ладит с коммерцией и играет «отца родного» для коллектива.

Такой не терпит инакомыслия, действует по-чиновничьи, слишком смелых подавляет или увольняет.

Реальный рыночный прагматик, у которого все схвачено, предпочтет давить экономическими методами или выигрывать в социальной сфере. Отец-мафиози владеет всеми способами воздействия, вплоть до физического уничтожения, а уж если ему кто должен, то долг отдадут целыми семьями, предприятиями, фирмами, отраслями.

Появились и обманутые, замороженные бизнесмены. Это производственники, не желающие совать нос в коммерцию. Фирма должна не только производить что-либо, она должна делать прежде всего деньги, если хочет удержаться на плаву. Ей приходится торговать информацией, производственными площадями, фондами, связями. А если руководитель этого не понимает... к нему приезжают психологи и приглашают его на семинар и рекомендуют Карнеги. Руководитель изучает бессмертные книги и общается с партнером, стараясь придерживаться принципов взаимной выгоды и обоюдной приятности. То есть теряет в бизнесе, но испытывает при этом психологический комфорт. Но таких руководителей немного, да и последние скоро вымрут.

Вопрос слушателям: что такое «короткие деньги»? Судя по реакции, вы это знаете: зарплата персонала фирмы, которую задержали на один-два дня по техническим причинам. На самом деле, деньги «прокрутили», то есть ссудили на короткий срок под большие проценты. Это необходимо и легко, потому что большинство сделок сейчас оплачивается и наличными и безналичными деньгами.

Могут ли слушатели назвать свои фирменные методы управления? Псевдоповышение? Прекрасно. Очень действительно: поставит неугодного на должность, которая затем сокращается. Создание лишних подразделений? Тоже хорошо, ведь в этом случае говорят: мы тебе даем отдел, подбирай народ и руководи. И простак собирает всех своих единомышленников, которых и увольняют потом вместе с ним при очередной реорганизации. О, прекрасный метод: демонстративно подобрать резерв работающим, чтобы каждый знал, что за спиной стоит конкурент... Достаточно, звонок на перерыв.

Запишите литературу к теме: Марио Пьюзо, «Крестный отец». Книги Дейла Карнеги — по желанию. Что вы хотите узнать, молодой человек? Можно ли противостоят этому беспределу? Можно. Но для этого надо быть очень сильным профессионалом.

Ольга НЕКРАСОВА

Открыта подписка на журнал «Столица»

на 1-е полугодие 1994 года!

Стоимость подписки, объявленная редакцией:
на три месяца — 2600 рублей,
на шесть месяцев — 5200 рублей.

К этой цене местные отделения связи приплюсовывают свою надбавку.



Стоимость подписки в Москве с учетом надбавки составляет:
на три месяца — 3166 рублей (для организаций — 3732 рубля);
на шесть месяцев — 6182 рубля (для организаций — 7164 рубля).

Сведения о подписке в приложении № 1 к каталогу «Роспечати», а также в Московском каталоге газет и журналов

Ф СП-1

«Роспечать»

АБОНЕМЕНТ на газету **73746**
журнал "Столица" (индекс издания)
(наименование издания) Количество комплектов:
на 19 ___ год по месяцам
1 2 3 4 5 6 7 8 9 10 11 12
Куда _____
(почтовый индекс) (адрес)
Кому _____
(фамилия, инициалы)

ДОСТАВОЧНАЯ КАРТОЧКА

ПВ _____ место _____ литер _____ на газету **73746**
журнал "Столица" (индекс издания)
(наименование издания)
Стоимость подписки _____ руб. _____ коп. Количество комплектов:
пере- _____ руб. _____ коп.
адресовки
на 19 ___ год по месяцам:
1 2 3 4 5 6 7 8 9 10 11 12

Куда _____
(почтовый индекс) (адрес)
Кому _____

Рекламный центр еженедельника
«Столица» приглашает рекламных
агентов для работы по всем видам
рекламного обслуживания.
Вознаграждение от 10%.
Тел. 928-83-40.

Еженедельник «Столица»
приглашает распространителей
на выгодных условиях!
Контактные телефоны: 925-73-09,
928-27-69.
Редакция выдает
разрешение на распространение.

ПРОВЕРЬТЕ ПРАВИЛЬНОСТЬ ОФОРМЛЕНИЯ АБОНЕМЕНТА!

На абонементе должен быть проставлен оттиск кассовой машины.

При оформлении подписки (переадресовки) без кассовой машины на абонементе проставляется оттиск календарного штемпеля отделения связи. В этом случае абонемент выдается подписчику с квитанцией об оплате стоимости подписки (переадресовки)

Для оформления подписки на газету или журнал, а также для переадресования издания бланк абонемента с доставочной карточкой заполняется подписчиком чернилами, разборчиво, без сокращений, в соответствии с условиями, изложенными в каталогах Роспечати

Заполнение месячных клеток при переадресовании издания, а также клетки «ПВ—МЕСТО» производится работниками предприятий связи и Роспечати

Уважаемые московские читатели «Столицы»!

Если вы имеете
возможность
приезжать за нашим
журналом в
редакцию,
мы подпишем вас
на первое полугодие
1994 года

по льготной цене:

3900 рублей

(на полгода),

1950 рублей

(на квартал),

650 рублей

(на один месяц).

Подписку можно
оформить в редакции
по адресу:

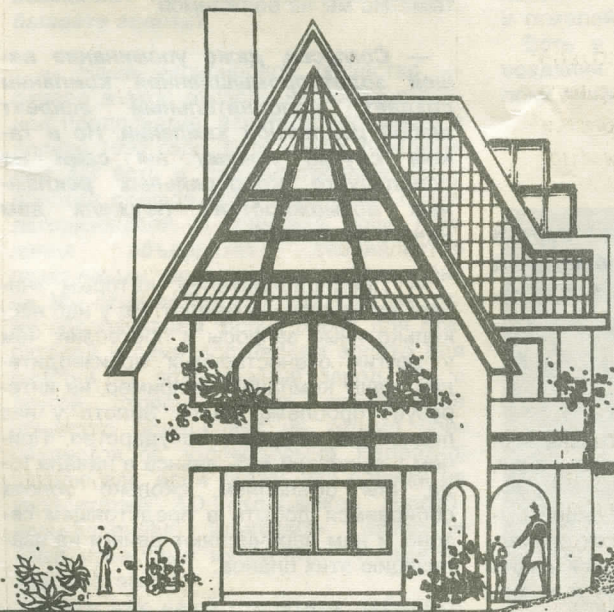
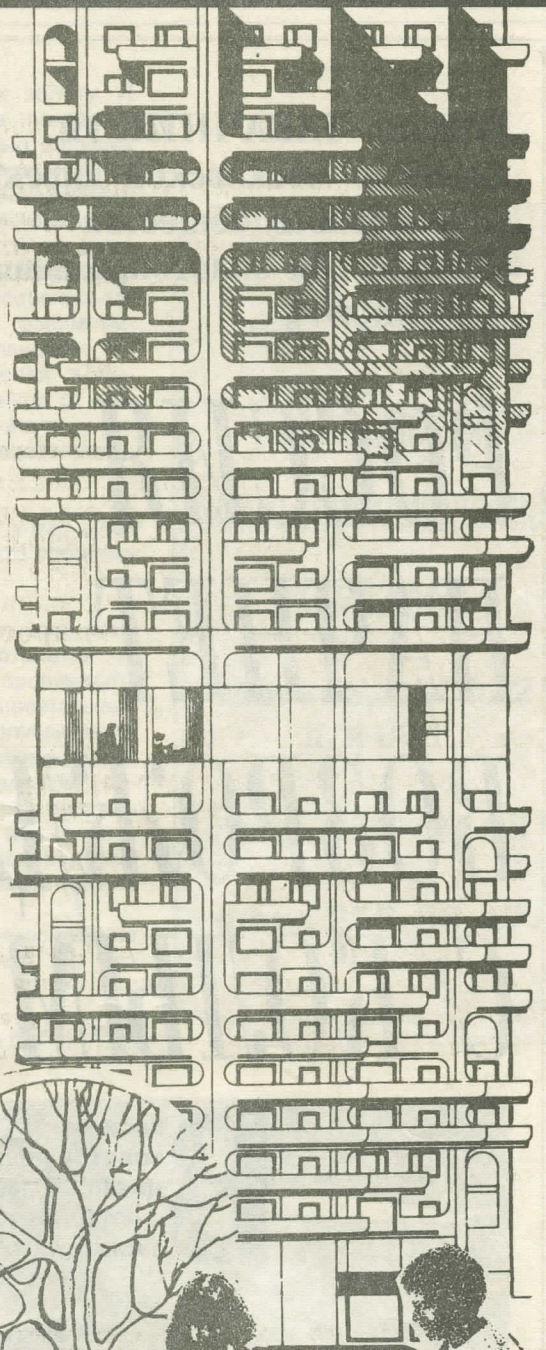
Петровка, 22

(вход с Рахмановского
переулка),
комн. № 610.

Справки по телефону:
928-27-69

ВАШ ДОМ — ВАША КРЕПОСТЬ!

Фирма «СТОЛИЧНАЯ НЕДВИЖИМОСТЬ» поможет Вам решить жилищную проблему и экономически грамотно распорядиться сбережениями. Вступив в члены жилищно-строительного кооператива «СТОЛИЧНАЯ НЕДВИЖИМОСТЬ», Вы получаете реальную возможность стать владельцем квартиры в Москве или коттеджа в Подмосковье.



Наш адрес:
Москва,
пл. Революции, д. 2
(музей В.И.Ленина).

Тел.: 928-83-01, 921-43-37.

Михаил ТАБАЧНИКОВ,
директор московской дирекции
акционерного общества
«Колымская золотопромышленная
компания»:

РОССИЯ НАЧНЕТ ВОЗРОЖДАТЬСЯ С КОЛЫМЫ

В кабинете Табачникова ни одной золотой вещи. Строгий современный дизайн. Специфично журчащие компьютеры и факсы, непрерывно звонящий телефон.

— Начинается второй этап продажи акций золотопромышленной компании, — поясняет Михаил Вячеславович. — И если на первом этапе цена акций была строго фиксированной, то сейчас, после окончания подписки, наши акции вышли в свободное обращение и их может покупать любой человек, у кого есть деньги, но уже по курсовой стоимости.

— *Желающих поменять бумажные капиталы на золотые горы, естественно, предостаточно?*

— Как видите, телефон не умолкает. Но секрет нашей привлекательности не только в том, что перед золотом меркнут любые деньги. Ведь золото уже дав-

но перестало быть просто блестящей вещью. У него больше идеальных измерений, чем материальных. Это скорее миф, символ успеха, чем обыкновенный предмет, который можно потрогать руками. Довольно часто мне приходится общаться с бизнесменами, желающими приобрести наши акции. И вот на что я обратил внимание в этих разговорах. За акции предлагаются любые деньги, особенно до последнего времени, пока они отсутствовали в свободной продаже. Причем так называемых инвесторов меньше всего интересует прибыль, которую дают наши акции. Многие, как я понял, отдают свои деньги только за то, чтобы использовать название нашей компании в своих рекламных целях. Мол, я приобрел акции Колымской золотопромышленной компании. Звучит?!

Не так давно и в вашем журнале «Столица» упомянули нас всуе. Президент объединения МММ заявил, что они приобрели контрольный пакет акций нашей компании. Здесь я бы процитировал М.Твена: «Слухи о моей смерти сильно преувеличены» — до контрольного пакета «МММ» крайне далеко. Но, тем не менее, постоянным лейтмотивом в рекламе МММ является фраза: «Мы сделаем ваш ваучер золотым». Но мы не обижаемся.

— *Согласен, даже упоминание вашей золотопромышленной компании создает дополнительный эффект любой рекламной кампании. Но в таком случае почему вы сами не используете колоссальных рекламных возможностей? Неужели вам ничего не нужно?*

— Предпринимателей, которым «ничего не нужно», не бывает. Но у нас несколько иные запросы и претензии, чем у других отечественных производителей. Нашу компанию, например, не интересует проблема сбыта. Золото у нас полностью покупает государство. Причем с выплатой 50% аванса в начале года. Мы объявляем, сколько золота собираемся добыть в предстоящем сезоне, и нам перечисляют деньги на реализацию этих планов.

— *Но бедное государство ведь не самый выгодный покупатель? Оно всегда стремится занижать закупочные цены.*

— С прошлого года у нас отсутствует ценовой произвол. Государство покупает золото у старательских артелей и компаний по ценам мирового рынка, сформированным на лондонской бирже. И с учетом курса доллара на торгах ММВБ.

— Но создание акционерного общества, выпуск акций все-таки предполагает, что вы заинтересованы в привлечении дополнительных инвестиций в вашу компанию?

— Конечно. Привлечение дополнительных средств позволит нам закупить дополнительную технику и, соответственно, увеличить объем добычи металла. Кроме того, нам необходимы новые технологии обогащения золото- и серебросодержащих руд. Но, увы, такие технологии находятся в основном за рубежом. Кстати, в инвестициях нуждаются и наши учредители — государственные горно-геологические предприятия.

В свою очередь мы имеем уникальных специалистов в добыче золота. С точки зрения опыта российские специалисты уступают лишь золотодобытчикам из ЮАР. Так что на взаимовыгодных условиях мы могли бы добывать золото не только на Колыме, но и в других странах. Наша золотопромышленная компания с интересом рассмотрела бы подобные предложения.

— Кстати, а что представляет собой Колымская золотопромышленная компания? Как, где, сколько вы добываете золота?

— Наше акционерное общество — первое в этой отрасли негосударственное предприятие, зарегистрированное в апреле 1992 года. Хотя среди учредителей АО есть и государственные предприятия, прежде всего связанные с геологоразведкой. В принципе, наша компания объединяет специалистов практически всех этапов золотодобычи. Мы сами ведем геологоразведку, сами обеспечиваем фронт работ для старателей и сами доставляем золото для очистки на аффинажный завод. Но, с другой стороны, наше акционерное общество объединяет не только специалистов по золотодобыче. Вероятно, удивлю вас, если скажу, что одними из учредителей АО «Колымская золотопромышленная компания» являются наши известные музыканты — «Виртуозы Москвы».

Где и как наши старатели добывают золото, в уютном московском кабинете не расскажешь. Это надо видеть. А о нашей работе можно судить по таким цифрам: за первый сезон компания сдала около сорока килограммов золота, а за второй — уже более 160 кг.

— Колыму охватила золотая лихорадка?

— Скорее, наоборот. Слабеет там в

последнее время интерес к золоту. И многие старатели навсегда покидают Колыму. И это при достаточно больших заработках. Три—пять миллионов за сезон. Отток старателей, думаю, связан с очень трудными условиями жизни на Колыме. Ведь, по сути, так и не была создана инфраструктура жизнеобеспечения. Так что сейчас мы особенно заинтересованы в деловом взаимовыгодном партнерстве с компаниями, готовыми улучшить быт жителей Колымы. Ну и конечно ждем звонков от тех, кто мечтает быстро разбогатеть и не боится трудностей старательских будней.

— Чувствуется, что денег у вас куры не клюют. Если не секрет, что собираетесь с ними делать?

— Прежде всего разогнать кур, пока все не склевали, и что останется — вкладывать в собственное производство. Золотодобыча — это национальный промысел россиян. И мы должны заниматься им на соответствующем современном уровне. Сейчас многие рассуждают о том, откуда начнет возрождаться Россия? Я думаю, с колымского золота. Окрепнут наши производства, появится база для становления легкой и тяжелой промышленности.

Есть у меня планы и относительно создания собственного банка, но это пока лишь планы...

Беседу вел Ю.БЫЧКОВ



В артели старателей

A/O

«Колымская

золотопромышленная

компания»

Москва, 123022,
а/я 001,

тел. 256-60-15

факс 256-83-27.

Во второй половине августа 1918 года в село Лом Богородского уезда Нижегородской губернии пришел мужчина в крестьянской одежде и с лукошком грибов. У крестьянки Замятиной он спросил дорогу на село Богоявление, объяснив, что заблудился.

Кто это был и что случилось дальше — долгое время оставалось загадкой.

Прохожий спросил дорогу и попросил напиток. «Вам квасу или чаю?» — «Давайте квасу». Мать Татьяны Замятиной в селе слыла за ясновидящую и сразу почувствовала, что этот прохожий — крестьянин. Она достала из сундука портрет, завернутый в тряпицу. «А ведь это вы, государь», — сказала Замятина. Сначала он отказался, но потом все же признался, что да, он и есть последний русский царь. Почувствовав доверие к своим собеседницам, человек рассказал, что некоторое время он живет один при церкви села Богоявление, ждет дочерей, что ему вряд ли удастся увидеть жену и сына, надежды почти нет. Как он попал в Богоявление, неизвестно, но рассказывал, что ему удалось избежать гибели, а расстреляли в Екатеринбурге его двойника...

Еще четыре раза приходил тот человек в их село, а умер он в Богоявлении в 1927 году. На его могиле был простой камень с надписью: «Раб божий Николай». В дни поминовений на могиле можно было видеть четырех женщин в черном, с закрытыми лицами...

Говорят, что жил он незаметно, на людях не показывался. Обе Замятины дали ему обет на кресте, что будут молчать об этих встречах. Он просил рассказать о нем только через пятьдесят лет после смерти, когда уйдут большевики. Просил обязательно показать его могилу людям.

И мы побывали в Богоявлении. Это старинное русское село на 55-м километре трассы Нижний Новгород—Арзамас.

У первой же попавшей женщины спрашиваем, где здесь старое кладбище. Оказалось, что кладбище сровняли с землей, и там, где сейчас растут картошка и малина, лежали могильные плиты. Может быть, среди них была и та, с надписью: «Раб божий Николай»...



Эта женщина уверена, что царь был в селе Богоявление

Фото Н. Нестеренко

НИЖЕГОРОДСКИЙ СЛЕД НИКОЛАЯ ВТОРОГО

Как относиться к этой истории? С одной стороны, недавно нашли останки царской семьи, но ведь стопроцентных доказательств, что это так, ни одна экспертиза пока не дала. И вообще — могли спасти тогда если не всю царскую семью, то хотя бы царя? Мог ли быть расстрелян его двойник? Не исключается и такая версия.

Почему бывший император оказался именно в Богоявлении? Татьяна Замятиной он объяснил, что потом хотел добраться до Саровской пустыни, где бывал раньше, хорошо знал эти места. Укрыться там можно было на долгие годы. Неподалеку от Богоявления — станция Зименки, сюда Николай II приезжал в 1910 году, могли и здесь быть у него надежные люди. Наконец, неподалеку имение князей Трубецких, откуда тоже могли оказать помощь.

Был ли этот человек последним русским царем или ловким самозванцем, установить сейчас крайне сложно: таинственный Николай жил в среде, которая умела хранить секреты. Но даже если это и был самозванец, неужели ни один слух не дошел до чекистских ушей?

Раскрыть эту загадку можно, если бы удалось найти камень с надписью: «Раб божий Николай» — и могилу под ним. Искать что-то в архивах, тем более церкви, бесполезно, такие данные неизбежно попали бы в руки ОГПУ и рано или поздно стали бы известны.

Что же дальше? Обратят ли внимание специалисты на эту версию, и тогда село Богоявление станет еще одним местом паломничества, или так и не поверят этому рассказу?

Валерий КИСЕЛЕВ

УТРОМ В ТРАМВАЕ — ВЕЧЕРОМ В САРАЕ

В этом году одесситы стали свидетелями массового исчезновения сидений из общественного транспорта, а особенно — из трамвайных вагонов. Водители лишь разводят руками, сходясь во мнении, что малоудобные кресла из металла и пластика срывают юные хулиганы забавы ради. А вот недовольные пассажиры, вынужденные теперь путешествовать стоя, утверждают, что трамвайными креслами запасаются наиболее предприимчивые одесситы, а потом делают из них современную мебель для дач и дворовых садиков.

Гоша ЧЕРНОМОРСКИЙ

ЧУКЧИ НАНОСЯТ ОТВЕТНЫЙ УДАР

Анекдоты про чукчей любят рассказывать по всей стране — но настала пора отмщения, и первой жертвой пал Барнаул. Двенадцать миллионов рублей потеряли коммерсанты города, воспитанные на байках о наивности северного народа. Предприимчивый чукча вытянул эти деньги без угроз и шантажа — он действовал с помощью фальшивой печати. Причем он не стал вырезать печать из башмачного каблука, а просто прикрепил металлические литеры к голковкам спичек, связал спички в пучок и этим устройством штамповал платежные поручения.

Потом он и его сообщник посетили предназначенную к «потрошению» фирму и заявили: «Деньги уже пошли, давайте мы заберем товар». А сообщник волновался настолько, что текст речи записывал на ладони.

Так хитроумный дуэт получал видеоаппаратуру, стиральные машины, бытовую технику, которую затем продавал в комки.

Сейчас аферисты за решеткой. Сумма ограбления классифицируется как особо крупная. Поэтому чукчи уповают лишь на продолжительное следствие и быстрые темпы инфляции: вдруг через год двенадцать «лимонов» станут суммой карманной кражи?

Сергей ТЕПЛЯКОВ

БИТВА СПОНСОРОВ, МАТРОСОВ И АНИМАТОРОВ

Спонсоры — люди, конечно, хорошие, но очень уж неумные. Сначала их трудно найти, а благополучно найденных спонсоров нелегко утихомирить, поскольку они уверены, что за свои деньги вправе «оторваться» как следует.

Анимационный фестиваль «Крок» проходил, как это сейчас модно, на теплоходе. Судно называлось «Генерал Ватутин» и следовало по маршруту Киев—Одесса—Киев. Кроме людей, приближенных к искусству, и виновников торжества, мультипликаторов, на борту присутствовали: генеральный спонсор — киевское малое предприятие «Кариатида» в лице своего руководителя, коллег, их подруг и телохранителей, и просто спонсор — одесская юридическая фирма с фотомоделями и тоже с телохранителями.

Все благобно ужинали, не подозревая, что фестиваль может быть чем-то омрачен, когда представитель одесситов помешал руководителю «Кариатиды» провозгласить тост в честь присутствовавшего Олега Ефремова. Генеральный спонсор нанес одесситу сокрушительный удар, но подбуживший

одесский телохранитель «вырубил» «Кариатиду» до конца вечера. Тут подоспели киевские телохранители и началась «месиловка» в лучших традициях западного кинематографа: оркестр играет, телохранители крушат столы с закусками, фотомодели визжат, кто-то в это время выпивает и пляшет...

Тем временем судно пришло в Одессу, и на помощь адвокатам подоспели местные «бойцы». Первым делом они «наехали» на капитана «Генерала Ватутина», и в драку вместе с киевлянами против одесситов включилась команда судна. До самого утра продолжалась кровавая битва. И только мультипликаторы схоронились в своих каютах. Но тут кто-то задел Юрия Норштейна, и тогда мультипликаторы тоже не выдержали: выскочили из своих укрытий и «завалили» обидчика.

Елена ПАЦЮЧЕНКО

ОРГАН ПОЕЗДА

Своих газет у российских поездов раньше не было. А теперь есть. Но только у одного. У фирменного поезда «Урал» Свердловской железной дороги сообщением

Екатеринбург — Москва. Газета называется «Попутчики» и предлагает весьма важную для оторванного от мира на 28 часов пассажира информацию: перечисление обязанностей проводника, пассажира и чайнворд. Что тут скажешь: фирма — она и есть фирма.

О.Д.

ЕСЛИ В КРАНЕ НЕТ ВОДЫ

Пресса уже писала о том, что в районе Перми сошел с рельсов состав с мазутом. Из двух цистерн топливо попало в реку Сылву. Город Кунгур, берущий воду из Сылвы, на некоторое время остался без воды. Однако эти данные, мягко говоря, были неточными: мазут вылился не из двух, а из шестнадцати цистерн. По данным пермского комитета по охране природы, прилегающий ландшафт загрязнен более чем 800 тоннами нефтепродуктов. Как известно, реки имеют свойство впадать друг в друга. Сылва — в Каму, та — в Волгу, а Волга — в Каспийское море. И вот уже в Перми, стоящей на Каме, то и дело начали отключать воду. Совершается это, если верить сообщениям местного радио, в рамках подготовки водо-

канала к работе в зимних условиях. Но жители, набирающие накануне отключки воду впрок, могут засвидетельствовать: это сплошная мусть, по которой плавают пленки мазута. В общем, все как в известном стихотворении Андрея Вознесенского «Ностальгия по настоящему»: «Хлещет черная вода из крана... я дождусь — пойдет настоящая». К этому стоит добавить, что кто-то дождется, а кто-то и нет...

Юрий БЕЛИКОВ

В БАНАНОВО-ЛИМОННОМ ЕКАТЕРИНБУРГЕ

Право же, не Уральской республикой надо называть «опорный край», а «банановой». Дело в том, что буквально все рынки города переполнены этими плодами. Бананов в Екатеринбурге уж точно больше, чем даже в столице. И все бы было хорошо, но участились — по утверждению врачей-травматологов — ушибы, вывихи, а иногда и переломы, полученные людьми, поскользнувшимися на банановой кожуре.

Олег ДУЛЕНИН

ОЧЕНЬ ЛИЧНОЕ МНЕНИЕ

Еще одно лето прошло. Еще беспощаднее стало зеркало. Еще один отпуск кончился. Еще мудрее стали мы все. Еще один курортный роман прибавил в записной книжке совершенно бесполезный номер телефона, по которому я никогда не позволю. Еще одна вечная любовь...

Да, я хочу сказать похвальное слово курортным романам.

Только они вечны, только они обходятся без сцен и истерик, только они не оставляют горечи, а лишь нежность и легкую улыбку при воспоминании. Потому что их заранее определенный срок — от двенадцати до двадцати четырех дней — не позволяет никому быть злым, жадным, подозрительным, ревнивым. Мы искренни и добры в отпуске. Мы можем придумать себя и быть такими, ка-



Ирина ХАЛИП

ЕСТЬ СВОБОДА В ФИГУРЕ УХОДА

кими не можем себе позволить быть в обычной жизни. Курортный роман — это праздник, феерия, фейерверк, это благородные порывы и шепот жаркой и мучительно вязкой южной ночью. Это слово «люблю», которое не может быть ложью, потому что оно может быть ложью в той, нормальной жизни, а в отпуске все не как всегда, все наоборот. Там сквалыга начинает сорить деньгами, там убийца выхаживает раненого птенца, там забытая инженерша становится ослепительной и свободной, там трезвенник

потягивает красное вино на вечерней набережной.

— Ты любишь меня?

— Сегодня — да.

Любовь, которая заканчивается вместе с окончанием отпуска, вечна.

Мы всегда благодарны тем, кто не унизил нашу любовь до быта, не снял ее с пьедестала, не спросил, почему не приготовлен обед и где зарплата. В отпуске мы принцы и принцессы, такими и остаемся в воспоминаниях. Когда любовь обрывается в своем апогее, она остается навсегда. Героев своих ку-

рортных романов мы любим вечно. И они нас любят вечно.

И вы, звезды, мерцающие с телеэкранов, при всей бурности вашей жизни и каждодневном обилии новых знакомств и ощущений, меня не забудьте никогда. Потому что вы любили меня пусть недолго, пусть несколько ночей всего, но искренне и свободно, не думая о том, что сказать мне утром. И еще потому, что я никогда никому о вас не расскажу, никогда не согреюсь в лучах вашей славы. Я буду молчать о вас, и вы всегда будете мне благодарны. А я — вам.

— Ты приедешь когда-нибудь?

— Когда-нибудь, может...

— Я буду ждать тебя.

— Не нужно.

Милейший, вы еще помните меня? Я буду любить вас всегда.

Десять лет назад Нину Васильевну Ференец я представила бы так: «Знакомьтесь — ближайшая подруга самой Галины Брежневой». Правда, тогда вряд ли мне выпала бы честь этого знакомства...

Сейчас я представляю ее иначе: кооператор, руководитель фирмы «Элеганс» — пока, увы, не больно процветающей. Выращивает на своем садовом участке тюльпаны, кур и кроликов, пытается торговать этим товаром в своих коммерческих киосках, шьет постельное белье, пробует открыть кафе, старается стать настоящей хозяйкой своего дела. Из последних сил противостоит произволу муниципальных властей, сражается с местной торгово-чиновничьей мафией. Первый мой материал о Нине Васильевне отражал все



Н.В.Ференец

ЗА КУЛИСАМИ ЦИРКА

эти проблемы и назывался «От брежневских бриллиантов — к футболкам «Перестройка»...

Недавно «Столица» опубликовала монолог Галины Брежневой — гимн эпохе «застоя». В те же примерно дни в коммерческом магазине я выбирала покупку, и на дежурную фразу продавщицы: «Желание клиента для нас — закон» — стоявший рядом мужчина резко сказал: «А может, мое желание — жить в «застое», что вы мне на это ответите?!»

И я позвонила Нине Васильевне. Оказалось, что ее офис разгромлен Северным муниципалитетом. Палатки разграблены и сожжены. В деревне побывали бандиты.

Но, несмотря на все происшедшее, она согласилась рассказать не об этих событиях, а о той «золотой» поре, когда была близка к сильным мира сего.

Пусть ее сбивчивый монолог будет одним из вариантов ответа тем, кому охота назад в коммунизм — ведь Нина Ференец находилась в том самом эпицентре, где его, коммунизм, строили. Только видела она оттуда не светлое будущее, а — бордель...

Аэлига ЕФИМОВА

Мой папа был работник КГБ, исключительной честности человек. Потом, когда Людмила Вучетич меня спрашивала: «Нина, как ты могла сохранить такую чистоту в этом клане?», я отвечала: «Это папа мне ее вбивал — и ремнем, и примером...»

Мы в Сочи жили. В 1952 папу застрелили... Замуж я вышла в 1955-м. За Виталия Николаевича Ференца. Была вроде как женой дипломата, а оказалась служанкой Гали Брежневой. Много лет я бесплатно на нее ишачила. Держала дом, где она встречалась со своими любовниками. Она в моей квартире их принимала. Я, правда, тоже, быть может, преследовала какую-то цель — я наблюдала ее. Потому что такой тип человека я не встречала нигде — ни в литературе, ни в театре, ни в кино. То была квинт-эссенция эгоцентризма!

В Сочи мы и познакомилась. Я беременная была, ни одно платье на мне не сходилось. Была у меня знакомая, которая работала на даче Сталина сестрой-хозяйкой, а когда все это кончилось, осталась не у дел. Она иногда торговала на рынке. Я ей и говорю: «Тамара Рафаэлевна, возьми мои вещи, продай, а я на эти деньги что-нибудь себе подберу». Она торгует, я по рынку брожу — прицениваюсь. И вижу — возле моей Тамары остановилась женщина...

Это она сейчас такая, как на фотографии в «Столице», а ведь была красотка! Я в нее влюбилась с первого взгляда. Очаровательная физиономия, вот такой торс, талия, бедер не было, ноги скаковой лошади. Всегда — на высоченных каблуках. Как-то на приеме ее увидел Фидель Кастро: «Боже, какие ноги нервные! Чья это?»

Я на нее залюбовалась. Подхожу: «Вижу, вы не сочинская. Откуда вы?» — «А я из цирка». Она уже была замужем за Милаевым, директором цирка, моталась с ним по гостиничным номерам. Она бежала в гостиницу как угорелая и варила ему на крохотной плиточке супчик. Она ведь против воли родителей за него вышла. Но это был первый человек, который подарил Леониду Ильичу заграничную машину.

На рынке она, не торгуясь, скупила все мои шмотки. А потом предложила мне туфли из крокодиловой кожи. Но цену назвала — такой суммы у меня и в доме-то никогда не было. «Я б вам в долг, говорит, оставила, но мне самой сейчас нужны деньги». Договорились встретиться в Москве. Туфли не отдали. Что вы, она и тогда уже была жадная! Но у нее случались моменты показухи. Скажем, приходят ко мне новые гости. Галя же должна показать, что она дочь царя, — она тут же зажимает дарит, а это тогда был дорогой

подарок...

Но если человек в ней нуждался, даром она ничего не сделает. Она платила только тем, кто от нее требовал — «баш на баш». Она вот ненавидела Щелоковых, но им она помогала. Щедро одаривала маникюршу, педикюршу — тех, кто обслуживал ее тело. Она всех рассматривала с точки зрения пользы. Если же на нее просто работал хороший, порядочный человек — она считала, так и должно быть. А потом, уже после «падения», она упрекала меня: «Ты не смогла меня обворовать! Твой муж даже не стал министром при мне!»

Мы все на нее торговали. Она мне завезет кучу барахла: шубы, картины, а мне надо еще к вечеру котлет накрутить, ее встретить, гостей принять. Вещи у меня забирала Раечка Крейнович, раскидывала по своим — за что ей большое спасибо...

Мы ж на нее, как фабрика, работали. Шмотки были ее хобби. У нее гардероб был — от той стенки до вот этой, весь забит. Она и Юру Чурбанова приучала. Юра был нормальный мужик, ему надо было пять рубашек — она ему покупала 25. Да еще упрекала в том, что она его одевает!

Юра вообще несчастный человек! Вы знаете, когда я на днях прочитала его интервью в «Независимой газете» — «Я расскажу все, как было», — я расплакалась! Мне говорят: «Нина, ну нельзя так реагировать!» А я нервная с ними стала, я просто рыдала: «Раздавили, испоганили, уничтожили, посадили человека — а он теперь слово против нее сказать боится, пишет, какая она хорошая жена...»

Она его посадила! Во-первых, нужен был козел отпущения — за общие грехи. Во-вторых, она ему не могла простить Бориса Буряце — она

считала, что его убрал Юра. Он, Борис, за цыгана себя выдавал, а был евреем и общался с теми, которые уезжали. Скупал у них добро, которое нельзя было вывезти...

А откуда сам он возник? Галя его купила. У Инки Косой. Певица такая была в Парке Горького. Буряце дружил с этой Инкой, был простым мальчишкой. Галина всегда страсть питала к молодым, единственный пожилой у нее промелькнул Милаев, а остальные — моложе на 18, 20, 30 лет... У Бориса была смазливая мордашка, но круглая, рыхлая. Я бы, например, на него внимания не обратила. Но ей он чем-то нравился. Видно, еще и тем, что в то время был любовником Инки. Ей и захотелось... Она плавала, купалась в интрижках. Она говорила мужу моему: «Виталик, все хорошо у нас с Нинкой, один недостаток — она не ревнует меня к тебе... Но зато мы с тобой, как два парня. Правда, моя лапонька? Давай поцелуемся...» Поцелуются... «Но Нинку люблю, — добавила, — за то, что ей никто из моих не нужен — она ж недое...я сука...»

Во мне все вскипит, но я привыкла к ее «царской» речи. Она свободно изъяснялась, могла моему пятилетнему сыну сказать: «Иди сюда, пи-к». Он подходит и говорит: «Галина Леонидовна, у вас новое выражательство...» Она могла голая по квартире бегать — без стыда, без совести, — что перед младенцами, что перед столетними стариками...

А Илюшку, сына моего, она за язык его не любила. Она, например, мою собаку, маленького той-терьерчика, поила водкой. Я всегда обижалась. А она: «Ой, Нин, смотри зато, как интересно они ходят, пьяные — не только люди, но и собаки». А Илюшка однажды не выдержал: «Галина Леонидов-

на, вы вот нашу поите, а свою не трогаете». Она: «Я сейчас и свою... Жуля, иди сюда, Жульчечка, давай выпьем с тобой шампанского...» Она всегда собаку за стол сажала и ела из одной тарелки с ней — я потом долго посуду отмывала...

А «покупку» Буряце она даже от меня в тайне держала. Но как-то проболталась: «Сука Косая, ведь взяла с меня пять тысяч за Бориса. Да еще хотела кольцо присвоить. Но я из-за этого кольца заставила Юру надеть форму генеральскую, мы пошли и все забрали...»

Она его, Бориса, завела, пока я отлучилась в Германию. Оставила ее на Милу Вашкову: «Мила, береги ее, не выпускай никуда, не доводи до скандала». (Если честно, я жалела Леонида Ильича. Он был красивый, добрый. Я дала ему кличку Леня-миролюбоец. Все им пользовались, от Громыки до Гали. Она вот в журнале вашем толкует о коллегиальности — тогда-то и была «коллегиальность», которая всех устраивала.)

При мне с Галей никаких ЧП не случилось. Она всегда говорила: «Ты — нужный человек, ты не пьешь. Кто-то один должен не пить». В ней все-таки были элементы очарования. Когда она трезвела, сама признавалась: «Мне б месяц не попить, знаешь, какая я стала бы красавица!»

Но мне надо было съездить в Германию с мужем-консулом. У меня ж в доме есть было нечего! У мужа зарплата в МИДе 225 рэ плюс 20 процентов за два языка. Она об этом не думала, а мне по 10 бутылок коньяка каждый день на стол приходилось ставить. Марис, например, мог ложками икру есть — а все думали, это она принесла. Марис Лиэпа ведь был практически ее мужем пять лет. Папа не разрешил за него выйти. Она вот о нем ничего в «Столице» не говорит. Потому что его она все-таки любила, сделала «заслуженным»...

Она многое решала. Могла человека посадить. Или — на пенсию отправить. Как, например, Колю Бандуро, ночного секретаря Леонида Ильича. Коля попросил у Гали поездку за границу, съездил, а привез ей хреновые искусственные жемчужины. Она и сказала: «Жадность фраера сгубила» — и сделала...

В Германии я и услышала, что к ней прилепился какой-то цыган. Что в моем доме они стали какие-то деньги брать, валютные дела крутить. Бросила я мужа в Лейпциге — лечу назад.

Борис этот изображал из себя певца: «У меня бриллиант в голосе». Она-то так не считала: «Никакой не бриллиант, козлетон в голосе. Зато извращенец». То есть как мужик он ее удовлетворял отменно. Она свое кре-



Ю. Чурбанов, Г. Брежнев и Н. Щелоков. Москва, 1981 г.

до выражала недвусмысленно: «На мой век дураков хватит. За мои-то деньги! — даже в сто лет мальчики будут...» Мужики, и правда, в очереди стояли.

А Борис, между тем, предлагал мне, чтобы я ему Галю продала: «Нина Васильевна, хоть вы и подруга, но я вижу — вы гол как сокол. Для вас даже стол накрыть — проблема. Помогите мне в работе с Галей, и вы будете как сыр в масле кататься. Со мной вы сможете иметь тысячу рублей в день...»

Она же не дура — она его баловала, но — в меру. А он надеялся с моей помощью подкопаться к ней поглубже, чтобы попасть в хранилище ценностей — в Эрмитаж, в Алмазный фонд... Но он ошибся во мне — я никому не продавалась.

Мне до чертиков надоело хлебать это дерьмо. Я выгнала ее из дома. Всем я говорила, что поссорились мы из-за занавесок. Она при гостях меня упрекнула за дешевые занавески. Конечно, она нарочно это сделала, чтоб те хоть чем-нибудь отблагодарили хозяйку. А то ведь они уходили, а мне приносили счета телефонные на две-три тысячи — в те времена!

Но я просто устала. Больше всего — от страха перед Юрой. Я к нему очень хорошо относилась. Он сперва и водки-то не пил — только молоко, кефир. Потом она его заставила, он и пил — все ее боялись. Вот я ее послушалась — и по сей день не живу нормально...

Мне стыдно было посмотреть Юре в глаза. Он ее ко мне привозит, сам по делам... А у нас устраиваются сцены сексуальные — она еще любила их показывать. Позовет — и ты заходишь. А у меня муж — инвалид войны II группы, и все гости сидят, и слышат ее крики, стоны. Коллег-дипломатов мы даже не пускали в дом. Пустили одного Романова, он хотел послом уехать в Лондон. «Мы, — говорим ему, — поможем, только возьмите нас с собой». Но она же меня не выпускала за границу — лишь на минуточку, туда и обратно, чтоб с голоду не умереть.

Ей самой нельзя было «светиться». Я ей квартиру однажды пробовала снять — на свое имя. В доме возле американского посольства. Для встреч с Юрой, чтобы он на ней женился. Так стоило ей появиться в золотых туфельках, в необыкновенном длинном платье — ее сразу заприметили консьержки. И тут же доложили... А когда она пьяная из окошка бросила елку на Новый год — стали тормозить хозяйку, которая сдала-то квартиру жене дипломата...

Для нее всегда кто-то другой таскал из огня каштаны... Поэтому я

смеялась, когда читала где-то, будто она сегодня с сеточкой за водкой ходит. У нее более чем достаточно средств. Была ночь накануне описи — когда имущество в ее квартире описывали. Она все припрятала вместе с этим Власовым. Он все перетаскивал с этажа на этаж к дочери — бриллианты, серебро, золото, а теперь она специально льет на него. Я его всегда презирала, но если сказать честно — он прав. Он захотел получить плату за свои многолетние услуги, ибо в отсутствие Юры служил ей рабом: возил продукты, водку, чинил отопление на даче, устраивал ее нового любовника в общежитие и на работу. Власов действительно себе урвал, но Юрка-то тут ни при чем.

А то, что у нее нынче в холодильнике пусто, — показуха. Мир в ее лице потерял великую актрису! Она могла сидеть и плакаться любовнику на свою бедность — и он ей привозил золотые горы. Она была как змей-искуситель.

Мила Вашкова мне рассказывала: когда Юру уже посадили, водит она гостей по даче и вроде как спьяну, вскользь, ненароком проговаривается: «Вот эту вазу моему мужу подарил такой-то, эту картину — тот-то». Она всем своим видом подтверждала, что Юра брал взятки...

Она недаром говорила мне до ссоры: «Ты что, думаешь, меня сгноят, как Светлану Аллилуеву, после смерти папы? Придет человек (она имела в виду Черненко), при котором я буду жить лучше, чем при папе...»

И она до сих пор не отрекается от своих слов, не отказывается от старых, «цирковых» привычек. Три года назад она приехала ко мне в деревню. Я-то думала: она — в трудном положении, едва избежала решетки, возьми ее в деревню, спрячу, поможем друг другу. «Галю, — говорю, — отдай свою дачу в Пионерской нашему кооперативу, сделай красивый жест, и ты будешь при мне, при деле!» Она ведь знает мою страсть: у меня на окнах вечно рассада стояла, помидоры, лук в горшках... Она: «Мне ведь надо платить, а у тебя денег нету...» И я, жена дипломата, до сих пор живу в бане — меня хватило только на фундамент для дома.

Она ведь меня без пенсии оставила! Я же все продала, чтобы дело начать, кур купить: два карата, которые она мне когда-то всучила, и я потом долго долги выколачивала. Колье жемчужное, бриллиантовые серьги, хрусталь, норковую шубу...

Сама-то она получает пенсию. За что? — она ведь ничего не делала, только числилась для фамилии в МИДе. Громыко вынужден был взять ее — Леонид Ильич лично велел. Гро-

мыко даже дал орден ей, чтобы она получила пенсию. Как она работала? Она всем доставала шубы. Снабжала всех кольцами, серьгами: купит за три копейки, продаст за три рубля. Я уже знала — если сегодня она пошла по ювелирным, значит, завтра будет повышение цен на золото. Система-то была отлаженная...

И я вот что скажу: сейчас меня кнутом не загонишь назад! Мне безумно тяжело! Иной раз ложусь и думаю: «К чертовой матери. Болит там, сям, нервы сдают, людям платить зарплату нечем. Закрыла бы все, если б вернуть то, что вложено». Но проходит ночь, я встаю с мыслью: «Я все-таки счастливый человек». Мне седьмой десяток, и я участвую в такой интересной жизни! Я могу быть хозяином собственного дела. Я десять лет выращивала тюльпаны — и я их отдаю человеку, чтобы он в моем кооперативе вел «тему» тюльпанов. Другому отдам теплицу — сам-то он из бедноты, построить ее не смог бы...

А при Гале все это было невыносимо. Я, жена советника, не могла получить участок. Если в МИДе узнавали, что ты — «при Брежневой», ты перед всеми становилась должницей. Одному — лекарство, другому — зарубежную командировку... Как она мне сказала однажды: «Кто ты такая?» И я, дочь своего отца, была — НИКЕМ!

Я не могла работать, я же должна была держать этот дом: двое детей, муж и она — как пятеро детей. «Ну повеселите меня», — как шутам, призывала она гостям. И когда я пыталась плюнуть, вырваться, меня запикивали назад в это стойло...

И я считаю — нам до сих пор жить мешает брежневская мафия. Она микрирует: из исполкомов переходит в муниципалитеты, в префектуры, в другие структуры. Даже в коммерческих фирмах сидят люди брежневской «закваски»: не с таким настроем, как у меня, — «сделать людям лучше», а — урвать, хапнуть и слинять...

Я очень долго молчала. Когда первый раз увидела ее, пьяную, по телевизору, читающую стихи, у меня сжалось сердце: «Боже, до чего она дошла!» Пока она тихо сидела в моем доме, никто ничего не видел, не знал — я берегла покой двух людей: Леонида Ильича и Юрия Михайловича. Когда прочитала в «Столице», как она продолжает дурить людей своими баснями и поливает помоями Юру, я решила: хватит молчать! И я, наконец, открыла рот. Если раньше во мне был страх, теперь я освободилась от этого чувства. Ну убьют меня, похоронят — плевать. Жаль только, если я не увижу просвет, не узнаю, что там будет дальше...

Алексей БЕЛЯКОВ

РЕЖИССЕР, КОТОРЫЙ ВЗРОСЛЕЕТ

Репортаж с интервью на шее



— Этот фестиваль уже сорок лет проводится в том же зале в Каннах, что и всемирно известный. Мы поднимались по той же лестнице... Все то же самое, такой же мощный фестиваль — только не художественного кино, а рекламных клипов со всего мира.

Я с содроганием ждал появления на экране своих роликов. Потому что, представляешь, сидит публика, приличная публика, в смокингах, и если что не нравится — свистят, орут «fuck you!». Но на моих аплодировали. Нет, я ничего там не завоевал, потому что нельзя с шашкой наголо победить в Каннах. К этому идут годами. Но атмосфера прекрасная: страшная конкуренция. «Мясорубка», одним словом.

По каннской знаменитой лестнице поднимался в этом году двадцативосьмилетний Юрий Грымов, первый из наших, кто был допущен к самому грандиозному рекламному конкурсу.

Создателей рекламы у нас не знают. По всякому поводу повторяют прилипчивые фразы из роликов, жесты, гримасы, подобно тому, как раньше с удовольствием изображали Райкина («В греческом зале, в греческом зале»). И вполне обходятся без титров в конце. Упаси Бог, никто не просит устраивать презентацию авторов полуминутного шоу. Там есть один герой — товар (или банк, как повелось у нас), и «ни слова больше».

Позволяю себе привлечь ваше внимание к своему персонажу лишь потому, что Грымов — один из очень узкого круга наших режиссеров, которых можно назвать профессионалами в чисто рекламном жанре. И еще потому, что сам этот жанр пока привлекает к себе пристальное внимание очарованных телекритиков, т.е., по сути дела, каждого из нас.

А чтобы стало, наконец, понятно, о ком речь, вот вам краткая опись самых известных работ Грымова: все рекламные ролики ночного шоу «У ЛИС Са», «Коммерсанта-Daily», ролик с «Кросной» (тот, где мальчик среди игрушек), шоколадом «Нускат» («от которого взрослеют») и звездами эстрады накануне референдума («Да — президенту!»). Последний, между прочим, купили японцы, оценив идею политической рекламы.

Я встречался с Грымовым два раза: в офисе агентства «Premier SV», где он с недавнего времени работает, и на съемочной площадке. В первом случае он говорил о рекламе, почти не давая мне и рта раскрыть. Во втором, как вы догадываетесь, он ее снимал и меня вообще не заметил. Смешаем первое со вторым — может, вкусно получится?

На площадке

Съемки происходили в «Олимпийском». Там вообще сейчас снимают много разного. В этот раз делали рекламу какой-то очередной спортивной лотереи.

Я спешил, но напрасно. То есть все уже было готово — камера, свет, актеры, — но собственно съемка началась часа через два. Пока же Грымов то подсаживался к камере, заглядывая в видоискатель, как в микроскоп, то требовал на десять сантиметров отодвинуть софит, то вдруг походкой журавля принимался мерить площадку.

Наверное, это хаотическое движение режиссера содержало некую

сверхидею: окружающие не выражали недовольства затянувшимся ожиданием.

Грымов присел на стул, вскочил. Описав непонятную дугу, приблизился к несчастной героине клипа. Та уже более полутора часов ковыляла по темному стадиону в горнолыжном ботинке на одной ноге и в коньке на другой, выпрашивая у всех сигарету. Но как назло едва затягивалась, перед ней выросла режиссер с новыми соображениями по поводу костюма.

Грымов осматривает даму в бобслейном шлеме и, обернувшись, с негодованием интересуется: «Так, а это что?!» Подскакивают костюмеры. Режиссер брезгливо указывает на серый воротник водолазки актрисы: «Мне не нравится этот цвет!» Хватает валявшуюся рядом яркую спортивную шапочку, прилаживает в качестве воротника. «Ну вот, то что надо!» Костюмеры бегут за новой водолазкой.

В офисе

— Многие великие режиссеры пытались снимать рекламу — ни черта у них не получается. Феллини снимал! Гениальный Феллини. Да все! Практически каждый крутой режиссер хоть раз снял рекламу. Ведь это всем интересно: в тридцать секунд заложить столько информации. Это ведь очень элитарный жанр — реклама. А у нас

она преподносится как жанр низкий.

Самое безжалостное отношение к режиссеру — в рекламе. Он ставится в такие рамки! А съемки как в обычном кино: столько же денег, столько же техники, столько же сил.

Беда многих наших режиссеров в том, что они снимают кино. Нельзя снимать кино, надо снимать рекламу. Зритель смотрит этот «фильм» и забывает, что рекламируется.

Я не использую популярных советских актеров. На Западе это принято, это долго впитываемая культура. У нас же нет, у нас актер очень сильно отвлекает внимание от товара. Да и потом, актеру нужно все-таки уметь работать в рекламе. Нельзя долго говорить, нельзя долго поворачивать голову. Есть задача: стоишь так, повернул голову сюда, так сказал. Я пробовал с некоторыми известными актерами — не то. Очень тянут, отыгрывают... А времени мало.

На площадке

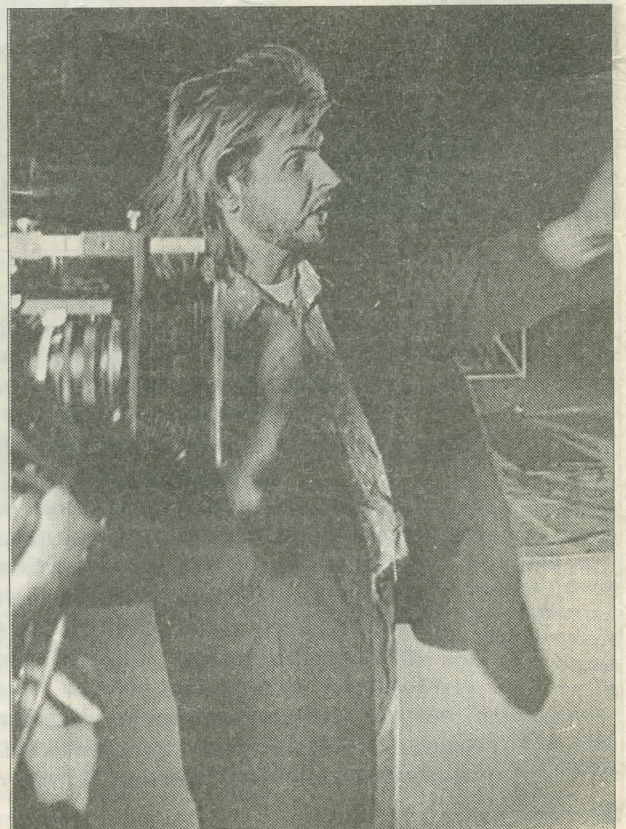
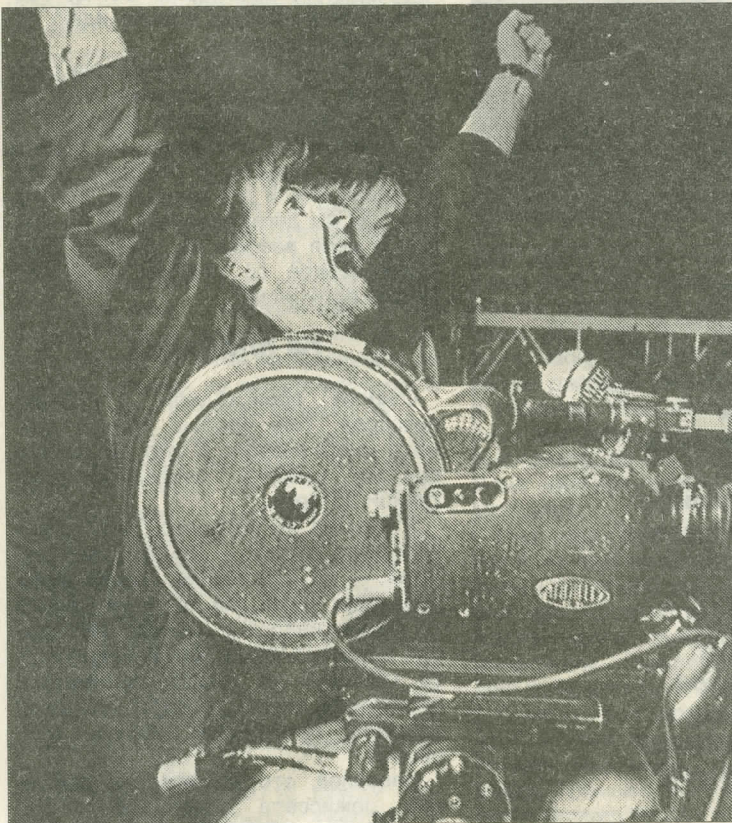
По сценарной идее Грымова маленькая женщина в дурацком пестром, но спортивном наряде должна была продефилировать по площадке, совершить кое-какие пассы хоккейной клюшкой, после чего, подняв руки, завопить: «Ур-ра!», что символизировало бы восторг от крупного выигрыша в лотерее. (Я не знаю всей за-

думки, поэтому рассказываю ровно о том, что наблюдал.) Двигаться требовалось по строго очерченной траектории. После десятой—двенадцатой репетиции уже получалось. Внезапно, к ярости Грымова, появляются серьезные проблемы с победным криком в финале. Актриса еле открывает рот (она, кстати, никакая не актриса вовсе). Время от времени, пока Грымов с веселой злостью «дрессирует» бедную, к ней подбегает гримерша и вытирает с лица пот специальной салфеткой.

В очередной раз, когда камера уже «пошла», женщина почему-то мешкает со своим «ура», и Грымов чуть ли не подпрыгивает: «Ну, давай — УР-Р-РА! Мы же снимаем, ядрена мать!» По стадиону разносится эхо. Несчастная затравленно глядит в камеру и орет: «Да задолбали вы меня все!»

В офисе

— Когда я снял этот ролик с курами («Только на дискотеке «у ЛИС Са» можно познакомиться с путевым парнем»), то он всем очень понравился, я даже получил за него приз... И вдруг мне говорят: «А ты можешь снять что-нибудь крутое?» Ведь мои ролики все очень простые. Я отвечаю: «Ребята, крутое — это делать нечего». И сделал ролик, где по всей дискотеке катится машина. Массовка! Красиво!



На этих съемках, кстати, мы сбили девочку. Была очень быстрая машина, «Корвет», а девочка встала не на метке, и ее ударило по ноге. Ничего страшного, но возник вопрос, кто будет пробегать перед машиной в качестве официанта, с подносом. Просить кого-то? Вижу, что боятся. Пришлось самому бегать. И из машины с лисьим хвостом я выскакиваю. Мне проще самому, чем полчаса кому-то объяснять.

Ролик для референдума был снят за одну ночь. Днем придуман сценарий и утвержден наверху. К ночи пригласили артистов. Из эстрадных — кто не был на гастролях — пришли все. На следующий день все уже смонтировали и озвучили. Это была самая быстрая работа в моей практике.

Полночи мы репетировали. Пока всех «звезд» построили, пока по шагам все отмерили — сложная работа. Представляете, стоит Барыкин, Минаев, Маликов, Бабкина. Говоришь им: «Три шага сюда, два шага туда». Так они у меня и ходили.

На площадке

Грымов не знает жалости. Если он работает, то остальные не имеют права отлучиться даже на минуту. Потому как один Бог ведает, что придет в голову неистовому режиссеру в течение этой минуты. Раньше он делал

все практически сам — от сценария до декораций.

Тут непопустительна роскошь традиционного советского съемочного процесса, когда две недели коллектив вяло покуривает, а на третью штурмует сценарий и директор картины седеет от перерасходов.

Площадь арендуется на день-два-три. Оговариваются сроки сдачи. Строятся декорации — и вперед.

...Во время технического перерыва, пока у камеры меняют объектив, Грымов подбирает где-то оранжевый мячик и с упоением пятиклассника начинает стучать им об пол. Разыгравшись, чуть не свалил осветителя. Вдруг он забывает о мяче и, найдя глазами нужного человека, заводит с ним тихий разговор о сегодняшнем вечернем совещании. Меж тем уже девять вечера. Потом резко поворачивается к ассистентам: «Так, а что вы сидите? Мы будем работать или фигней заниматься?!» Оказывается, надо было протереть пол площадки — сильно затоптали.

В офисе

— Меня спрашивают, а как это я делаю такое большое количество сценариев. Да никак! Настройся на эту частоту, и у тебя все будет точно так же. Нельзя, скажем, торговать ликерами и одновременно снимать рекламу

му — получится дерьмо полное. Поэтому сейчас мы у себя в «Premier SV» создали так называемый креативный отдел, который должен заниматься концептуальной разработкой рекламной кампании, то есть думать на два года вперед. Иначе зачем вообще реклама?

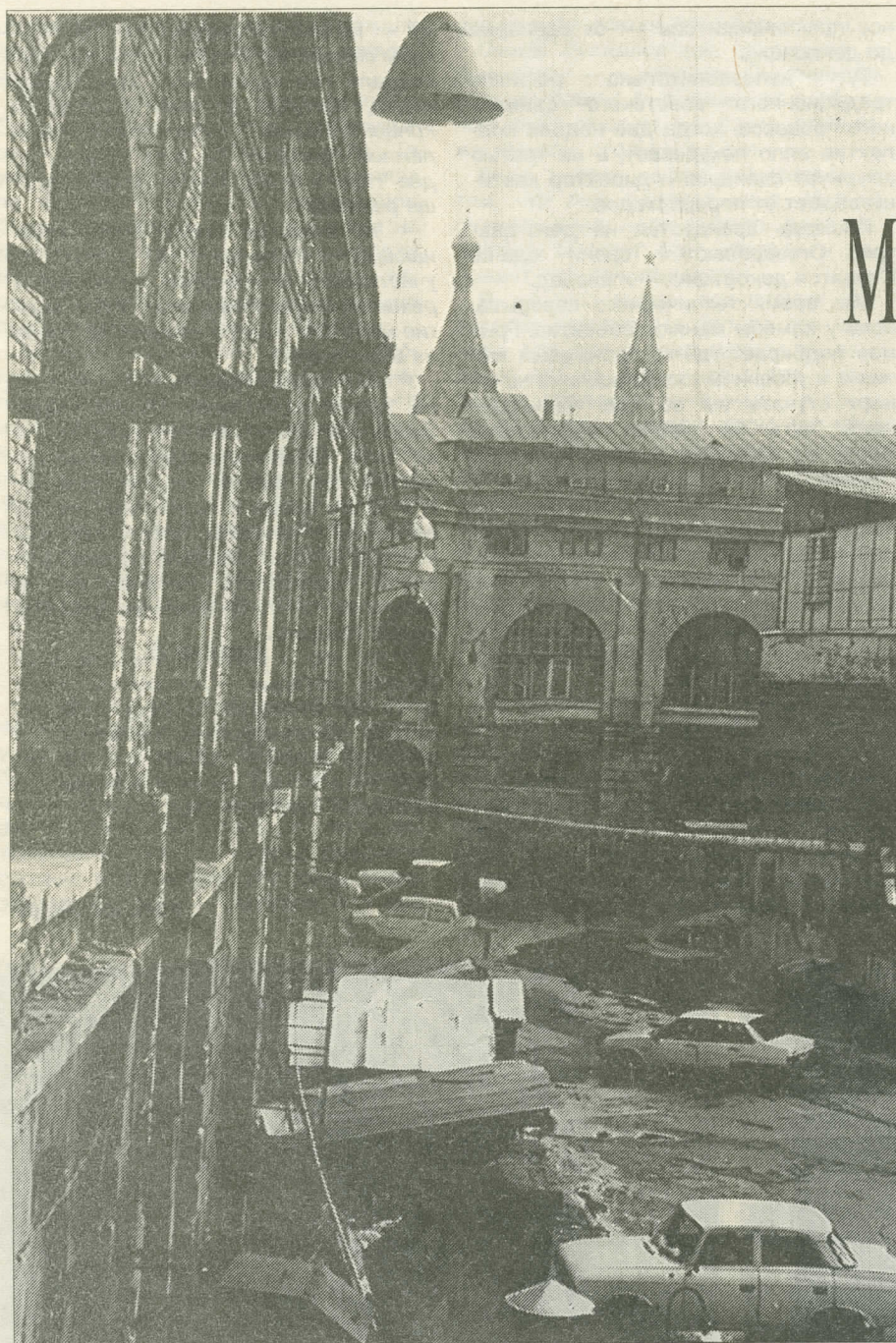
— Но я всегда говорю, что я начинающий специалист. Я хотел бы участвовать в конкурсе начинающих режиссеров-рекламщиков. Хотя многие меня уже в жюри сажают. Да какое из меня жюри?

Я могу рекламировать все что угодно, кроме наркотиков. Любой товар. Здесь нет моего личного интереса. Я не хочу заниматься проблемами качества, это забота производителей. И в то же время я не считаю, что мы занимаемся обманом. Просто наш рынок, как и наша реклама, должны вырасти, повзрослеть. Ребенка же не ругают за то, что он какое-то время не может говорить.

А то, что я снял антитабачные ролики, которые «Останкино» почему-то не показало, и буду, предположим, рекламировать сигареты, — меня «не ломает». Абсолютно. Не курить — это моя личная позиция, но реклама — это моя работа.

Фото В.Кантора





МОСКВОЛЮБЫ С УЛИЦЫ АМИЛКАРА КАБРАЛА

*И на солнце
есть пятна — 2*

Читательские письма доказали: тема переименования московских улиц — по интересу к ней — вторая после политики. Поэтому для особенно дотошного читателя я перечислю предыдущие публикации в «Столице» и приступлю к обзору писем.

Итак,

- 1. «Станция-монастырь», № 50, 1991 г.**
- 2. «Торжество хитрованцев, или Переулок неизвестной слободы», № 24, 1993 г.**
- 3. «И на солнце есть пятна», № 31, 1993 г.**
- 4. «Митрофановский синдром» (письмо В.Дукельского, обличающее меня в реставрации методов КПСС, в стукачестве, в«лязганьи затвора», в ерничаньи и пр.), № 32, 1993 г.**

«Хамовники» — я предлагаю для метро и прилегающего проспекта реальность — «Республиканская». За республику воевали в XX веке все в этом районе. Ясно всем, что район и название метро «Хамовники» — оскорбительно. Оно ушло, как именно плохое прошлое (было и что-то хорошее) XIX века, а его восстанавливают...

Рядом в XX веке построены академии, заводы, институты, а в них республиканцы, а не хамы XIX века.

В.СОКОЛОВ»

«Начну сразу с Ветошного переулка — о том, что он был «пр.Сапунова», я узнал лишь, когда стал читать перечень возвращенных названий. Так вот, у меня при слове «ветошь» возникает ассоциация с чистыми рваными тряпочками, которыми вытирают станки, протирают уплотнения вакуумных печей... Специфика профессии.

Ф.ИВАНОВ»

Подобных свободных трактовок немало. Люди читали публикации, им сто раз разъяснили, откуда берется тот или иной топоним — но, тем не менее, своя рубашка ближе к телу, свои ассоциации вернее и крепче других. Не думаю, что депутатам, переименовывающим Москву, удастся вложить в головы москвичей учебники истории. У каждого — история своя.

Тем не менее большинство полученных журналом писем защищают переименователей — от меня, ужасного.

«Мне совершенно непонятны выпады Алексея Митрофанова против возвращения московским улицам их недавних названий. Конечно, может быть, он еще совсем мальчик и для него многовековая история столицы ничего не значит, однако как-то забывать о том, что в ней живут не одни двадцатилетние, тому, кто выбрал себе профессию журналиста, не следовало бы. И почему он считает издевательством это мероприятие и предлагает подождать еще неизвестно сколько? Почему он не может или не хочет признать за несколькими поколениями права наконец-то хотя бы со стороны топонимики пожить в когда-то дорогом их сердцу городе, так безжалостно во всех отношениях изуродованном большевиками?»

М.ШАРОВА»

Обвинения в недостаточно почтенном возрасте встречаются в письмах моих оппонентов наиболее часто. Слово судить о прошлом может лишь тот, кто в этом прошлом жил. В таком случае я преклоняюсь перед авторами писем — все они застали царизм в довольно уже созна-

тельном возрасте, а некоторые — жили и в средневековье.

«Прочитала в № 31 «Столицы» беседу В.Дормидонтова и А.Митрофанова под названием «И на солнце есть пятна». Диву далась я позиции вашего певца московской старины. Сразу вспомнила, как два года назад, когда только начали возвращать московским улицам старые названия, пришлось мне на какой-то праздник попасть в компанию малознакомых людей, обосновавшихся в Москве за последние 20—30 лет. В какой ярости они пребывали в связи с этими переименованиями! «Зачем они, — кричали, — мы к старым названиям привыкли!» Я им резонно заметила, что не с нашего поколения история Москвы началась и, даст Бог, не нами кончится. Наши дети и внуки быстро освоят и полюбят исторические названия. Куда там, мой одинокий столичный голос мне затолкнули обратно в рот и продолжили неистовствовать. Я этот случай вспомнила потому, что доводы А.Митрофанова мне представляются на уровне тех провинциальных эмоций.

Н.СТАНИНА»

Обвинение в том, что я провинциал, лимита, приехавшая завоевывать столицу, — второе по частоте. Но если речь идет о программе «возрождения исторического центра», то все мы — и я, и авторы тех писем — живем за пределами Садового кольца и можем, скуксившись, считать себя провинциалами. Но если мы примем за Москву город в его административных границах или хотя бы в пределах кольцевой автомобильной дороги, то... То посмотрим, что творится в нашем городе.

Для этого я взял справочник «Имена московских улиц» и ровно десять закладок. Заложил ими страницы, на которых встречаются сомнительные, мягко говоря, названия. Первые девять уместились на букве А. Десятая — в начале буквы Б. С чем нас всех и поздравляю.

АДИЛЯ САЛЯМА улица. Названа в честь деятеля коммунистического и рабочего движения Ирака, первого секретаря Иракской коммунистической партии. Полагаю, что наши исламские братья давно забыли об этом кумире. Мы, оказывается, помним.

АЛЕКСЕЕВА ПЕТРА улица, 1-й и 2-й проезды. Петр Алексеев — рабочий-ткач, конечно, революционер. Прославился своею речью против царизма, произнесенной еще в 1877 году. Точнее, тем, что Ленин назвал ее великим пророчеством.

АМИЛКАРА КАБРАЛА площадь. Товарищ Кабрал — деятель национально-освободительного движения Гвинеи (Бисау) и островов Зеленого Мыса. С чем приветствую проафрикански настроенных жителей Вешняков.

АНДРЕЕВА ПАВЛА улица. Он работал на заводе Михельсона, был членом комитета замоскворецкого Союза молодежи «III Интернационал». И жизнь свою отдал за наше счастливое детство.

АНДРОПОВА Ю.В. проспект. В комментариях нужды не вижу.

АРИСТАРХОВСКИЙ переулок. Напоминает нам о некоем Аристархове — члене Совета рабочих депутатов Рогожско-Симоновского района.

АРМАНД ИНЕССЫ улица. Все комментарии — в сборниках анекдотов про Ленина.

АРТЮХИНОЙ улица. В память революционерки, профсоюзной лидерши, Героя Соцтруда и пр.

АСТАХОВСКИЙ переулок. Илларион Астахов был большевиком с Гужона. Отличился тем, что в феврале 1917 года его убили на Яузском мосту во время демонстрации.

БАБАЕВСКАЯ улица. Ассоциируется у всех с кондитерской промышленностью. На самом деле Петр Акимович Бабаев был слесарем Ново-Сокольнического трамвайного парка, членом компартии с 1905 года и вряд ли увлекался изготовлением конфет. Однако в честь него назвали и улицу, и ароматную фабрику.

Я живу на пересечении улиц Черняховского (советского генерала) и Красноармейской. В редакцию езжу по Ленинградскому (отнюдь не Петербургскому) проспекту.

И не бурчу.

Многие мои оппоненты, кстати, адреса своего почему-то не указали. Может быть, постеснялись написать эти революционно-интернациональные имена? А может быть, они привыкли к доскам почета, освещенным прожекторами и обсаженным вечнозеленой хвоей. К которым ведут перерывы улицы — в лужах и тьме. Привыкли к священным, сакральным местам.

Им кажется, что любят они центр Москвы. И ратуют за украшение этого центра историей. Но любят ли?

Лучший, на мой взгляд, роман о нашем городе — «Москва» Андрея Белого. Он родился на Арбате, он знал Москву, он без Москвы не мог. И бесконечно ее любил. Переулки у него становятся кривулями, и в Центре возникают топонимы: Табачихинский, Гнилозубовский, Пятисобачий, Телячья Площадка.

Он ужасается городом. И, ужаснувшись, проникается любовью еще большей.

И ему — для любви — нужды нет обманывать себя. Любит он Москву не «за», а «вопреки». Любит во всем безобразии.

И нет предела его чувству.

Алексей МИТРОФАНОВ

Виктор МАТИЗЕН

РУССКИЙ
ЧЕЛОВЕК
В
ТРЕХ
ГЕОГРАФИЧЕСКИХ
ИЗМЕРЕНИЯХ

Он вошел в купе минут за пять до отхода поезда, изрядно запыхавшись.

— Ф-фу, еле поспел. С Казанского бежал. Переменили расписание, а я и не уследил...

— А билет на что? — поинтересовался я. — Там же написано: «МОСКВА-ЯР». Ярославский вокзал.

— Да ну? — удивился он. — Теперь буду знать.

Было ему на вид пятьдесят с хвостом. Загорелое лицо, исчерканное морщинами, и поврежденный палец на руке однозначно свидетельствовали о том, что он много работал под солнцем и на открытом воздухе.

— Жарко, однако. Чайку, что ли, выпить? — риторически спросил он, доставая заварочный чайник.

— В Средней Азии жили? — поинтересовался я, кивком показывая на его посудину.

— Тридцать лет, — подтвердил он. — Жена и сейчас в Душанбе. А я в Нижневартовске. Сейчас вон дом купил в Орловской губернии за триста пятьдесят, оттуда на вахту еду.

— Строитель?

— Монтажник. Дома собираем из панелей.

— Неплохо платят?

— Двести пятьдесят.

— Жить можно...

— Там это считается — тьфу! Я два года всего, а которые по двадцать, как мой брат, по пол-лимона в месяц зашибают, а то и больше. Подрядчик наш, поди, в день столько выколачивает.

— А чего на Север потянуло? Заработать захотелось? — спросил я, догадываясь об ответе.

— На старости-то лет? Поздновато мне по поездкам-вокзалам скитаться... Война погнала. А то б жил и жил. Дом свой, лимонарий. На каждом дереве штук по сто лимонов, подвязываешь, чтобы ветки не обломились. И вот приходится все бросать...

— Что, гонят?

— Да нет, никто не гонит. Да у меня там вокруг все знакомые. Конечно, откровенности в отношениях нет, по душам не поговоришь, как со своими, такой народ: они и между собой только и смотрят, как друг друга обойти. Курица через забор к соседу перелетела — считай нету. Ну и я с ними так же. Улыбаемся: я ему, он — мне, а каждый себе на уме. Но вообще к русакам отношение хорошее. Власти говорят: оставайтесь, никто вас не тронет...

— Тогда чего уезжать?

— Да я же говорю: война. Да и как это — в другой стране остаться...

— Надолго они это затеяли?

— На остаток моей жизни хватит. Ненависти — море. Режут почем зря. Памирцев поголовно уничтожают: детей, женщин, стариков... От моего дома недалеко канал протекает. Смотрю я по приезде — какие-то белые пятна вдоль берега разбросаны. Я жену спрашиваю: что это? «А могилы, — говорит. — Туда расстреливать водили. Постреляют, кликнул кого-нибудь из местных яму выкопать да наскоро землей закидать. Земля скоро оседает, то рука, то нога покажется. Запах идет. Санэпидемстанция приедет, земли накидает, хлоркой засыпет, вот и пятно...»

— Прогресс... — сказал я, передернувшись и мгновенно вспомнив неистребимый запах хлорки из сортира во дворе школы, намертво связанный с детством.

— А потом я и сам увидел, как на расстрел вели. Тех трое и этих трое.

— Кто кого?

— Правительственные бойцы — боевиков оппозиции. Они, чтобы отличаться, разные повязки на голову нацепляли: одни — красные, а другие — белые. Хотя какие они белые? В натуре зеленые — коммунисты.

— А красные — коммунисты?

— Вроде как. Черт их разберет. Так вот, шли они к ка-

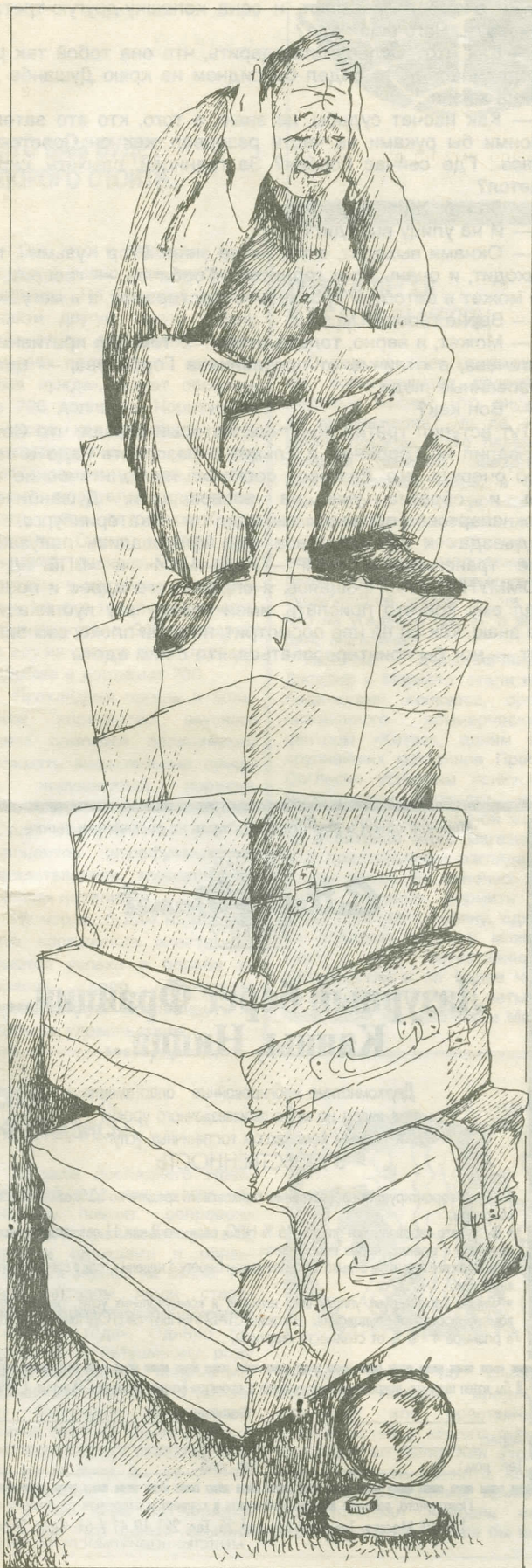


Рис. О. Разиной

налу: впереди высокий такой, веселый, красивый парень, похоже, кавказец. Прямо шел, гордо: жизнь, мол, смерть — все трын-трава. Второго шатало из стороны в сторону как пьяного, а третий вообще сам идти не мог — тащили его двое с автоматами. Как было дальше — не видел. А вообще убивают просто: дуло снизу к челюсти — и на курок. Мозги вышибает... А ведь баранина просто так не зарежут: обязательно с молитвой, головой на восток. Аллах иначе не велит. Людей убивать просто так — велит? — спрашиваю. Молчат...

— А что, помолвившись — лучше? — вырвалось у меня.

— Всяк скверно. Меня когда не было, сына чуть не расстреляли. Сидел с двумя таджиками на улице, разговаривал. Вдруг машина остановилась и трое с автоматами. «А ну, пошли!» Не знаю, что им померещилось, — подкурённые были. Уже когда привели на место, маленько очухались и отпустили ребят. Жена тем временем в штаб бежать — к командиру. «На какой машине? А ну давай их сюда!» Быстро нашли, пригнали. «Расстрелять за самовольничанье!»

— И что?

— Расстреляли, я думаю. У них там сурово...

— А насчет грабежей?

— Грабят, конечно. Чужих — само собой, но и у своих тоже... реквизируют. Если у человека оружие за плечами, кто ему указ? К жене раз зашли. Вежливо, говорит, держались. Она им мешок муки отдала и счастлива была, что дешево отделалась...

— Язык-то таджикский знаете?

— Чтобы говорить — не очень, а так почти все понимаю. Я их неплохо изучил. Интересный народ. Дочь у него на свет появляется — сияет: «Волгу» родил!»

— Уже о калыме думает?

— Ну. А вообще рожают без счета. Дважды в год: весной и осенью. Но и к смерти ребенка относятся спокойно: Аллах дал, Аллах взял. Хоронят в тот же день. Поминки справляют, как мы — девять дней, сорок, полгода и год. А потом — все. На могилу не ходят. Едят плохо — возьмет с собой лепешку, сидит, в арыке размачивает и ест... А дома казан поставят здоровый, и в него все, что есть: рис, макароны, овощи... Что хорошо — старших уважают. Отец — глава семьи. Все деньги — ему, а уж он распределяет, кому чего купить. Сын женится — тут же на участке все вместе ему дом строят. Умирает старший брат — младший берет его детей. А мать пусть как хочет: женщину в грош не ставят. Идем с соседом пиво пить, жена выскакивает за ворота и давай ругаться. Он булыжник схватил, размахнулся — и в нее. Хорошо, успела за калитку заскочить...

— А что, дом продать нельзя?

— Можно. Только много не дадут. Жена говорит, ей предлагали «Москвич» и полтора миллиона. Разве это деньги?

— А оставить его за собой до лучших времен?

— Какое там! Сегодня я уеду, а завтра сосед жену с детьми туда запустит — и все, ничем их оттуда не выкуришь. Дай бог все вывезти, что можно. Дак ведь пока вывезешь, обдерут как липку. Не прямо, так поборами. Цены взвинтили. За контейнер заплати, за погрузку заплати, на каждой станции, чтобы вагон в отстойник не загнали, заплати. А ехать через три республики, и все норовят с тебя слупить. Вот и посчитай, на какие шиши я бы все это делал, если бы в Вартовске не пахал...

— Живешь-то там где?

— Сперва у брата, потом в общагу перебрался. Погостить хорошо, а чтобы надолго — это ни к чему. У них своя жизнь, свои сложности, мне на это смотреть не надо, и им свидетели не нужны. А ванну принять, да чтоб невестка обстирала — это всегда. Ну а в общаге молодежь — пьют, галдят, музыка на всю катушку. Куда мне под старость лет такая компания? Начальник балок предложил,

да я отказался — в нем поселишься, да и застрянешь с концами, а мне квартиру надо. Из Душанбе я выписался, в общежитие прописался, статус беженца получил — и поставили меня на очередь. Сейчас вот дом сдается — должно и мне обломиться. Начальник, правда, не дурак — подписал меня еще на три года после получения квартиры. Пока живу в вагоне прямо на стройке. Тихо, спокойно, на работу ездить не надо. Телевизор выпросил...

— Остаться там не хочешь?

— Жена всю жизнь на юге прожила — куда ей на север? Да и по мне лучше где-нибудь в средней полосе.

— А то б сменил таджиков на хантов с мансями...

— Братан мой, к стати, как лето, берет сына, грузит лодку водкой, сахаром, сигаретами — и пятьсот километров вниз по Оби, к хантам. Обратно с соболем возвращается. Себе шапку справил, жене, дочери. Самый дорогой мех считается. Я с ним раз ездил — красота...

— Соболю?

— Берега...

— Из-за мошки, небось, солнца не видно...

— Почему? На воде ее ветер сдувает. А на берегу или в тайге, конечно, едят только так. На пляже меня раз всего изгрызли. А рядом япошки — хоть бы почесались. Я спрашиваю брата: «Кровь у них дурная?» «Да нет, — говорит, — видишь у них на поясе штучку? Ну, стрекозиный писк издает? Мы-то не слышим, а комары врассыпную...» С хантами еще почему хорошо дружить? Это его река, его земля. Он с нее живет. С него никто не спросит ни за рыбу, ни за зверя. Вот тебе и крыша... А раз мы зимой за дровами поехали в тайгу с мужиками со стройки. Поглядел заодно, как нефтяники природу курочат, — страшное дело. И везде факела газовые... Использовать газ не могут, так выпускать — еще хуже. Недавно два вертолета попали в газовое облако, искра проскочила — и рвануло так, что костей не собрали... Тронулись мы обратно, смотрю — изба, дымок курится. Шофер говорит: хант знакомый живет, давай заглянем, погреемся. А хоть бы и незнакомый — гостеприимный народ, все для гостя сделает, даже жёну подложит. Завернули, достали водку, сидим, выпиваем. Тут же у него мальчонка дома лет семи. «Налей ему», — говорит хантыра. Мы переглянулись: ну, как ты мальцу водки нальешь? Хантыра говорит: «Что тебе, водки для ребенка жалко?» Шофер наливает чуть-чуть на донышко. Хант снова говорит: «Не жалей для ребенка!» — и руку с бутылкой пригибает. Пацан взял и опрокинул в себя полстакана. Посидел с нами и вышел на улицу. Грузимся в машину, смотрим — он с лайками спит прямо на снегу. Греть его... Вот как. Тридцать лет ханты живут. Хорошо, если сорок...

— А орловчане сколько?

— Там, где я поселился, за вредность доплачивают. Радиационный фон повышен, говорят.

— Вещички уже там?

— Там. Сейчас вот квартиры дождусь, продам миллионов за десять как минимум и заживу кум королю. Грузовичок куплю или тракторишко, бычка на откорм, коровенку молочную, поросят, лошадей...

— А с кормами как?

— Свеклу посажу...

— Кормовую?

— Зачем? Сахарную... — Не понял.

— Что тут понимать? Из свеклы что гонят?

— Скотину, что ли, спаивать будешь, вместо того что бы кормить?

— Да не скотину. Самогон — валюта, не хуже твоего доллара.

— И такая же зеленая?

— Это почему?

— Говорят же: зеленый змий...

— А... Короче, нальешь банку первача — тебе и пше-

нички в амбар засыпят, и сена копешку-другую-третью привезут... Чего еще надо?

— Как что? Судьбу благодарить, что она тобой так распорядилась. А то сидел бы сиднем на краю Душанбе до конца жизни...

— Как насчет судьбы, не знаю, а того, кто это затеял, своими бы руками на части разорвал, как он Советский Союз... Где сейчас Горбач? За границей, слышать, скрывается?

— Да нет. Живет, где жил.

— И на улицу выходит?

— Окнами выходит, а так — не знаю. Егор Кузьмич, тот выходит, и очень этим гордится. «Горбачев, — говорит, — не может в автобусе проехать — растерзают, а я могу...»

— Верно говорит...

— Может, и верно, только о чем? О том, что противники Лигачева, в отличие от противников Горбачева, — цивилизованные люди...

— Вон как?

Тут вступил третий попутчик, который сказал, что Союз развалил не Горбачев, а Ельцин и разорвать надо в первую очередь его. Разговор соскочил на политические темы и обратно уже не возвращался. Душанбинец-нижневартовец-орловец выходил в Екатеринбург, на подъездах к которому все еще красовались полузабытые транспаранты «МИР—ТРУД—МАЙ» и «ВПЕРЕД К КОММУНИЗМУ». Прощаясь, я спросил его адрес и пообещал ему кое-что прислать, имея в виду эту публикацию. Не знаю, как он на нее посмотрит, но если плохо, сам виноват — мог бы поинтересоваться, кто с ним едет...

Мировой опыт и французский стиль на российском рынке

REAL ESTATE
Catherine Mamet
AGENCY

Лазурный берег Франции... Канны, Ницца...

Двухкомнатные меблированные апартаменты
с видом на море пятизвездочного уровня
и полным комплексом гостиничных услуг -
В СОБСТВЕННОСТЬ.

- Фирма гарантирует предоставление банковского кредита на 50 % от стоимости квартиры.
- Вы будете избавлены от уплаты 16 % НДС, если на 9 или 11 лет сдадите свою квартиру в аренду через наш филиал.
- Вы сможете при этом отдыхать на Лазурном берегу 4 недели в году в собственной квартире.
- Фирма гарантирует уплату всех налогов и коммунальных услуг, ремонт или замену любого оборудования, а также СТАБИЛЬНЫЙ ЕЖЕГОДНЫЙ ДОХОД в размере 4 - 6 % от стоимости квартиры.

Я бы хотел получить подробную информацию о проектах Катрин Мамэ в: Каннах Ницце

Имя: _____ Фамилия: _____

Адрес: _____

Тел. дом.: _____ Тел. раб.: _____

Пожалуйста, вложите вырезанный купон в конверт и отправьте по нашему адресу:
103104, Москва, Тверской бульвар, 25. Тел. 291 19 41 / 61. Факс 202 04 49.
АГЕНТСТВО НЕДВИЖИМОСТИ "КАТРИН МАМЭ"



С МИРУ ПО НИТКЕ

ЭТО ВАМ БУДЕТ ДОРОГО СТОИТЬ...

Тем, что в Норвегии жить дорого, давно уже никого не удивишь. Но, пожалуй, трудно найти другую такую страну, где столь естественная жизненная потребность, как «малая нужда», может обойтись в 700 долларов. Норвежские власти, как поведало миру информационное агентство ЭФЭ, решили ударить по карману любителей удовлетворять свои потребности где попало. Сумма штрафа почему-то зависит от района страны, в котором «приспичило». На юге такая провинность оценивается в 300 долларов, а вот на севере стоит гораздо дороже и достигает 700.

Прохладная погода и большое количество вкусного пива помогают полицейским взимать значительные суммы с нарушителей порядка, особенно по выходным. Стоит ли уточнять, что 90 процентов штрафующих — представители мужской половины населения.

Ну что ж, будем надеяться, что норвежские власти добьются успеха в борьбе за правое дело, превратив естественную потребность в дорогое удовольствие.

ЛОЖКА ДЕГТЯ В МЕДОВЫЙ МЕСЯЦ

О чем мечтают молодожены, собирающиеся провести медовый месяц? Что рисует их воображение? Ну да, конечно, прежде всего пальмы, золотой песочек, звездное небо, ласковое море, в общем, что-то тихое, уютное и обязательно уединенное.

Ну кто бы мог подумать, что некоторые молодожены будут мечтать о первых днях супружеской жизни — ни за что не угадаете где — в витрине магазина?

Парочка счастливыхчиков, Джозеф и Маркета, стали победителями конкурса, организованного коммерческим центром «Котва», одним из крупнейших магазинов Праги. Согласно условиям конкурса молодожены проведут первые 15 дней совместной жизни в витрине этого магазина, под пристальными взглядами толпы зевак. Их конечно же будут отменно кормить и даже приставят охрану, однако покидать витрину можно лишь по естественным надобностям и не более чем на пять минут каждые четыре часа. Если же Джозеф и Мар-



кета успешно справятся со своей задачей — привлекут побольше любопытных в магазин и выдержат все 15 дней, — то будут щедро вознаграждены за свои старания. Покидая витрину, они могут захватить с собой любые товары торгового центра на сумму 200 тысяч крон (более 7 тысяч долларов).

Как сложится семейная жизнь, начатая столь странным образом, представить себе трудно. Хотя, кто знает, может быть, Джозеф и Маркета так войдут в роль, что не захотят покидать семейный очаг-витрину до золотой свадьбы?

ТРЕВОЖНЫЙ ПОВОД ДЛЯ РАЗДУМИЙ

Засилье американского кино вызывает серьезное беспокойство и в Европе, и в Латинской Америке, и, слава Богу, у нас тоже. Действительно, посмотрим вокруг: каждый мальчишка мечтает стать Ван Даммом, мастерит звездочки, «как у ниндзя», боится вампиров и привидений.

Трагическая судьба одного бразильского подростка призывает задуматься еще раз, так ли уж невинен тот компот из глупости, крови и насилия, которым потчует детей американский кинематографический ширпотреб.

По сообщению агентства ЭФЭ, одиннадцатилетний Маркос Геберт де Соуза решил повторить уловку героя одного американского фильма, где предприимчивый подросток весьма наглядно продемонстрировал, что если инсценировать самоубийство, то можно добиться от своих занудных предков всего чего угодно. Вслед за киногероем наивный мальчишка решил инсценировать повешение, но, не рассчитав всех возможностей, не сумел выбраться из петли и погиб.

Рис. О.Разиной

СПОЙ, ПЕТЯ, НЕ СТЫДИСЬ!

Встреча последнего Нового, 1993, года, как многие, наверное, помнят, сопровождалась петушиными криками, яркими одеждами и обязательным зерном на столе. Таким образом люди старались завоевать расположение «хозяина года». Однако отношение к петушному роду мало изменилось. Многие его представители и в этом году бесславно заканчивают жизнь свою на нашем столе. А вот один из них оказался вовсе не в супе, а... на скамье подсудимых.

Но обо всем по порядку. Жил да был самый обыкно-



венный петух по кличке Анибаль. Никаких вредных привычек или преступных наклонностей у нашего героя замечено не было. Как это у них, у петухов, принято, каждое утро радостным криком приветствовал Анибаль начало нового дня. И все бы ни-

чего, если бы это не происходило в спальном районе чилийской столицы. Многие жители почему-то не разделяли восторга петуха по поводу восхода солнца. Вот и попал голосистый нарушитель спокойствия за решетку... Конечно, Анибаль во-

спользовался услугами адвоката, однако судья, проживавший, кстати, по соседству с петухом, был неумолим. «Будильник» целого квартала был признан виновным и должен был страдать материально. Наш герой, видимо, накануне поистратился и оказался не при деньгах, так что разориться на целых 127 долларов пришлось его хозяину, Даниэлю Энрике Рэду. Остается надеяться, что Даниэлю не пришлось в голову подсчитать, сколько петухов, уже ощипанных, выпотрошенных, словом, готовых в «последний путь», мог бы он приобрести на эти деньги. В противном случае эта история может принять весьма печальный, прямо-таки трагический оборот.

Алексей МИТРОФАНОВ

ПУСТЫНЬ



Платформа Зосимова пустынь в полутора часах езды с Киевского вокзала. На стендах железнодорожных расписаний этот пункт часто упоминается в разделе «кроме». Впрочем, машинисты, чьи составы все же останавливаются там, не всегда этот пункт объявляют. Не хотят стараться для тех полутора убогих бабушек, которые обычно сходят на платформе. Ибо бабушки, прожившие здесь свою незавидную жизнь, неплохо выучили, где им выходить.

Главная и, видимо, единственная достопримечательность Зосимовой пустыни — пристанционный убогий продмаг, где торгуют паштетом и семечками. Но жители не знают толк в паштетах. В большинстве своем они не знают даже, почему так называется платформа. Здесь не переименовываю улицы, и нет здесь общества охраны памятников. Впрочем, нет ни памятников, ни улиц.

Здесь и вовсе ничего не происходит.

Есть такое понятие — сельские интеллигенты. В отличие от своих земляков они говорят «через железнодорожные пути», а не «через железные пути», читают газеты и изредка книги и знают, что история ведется задолго до их появления на свет. Им известно, что был такой старец Зосима (а может, Зосим), что носил тот старец бороду, был тощ, как помело, и жил отдельно ото всех — в труднодоступном скиту. Им известно, что рядом со скитом стоит до сих пор монастырь. И они частенько спорят, что же появилось раньше.

Им известно: надо сесть на поезд и доехать до Бекасова-1. И опять сесть на поезд и выйти на третьей остановке, а дальше — полем, мимо пруда — к тому самому монастырю. В нем сейчас пионерлагерь, то ли метростроя, то ли метрополитена, на колокольне — крест, а перед колокольней — пионерка в стиле девушки с веслом. В

центре бывшей обители — небольшой, по поясу, монументик, на нем — желтая каска, издали напоминающая переспелую дыню, а внизу пятиконечная звезда с резервуаром посерединке — на смену вечному огню явилась вечная вода.

И жители не удивляются, что платформа Зосимова пустынь в одном месте, а монастырь — совершенно в другом. Они вообще не любят удивляться. Тем более, у их платформы находится дом отдыха «Бекасово». А вовсе не у станции Бекасово-1.

Собственно, дом отдыха — и есть предмет моих заметок. Если вы действительно устали от капитализма со всеми его выкрутасами, от коммерческих палаток, от рекламы, от каждодневного лицемерия прекрасного, но недоступного, от разделения общества на классы — словом, от того, что обличать является сейчас хорошим тоном, вам не нужно уходить в леса. Вы не привыкли, вы умрете там. Вам — в «Бекасово». Там есть библиотека, а в ней на самом видном месте красуется знакомое всем нам по прошлому десятилетью темносинее собрание ленинских сочинений. А это уже не мало.

И конечно же не все.

Года два назад на ВВЦ, тогда еще ВДНХ, устроили перформанс. То был большой и злой соц-арт, где устроители произдевались надо всем, чем жили многие десятилетия. И посетитель, зашедший на шашбаш-реванш, видел все это в гипертрофированном своем уродстве да вдохновенно улюлюкал. Но улюлюканье прошло, его сменила ностальгия, и сейчас самое время — отдыхать в Бекасове.

Во-первых, там недорого. Три тысячи в день — с пансионом. Горячая вода, санузел в каждом номере и телевизор на этаже. Во-вторых, перефразируя Хемингуэя, бекасовский обед — это самый обычный обед, только в четыре раза больше. В третьих, здесь ничто не напомнит о вре-

мени, в котором вам посчастливилось жить.

Очарование начинается еще с платформы. На ней — ни одного ларька. Зато есть будка стрелочника. Точнее, стрелочницы, охотно вступающей в разговор и даже способной объяснить, как добраться до монастыря.

Затем, в самом доме отдыха вам вручат «личную карточку отдыхающего». Из нее вы узнаете, что после завтрака следуют «утренние мероприятия (экскурсии, прогулки, игры и т.д.)». После обеда, как вы догадались, — «час покоя». После полдника с теплыми булочками — «предвечерние культурные мероприятия (спортивные, беседы, разучивание танцев, художественное чтение и т.д.)». А перед «вечерним туалетом» — «вечерние культурные мероприятия (лекции, кино, концерты и т.д.)».

Самое необычное заключается в том, что все это по мере возможности соблюдается. И больше не персоналом, а самими отдыхающими. Дело в том, что в «Бекасове» скучно. Там не было даже экскурсий, хотя они и обозначены в «программе». Когда мы подошли к уполномоченному по развлечениям, он объяснил, что билеты дорогие, отдыхающие бедные, да и тех маловато, а бюро велит заполнить весь автобус. Поэтому нам остаются игры да прогулки. Игры шахматами в шахки в коридоре (извините, не полный комплект) да прогулки по лесам, озерам и полям.

После прогулок — обед, а поскольку книги в той библиотеке под стать всему остальному — добрые и монотонные, — они быстро из рук выпадают, и незадачливый читатель просыпается ближе к ужину. Протирает глаза, освежается яблоком, умывает потянутую физиономию и идет в столовую. Где начинает свою долгую и обильную трапезу с обширного гуляша и заканчивает чаем с остывшими полдничными булочками. После чего идет взвешиваться. Ибо дом отдыха не щедр на развлечения, и хочется воспользоваться всем доступным арсеналом.

Затем — кино. Репертуар — Россия или бывшие соцстраны, а цена билета — двадцать рублей.

После усыпляющего фильма — бодрящая прогулка, вечерний чай, произведенный с помощью собственного кипятильника. Душ — и снова сон.

Правда, в доме отдыха проживала колония иностранцев. Но они были испанскими строителями и вовсе не смотрелись чужеземцами. Они, скорее, заменяли пресловутых «местных» — много пьянствовали, орали песни по ночам и грязно приставали к дамочкам на отдыхе.

Я любил каждый год ездить в Крым.

Дурака мне за это.

Из толпы — в толпу, из шума — в шум, из цивилизации — в цивилизацию, из капитализма — в еще больший капитализм.

Зачем? Лучший отдых — в подмосковном доме отдыха.

Это — путешествие в машине времени. Путешествие в минувшую эпоху. В мавзолей социализма.

Ну где еще нормальный человек с удовольствием (а что ему еще остается?) посмотрит северокорейский фильм о героических борцах с корейской же буржуазией? Где еще уснет с томиком Пушкина в упавшей длани? Где станет приваживать ворон под окна соседей, кроша туда хлеб.

Где впадет он в детство и маразм одновременно? Где он растворится на пару недель? Потеряется? Исчезнет даже для себя?

И полдня будет гадать: а почему же сосед по столу не явился в столовую? В Наро-Фоминск отправился или проспал?

Где еще библиотекарша покинет свой пост, даже не заперев его, и будет смотреть с гардеробщицей «Просто Марию», как раньше смотрела бы «Следствие ведут знатоки»?

Где еще не продают американский шоколад? Вместо него ходят в деревню к Ивану Филиппычу за настоящим козьим молоком? Чудесным, парным. И по сравнению с «колой» безумно дешевым.

Нигде так не расслабишься, как в подмосковном доме отдыха. Окончание путевки приравнивается к пробуждению. От безделья, от дури, от сладковатого и жирного молока и от ежедневного двенадцатичасового сна.

Возвращение назад приравнивается к утреннему потягиванию. Еще на платформе Зосимова пустынь вдруг вспоминаешь: надо покупать билеты. Затем подходит электричка, и смотришь на нее как истинный баран — не понимаешь, откуда так много людей. А на Киевском вокзале на ноги вдруг наезжает чья-то тележка, кто-то задевает чемоданом, а кто-то ругнулся на твой чемодан.

И ты растерянно улыбаешься, но очень быстро приходишь в себя и словно радуешься наступившему новому дню, новому трудовому году.

И интересуются приятели:

— Как отдохнул?

И отвечаешь:

— Хорошо.

А больше и сказать-то нечего.

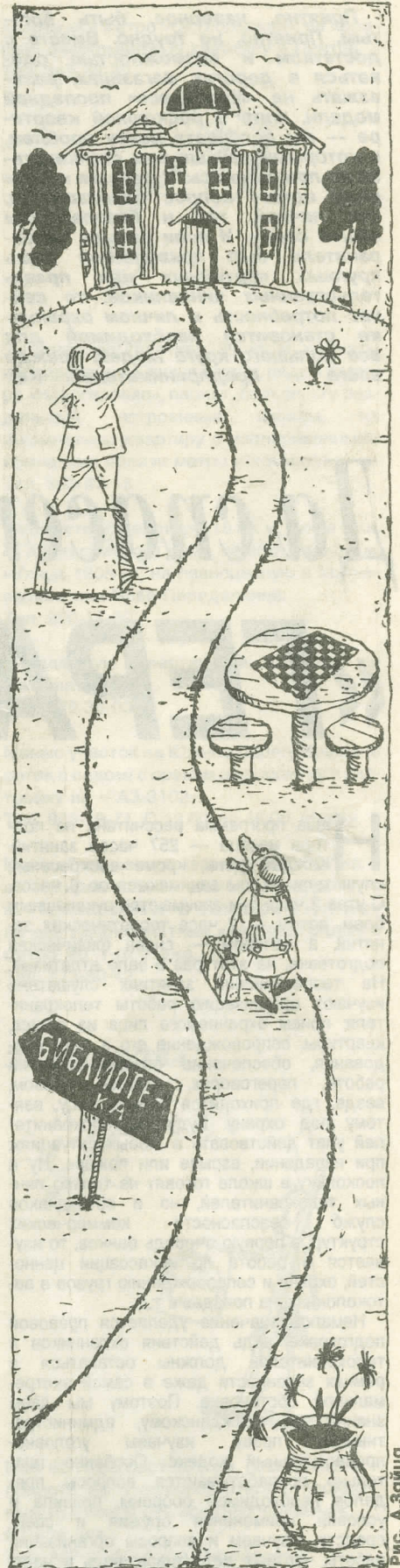


Рис. А. Зайцева

Приятно, наверное, быть богатым. Приятно, но трудно. Вместе с достатком и возможностью одеваться в дорогих магазинах, разъезжать на «Мерседесе» последней модели, жить в роскошной квартире — вы получаете массу проблем, с которыми раньше вам сталкиваться не приходилось. И первым в этом ряду встает вопрос безопасности, как личной, так и безопасности вашей семьи. И если раньше телохранитель был привилегией лишь крупных партийных или правительственных чиновников, то сейчас потребность в личном охраннике становится необходимой для все большего круга людей, прежде всего — предпринимателей. Как

говорят: «Заработай миллион — и ты потратишь его на телохранителя». И потому со все более глубоким вхождением страны в рынок и расширением круга предпринимателей растет спрос на телохранителей. Телохранителя берут не для форса, стоит он немалых денег, соответственно — и требования к нему растут. Не всякий «качок» справится с этой нелегкой работой. И согласно законам рынка спрос начинает рождать предложение — появились школы телохранителей.

Одной из первых таких школ стал военно-спортивный клуб «Герат-Викинг» Ассоциации ветеранов Афганистана «Герат». Здесь подготовкой телохранителей занялись с

начала 1992 года, то есть еще до выхода Закона «О частной детективной и охранной деятельности в Российской Федерации». Ну а поскольку преподаванием с самого начала занимались профессионалы, то после выхода закона оставалось лишь привести в соответствие с ним учебную программу школы. О праве школы на подготовку телохранителей и частных детективов свидетельствует лицензия, выданная МВД.

О том, чему и как учат телохранителей, рассказывает заместитель директора клуба «Герат-Викинг» полковник запаса Владимир Алексеевич БЕЛОУСОВ.

Да спасет вас «ГЕРАТ»!



фото автора

Наша программа рассчитана на полтора месяца — 257 часов занятий. Каждый день, кроме воскресенья, слушатели школы занимаются по 6 часов. С утра 2 часа они занимаются рукопашным боем, потом — 2 часа теоретических занятий, а вечером — снова физическая подготовка, на этот раз в зале атлетизма. На теоретических занятиях слушатели изучают организацию работы телохранителя: прием охраняемого лица из офиса, квартиры, сопровождение его в пути следования, обеспечение безопасности на работе, переговорах, отдыхе; словом, везде, где приходится бывать лицу, взятому под охрану. Будущих телохранителей учат действовать в любых ситуациях: при нападении, взрыве или пожаре. Ну а поскольку в школе готовят не только личных телохранителей, но и сотрудников служб безопасности коммерческих структур, в первую очередь банков, то изучается и работа по инкассации ценностей, охране и сопровождению грузов в автоколоннах, на поездах и т.д.

Немалое значение уделяется правовой подготовке, ведь действия охранников и телохранителей должны оставаться в рамках законности даже в самой экстремальной обстановке. Поэтому мы даем знания по гражданскому, административному праву, изучаем уголовно-процессуальный кодекс. Особенно тщательно прорабатываются вопросы пределов необходимой обороны, правила и условия применения оружия и спецсредств. Изучаем и вопросы организации работы частных детективов: ведь в част-

ном сыске существуют некоторые ограничения — не все то, что можно работнику милиции, позволено частному детективу.

Медицинская подготовка включает в себя оказание первой помощи при колото-резаных ранах и огнестрельных ранениях, переломах, шоках. На занятиях по психологии учат методам саморегуляции, снижения болевых ощущений. Важна и психологическая совместимость охранника и охраняемого, ведь им приходится довольно много времени проводить вместе. Поэтому все наши учащиеся проходят специальное психологическое тестирование как при приеме в школу, так и при выпуске.

Ну и, конечно же, огневая подготовка. В тире Академии МВД стрельбы проводятся в условиях, приближенных к боевым, — с шумовыми и световыми эффектами, в движении, в полной темноте, стрельба на звук.

Особо следует сказать о преподавательском составе школы. Это начальники кафедр, профессора и преподаватели из Академии МВД, имени Фрунзе, Министерства безопасности, практики из охраны правительственных органов.

Боевым искусством учит Юрий Сенчуков — единственный в Москве, преподающий по школе «хапкидо» — искусства соединения силы, когда обороняющийся использует силу нападающего против него самого. Это не так давно рассекреченная методика подготовки полиции Южной Кореи. Используются и элементы другой южнокорейской школы — искусства пресечения боя «чжоу-и». Сочетание этих двух боевых искусств дает очень хорошие ре-

зультаты, они куда более пригодны в работе телохранителя, нежели практикующиеся в некоторых школах таэквондо и кикбоксинг, требующие большого пространства. А ведь столкновение чаще происходит в узких местах — на лестничной клетке, в лифте, в подъезде. Конечно, за полтора месяца можно усвоить лишь какие-то базовые приемы, а становление мастера происходит годами. Поэтому неудивительно, что многие, прошедшие курс у Сенчукова, продолжают ходить к нему на занятия и потом. Ведь без постоянной тренировки невозможно держать себя в форме.

К слову сказать, «Герат» — это не только школа телохранителей, это и служба безопасности, работающая по договорам со многими коммерческими структурами. Это и круглосуточно дежурящая группа быстрого реагирования, выезжающая по сигналу тревоги в случае нападений на охраняемые объекты. В конце концов это сила, помогающая бороться с преступностью и не одного парня уведшая со скользкой дорожки.

Вадим КАНТОР



119435, Москва,
Новодевичий
проезд, 10
Тел.: 246-38-00
245-80-36
Факс: 245-89-31

ПРЕДЛАГАЮ

Работу штатного или внештатного референта иностранной литературы по органической химии.

Тел. 155-43-57. Любовь Михайловна Королева (ВИНИТИ).

Бюро независимых дистрибьюторов американской корпорации предлагает эффективное питание из трав (производство США, Израиля). Это не диета, а программа питания, основанная только на природных компонентах. Методика приема рассчитана на похудание, режим наращивания мышечной массы и оздоровление.

Тел. 351-83-75.

Русский язык и литература. Фундаментальная подготовка в вузы Москвы. Индивидуальные консультации. Опытный преподаватель.

Тел. 269-16-78.

Грузоперевозки.

Тел. 405-01-02.

Определение геопатогенных зон в квартире и на работе и простые способы их устранения. План помещения в любом масштабе и конверт с обратным адресом высылать: 690012, Владивосток-12, а/я 1262, Спонсор.



Бесплатно сдам жилье в частном доме, без уд., мужчине или бездетной паре, без прописки, срок согласуем. Отвечу всем. Запорожская обл., 332440, Бердянск—18, до востребования Пароконному Н.И.

Любителям дорогих развлечений и острых ощущений прыжки с парашютом.

Тел. 272-20-38, 490-60-10.

Психотерапевт, кандидат психологических наук. Консультации по проблемам личной жизни, снятие эмоциональных стрессов.

Тел. 427-32-48.

ПРОДАЮ

Зимнюю дачу в Переделкине. 30 соток.

Тел. 249-31-45.

Детскую шубку из цигейки, размер 30, и шапочку.

Тел. 337-71-72.

Herbalife.
Тел. 187-13-47.

Herbalife. Скидки.
Тел. 177-46-86.

Квартиры в США.
Тел. 212-47-80.

Изготовление и установка бронированных дверей с сейфовыми замками и мягкой обивкой.

Тел. 178-70-88.

Смокинг, пальто и костюм «от Макарыча» — классический стиль.

Тел.: 318-19-05, 187-69-94.



Дешевую импортную одежду «сэконд хэнд».

Тел. 516-69-11.

Часы «Cardi Vostok», механические, водонепроницаемые, противоударные, с кожаным ремешком, в футляре, гарантия.

Тел. 187-13-47.

3-комнатную квартиру общей площадью 65 кв. м, полезной — 46 кв. м, кухня 8 кв. м, на 4-м этаже пятиэтажного дома у метро «Октябрьская».

Тел.: 932-38-04, 474-66-01.

КУПЛЮ

Картины Зверева, Яковлева, Штейнберга, Плавинского, Шемякина.

Тел. 151-82-17.

Довоенные книги.

Тел. 306-40-19.

Фотоальбомы 30-х годов.

Тел. 337-72-21.

Книги Я.Чернихова, А.Крученых.

Тел. 337-72-21.

Материалы общества «Добролет».

Тел. 337-72-21.

МЕНЯЮ

2-комнатную квартиру, 30 кв. м, с изолированными комнатами и кухней 10 кв. м, на первом этаже 5-этажного дома у метро «Сокол», и комнату 18 кв. м в 3-комнатной

квартире у метро «Октябрьская», на хорошую двухкомнатную квартиру в Центре.

Тел. 943-32-30.



3-комнатную квартиру, 39 кв. м, комнаты изолированные, кухня 6 кв. м, рядом с метро «Новогиреево», паркет, балкон, с/у раздельный, встроенные шкафы, на 2-комнатную квартиру с изолированными комнатами вблизи метро и комнату.

Тел. 303-67-13.

1-комнатную квартиру, 18 кв. м, кухня 6 кв. м, 7/9 кирпичного дома, паркет, балкон, м. «Улица 1905 г.», на равноценную в Матвеевском или Ново-Переделкине.

Тел. 259-11-92.

1-комнатную квартиру и комнату на 2-комнатную.

Тел. 279-36-03.

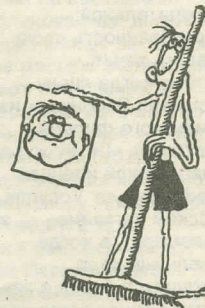
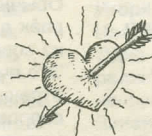
Меняю участок на Южном берегу Крыма (8 соток с садом) с правом на прописку и застройку на «ГАЗ-3102».

Тел. 923-19-71. С 12.00 до 16.00, Мария.

Меняю 2-комнатную квартиру 37,7/61,7 кв. м в кирпичном доме рядом с м. «Текстильщики» в отличном состоянии на две однокомнатные квартиры рядом с метро, кр. 1-го этажа.

Тел. 173-50-42.

ЗНАКОМСТВА



Мне 62 года, рост 164 см, расположена к полноте. Хочу познакомиться с порядочным мужчиной без вредных привычек 60—64 лет.

Тел. 432-12-52, Нина Михайловна.

НУ И ЧТО?

**«Пленники удачи»
«Ленфильм»,
реж. М.Пежемский**

Если бы режиссер догадывался, насколько точно название его нового фильма отражает его собственную ситуацию после успеха «Перехода товарища Чкалова через Северный полюс», он бы, надо полагать, избежал опасности. Увы, Пежемский налетел на то же препятствие, о которое до него разбилась «Мечты идиота» и «Трактористы—2». Прошу прощения за менторский тон, но постмодернизм (ПМ), вопреки распространённому заблуждению, вовсе не эклектика и не самоцельное пародирование. Строя собственное кино из более или менее искаженных элементов чужих картин, не худо бы позаботиться о связующем ферменте. «Пленники удачи», как и «Трактористы—2», — сюжетная комедия, но ни сюжет, ни даже жанр не способны придать постмодернистскому фильму единство. Нужен еще как минимум стиль, ориентированный на какую-нибудь сильную культурную традицию. У Ковалова это, допустим, «монтажное кино», у Дебижева — научпоповские каноны, в «Никотине» — французская «новаг. солна», в «Детях чугунных богов» — героический эпос и т.д. Дело в том, что стиль обладает ассоциативной аурой, без которой ПМ-фильм превращается в коллекцию цитат, которую тянет сопроводить заключительной: «Образованность свою показать хочут...». Поэтому когда сцену «прощания Вероники» из знаменитого фильма Калатозова «Летят журавли» с трагической иронией перефразирует Урсуляк в «Русском регтайме» — это ошеломляет, а когда гениальный кадр кружащихся берез в эпизоде смерти Бориса повторяет Пежемский, это вызывает лишь недоуменное «ну и что?».

Виктор МАТИЗЕН

ТАГАНКИ СУДЯТСЯ, ОПЕРА РАБОТАЕТ

**«Мефисто-театр» на
музыку И. Стравинского
«Новая Опера»,
реж. С.Митин**

Евгений Колобов выступил как всегда блистательно, элегантно устранившись из нового спектакля своего театра. Тень его безусловной гениальности перестала невыгодно оттенять безусловные достоинства постановки, и таким образом появилась возможность поговорить не о дирижере, а о режиссере «Новой Оперы». Сколько Станислав Митин выдержал справедливых и не слишком упреков от критиков — впору задаться от досады и оставить тем самым Колобова в гордом, но не очень уютном одиночестве. Митин этого не сделал, а сделал — спектакль. И спектакль примечательный. Рассуждая здраво и конъюнктурно, зная «ласку» демкритики, он бы не должен был браться за такую нешлягерную вещь, как «История солдата», задуманную Стравинским сначала в виде сюиты, а превратившуюся в странную штуку под названием «балет-пантомима с мелодраматической». Очень уязвима позиция режиссера, балансирующего на грани жанров. Этот интеллектуальный кунштюк на основе русских сказок прост в пересказе и непросто в сценическом воплощении. Обычно его инсценируют как раёк с «живыми картинами» из совершенно живых людей. Это очень скучно. Но если отрешиться от сопроводительного текста (что отчасти и сделал постановщик, отказавшись от роли Чтеца), то открываются большие возможности чисто пластических решений. Что и было использовано молодым хореографом Вероникой Смирновой. Работая с профессиональной балериной — солисткой Мариинки Е.Катковской и драматическими актерами — В.Зайцевым, известным по «Служанкам» Р.Виктюка, и В.Сажиним, — она нашла способ не насиловать зрелищную природу

спектакля соединением несоединимого. Пластическая партитура «Истории солдата» органично сочетает классический и свободный танец с аффектированной мимикой и жестом, не оставляя впечатления лоскутного одеяла. Чудесным образом в этой партитуре «звучат» свет и цвет. Опера «Мавра» в общем-то всегда обречена на успех. Она смешная. В ней дивный сюжет из «Домика в Коломне». В ней есть что петь на сцене и что напевать себе под нос. Но ее почему-то не ставят. Хотя повальный интерес к Пикассо мог бы породить любопытство к этому редкому примеру «кубистической» музыки. В этой части «Мефисто-театра» режиссеру очень помогли костюмы Янины Кремер, сочетающие супрематизм со стилем а la russe. Вот теперь пора признаться, что творчество Стравинского мне не близко. Представляете, как чертовски убедителен спектакль, идущий на Старой сцене Таганки?

Ирина ЛЮБАРСКАЯ

ПОЛНАЯ ЖИЗНЬ

**Выставка Фернандо
Ботеро
Музей изобразительных
искусств им. А.С.Пушкина**

Нас уже трудно чем-либо удивить. А вот колумбийский художник Фернандо Ботеро удивил. Его герои — исключительно толстяки: огромные мужчины и женщины, мадонны и младенцы. Среди них толстая инфанта Маргарита, толстая Мона Лиза и симпатичный полненький Иисус Христос. А также мандолины, скрипки, гитары, апельсины, арбузы и пирожные несусветно больших размеров. От этих картин отдаленно веет традициями раннего Возрождения и древним доколумбовым искусством, которым в юности восхищался художник. Есть в них что-то и от странного, гротескно-фантастического мира Франсуа Рабле. Можно предположить, что именно последний навеял Ботеро



мысль о возможности живописного воплощения гипертрофированных объемов и форм. Интересно, что один из главных инструментов художника — квадратная лупа без оправы. Глядя через нее на своих любимцев, Ботеро восстанавливает их истинные размеры и тем самым проверяет пропорции. Толстяки эти поражают отсутствием индивидуальности. Их лица до странного маловыразительны. Кажется, что миром правят тучнотелые Гаргантюа, воплощающие собой апофеоз безмятежности и оптимизма. Смотришь на них и думаешь: «Господи, и что мы суетимся? Ведь все так просто — живи себе и радуйся жизни!» Честное слово, смотреть картины Ботеро — одно удовольствие: в них есть ощущение ПОЛНОТЫ жизни в буквальном и переносном смыслах этого слова.

Наталья АЛЯКРИНСКАЯ

ЛУЧШЕ НИКОГДА, ЧЕМ ПОЗДНО

**«Заповедник»
Петербургский театр
В.Мальшицкого**

Прощание с театральным прошлым далеко не всегда располагает к веселому залиvistому смеху. К тому же если прошлое искренне боится признаться самому себе, что оно уже давно не настоящее. Была вот у ленинградских театралов середины семидесятых своя и милая сердцу легенда по имени «Студенческий театр

при Железнодорожном институте». И собирала она их в битком набитый маленький подвальчик на замечательный спектакль «Сто братьев Бестужевых» в режиссуре Владимира Малыщичко. Воспитанный на традициях любимовской публицистики, режиссер выстраивал пульсирующую сценическую композицию, ловко осваивая все подручное неказистое игровое пространство и растворяя актерский непрофессионализм подопечных в обаятельном студийном воздухе. О том, что в его

условно-театральной манере умелого мастеровитого конструктора до некоторой степени безразлична мера сопротивляемости различного литературного материала, — не думалось тогда, в ленинградском подвальчике, и с грустью думается сейчас, по прошествии почти двадцати лет в новом — петербургском — подвальчике Владимира Малыщичко, где он с верной своей компанией играет довлатовский «Заповедник». Менее всего хотелось бы оскорбить неловким словом истовое подвижничество. Менее всего подозреваю театр в намерении «отметиться» по поводу разрешенного к распродаже Довлатова. Однако не отменить мне и ощущения собственной неловкости от присутствия на грустном празднике прощания с театральным прошлым. От измученности этого некогда театрального авангарда с его публицистическим вызовом непонятно чему и при поддержке стихов легализованного Галича. От победительной глухоты к удивленной довлатовской грусти, нелепо персонифицированной в странном и самоубийственно необаятельном малом, облачившем себя в свитер крупной вязки и усиленно изображающем процесс сочинительства, время от времени повторяя за своими друзьями-персонажами обрывки их диалогов и реплик. Когда же он будет протягивать кому-то руку и представляться: «Довлатов» — захочется и вовсе опустить глаза от запредельной меры

предложенной мертвой условности. Равно как и при виде актрисы-официантки из пушкиногорской забегаловки, которая в ответ на просьбу о портвейне выносит в высшей степени театрально-условную пустую бутылку из-под сухого грузинского «Вазисубани». Надеюсь, что не обиделся бы никогда за такую параллель автор «Заповедника», уважавший портвейн не меньше точной детали. И неправда, что лучше поздно, чем никогда. Лучше уж совсем никогда, чем так поздно и мимо.

Дмитрий САВЕЛЬЕВ

ПЛАСТИЛИН НЕЖНЕЙ, ЧЕМ ГЛИНА

Юлия Кисина
«Полет голубки над грязью фобии»
Издательство «OBSCURI VIRI», 1993

В отличие от слов «поэт» и «художник» слово «прозаик» в русском языке не имеет женского рода. Возможно, этим и объясняется основополагающее свойство женской реалистической литературы последних десятилетий (Нарбикова, Татьяна Толстая, Людмила Стефановна Петрушевская, Виктория Токарева унд зо вайтер): тоскливость. Художница Юлия Кисина, как бы резвясь и играя, стала первой отечественной прозаиссой. Она возвращает женскую литературу к ее

главному назначению: быть украшением речи, подарочным изделием — бутоньеркой или фенечкой. Проза Кисиной капризна до жестокости и бесцельно соблазнительна. У нее нет ни задач, ни аналогов, ни источников. «...Она сильно закашлялась и схватила дуршлаг, чтобы им прикрыться, но сливки болезненной влаги дружно перешагнули через сетчатое кольцо и омрачили мне под носом» — на что это похоже? Ни на что не похоже. Из другого теста сделано — более нежного, разноцветного, хранящего форму и позволяющего юмор. Конечно, это салонная литература — с той оговоркой, что салон для нее еще не собран. Это тексты богемы, принявшей на себя полномочия и обязанности аристократии в силу эстетического вырождения последней.

Александр СОКОЛЯНСКИЙ

создают эту атмосферу «места и времени». И среди них, как квинтэссенция всего того, что в мифологизированном сознании ассоциируется с феноменом эмиграции, выделяется известная картина Коровина «Ночной Париж». Ичтересной должна показаться специалистам и просто любопытствующим



Марина Цветаева

РУССКИЙ ПАРИЖ В БОРИСОГЛЕБСКОМ

«Культура русского зарубежья»
Выставка в Доме Марины Цветаевой

Архив-библиотека Российского фонда культуры собирается с 1987 года, и сейчас в его составе 13 тысяч документов, связанных с историей «первой волны» русской эмиграции. Архив имеет богатую коллекцию эмигрантской периодики: полные комплекты журналов и альманахов «Современные записки», «Иллюстрированная Россия», «Путь», «Числа». Там же хранится литературный архив Бориса Савинкова. В экспозиции, хотя и страдающей некоторой эклектичностью и стремлением к всеохватности, есть определенное единство, создаваемое тем, что можно назвать «ностальгией по ушедшей эпохе». Представленные здесь работы Константина Коровина, Федора Малявина и Мстислава Добужинского

дилетантам карта русского Парижа, витиевато и пышно именуемая «Наглядный справочник-план Парижа с обозначением русских общественных учреждений, коммерческих предприятий, адресов врачей и т.п.», по которой можно проследить русские парижские маршруты.

Литературная эмиграция представлена именами Зинаиды Гиппиус, Дмитрия Мережковского, Ивана Бунина, Александра Куприна, Игоря Северянина, Георгия Иванова, Марины Цветаевой. Одна из наиболее ценных реликвий на выставке — неопубликованный дневник Зинаиды Гиппиус за 1939 год. Особое место в экспозиции занимает интересный и своеобразный источник по истории зарубежья — книга для автографов гостей, принадлежавшая известному коллекционеру Александру Семенчукову, в доме которого побывал «весь русский Париж». Книга, представленная на выставке в Борисоглебском, открыта на странице с записью: «30 июня 1936 года. Марина Цветаева».

Наталья ОСИПОВА

ЮЛИЯ КИСИНА

ПОЛЕТ ГОЛУБКИ НАД ГРЯЗЬЮ ФОБИИ





Александра ЯКОВЛЕВА:
«Я построю
Толмивца»»

Чем меня всегда поражала Александра Яковлева, так это полным несоответствием своих имиджей в жизни и на экране. В кино, романтическая и загадочная, правда, в критических ситуациях проявляющая недюжинную силу характера (а именно такой она была в своих бестселлерах — «Экипаже», «Чародеях», «России молодой», «Человеке с бульвара Капуцинов»), в жизни она — тайфун, цунами, смерч. Скорость, с которой ей в голову приходят самые невероятные идеи, и скорость, с которой она претворяет их в жизнь, соотносятся, примерно, как скорость света и звука: одно неизменно следует за другим. Находясь с ней рядом, сразу начинаешь чувствовать легкое головокружение. Энергия, исходящая от нее и способная разрушить средних размеров райцентр, а затем построить на его месте нечто в наших глухих краях невиданное, изумляет, пугает и восхищает одновременно. Она звонит в два часа ночи: «Я снимаю фильм! Гениальная идея! В Канне возьму первое место!» Встречаешь ее в Доме кино: «Завтра улетаю в Германию, пришла вызов. Через неделю ты там. Интервью из Гамбурга — это будет классно!» Представить ее в чопорном кабинете, подписывающей деловые бумаги просто невозможно. Тем не менее это факт: сегодня Александра Яковлева — вице-мэр по культуре своего родного города Калининграда. Под ее покровительством создана Балтийская академия киноискусств, она мечтает построить Голливуд на янтарном берегу России и организует собственный фестиваль «Янтарная пантера», который откроется летом будущего года.

— Саша, а почему именно «Янтарная пантера»?

— Так меня зовут любимый человек.

— Судя по тому, что ты вновь взяла девичью фамилию и из Аасмяэ стала Яковлевой, это не муж. Ты что, развелась?

— Да Бог с тобой! Надо же, так пугать! Просто я убедилась, что люди эту фамилию не понимают: что за Аасмяэ, почему Аасмяэ?

— Ну, прости за такое предположение, просто я знаю, что Калью живет в Германии, ты — здесь...

— Да, он сейчас живет под Штутгартом, у него там работа, которую он не может бросить.

— Вы часто видитесь?

— Раз в год.

— И как он к этому относится?

— Понимает, что у меня тяжелая работа.

— Ты только что закончила в качестве режиссера, продюсера и исполнительцы главной роли фильм «Паром «Анна Каренина», где достаточно откровенно рассказываешь о своих отношениях с мужчинами. Откуда такое желание — вынести на публику личную жизнь?

— Эта картина откровенная, скорее, по внутреннему состоянию, ощущениям, но ни одного эпизода из моей жизни в ней нет.

— Да, но один главный герой, как и Калью, — мастер спорта по прыжкам с парашютом, второй — известный питерский тележурналист, жесткий, циничный, способный на любой неблагородный поступок для достижения собственной цели. Персонажи вполне «прочитываются».

— Да ничего не прочитывается! Калью с парашютом прыгал? Ну и что? Никогда он чемпионом не был, и во французский легион никогда не записывался. Да и невзоровского ни одного жеста, ни одного поступка здесь нет.

— Зрители все равно будут олицетворять этих героев с твоими мужчинами.

— Так это же специально для рекламы! Чтобы картину продать! Рудинштейн уже сказал: «Прокат будет полный!»

— А ты не боишься, что Невзоров увидит себя на экране и станет тебе мстить? Ведь его «герой» совершает просто подсудные действия.

— Я с ним разговаривала во время съемок: «Сашка, снимаю художественный фильм». — «Про меня?» — «Нет, не про тебя». — «А почему главный герой — журналист?» — «Ну, журналист».

Так что он все знает, говорит: «Умница, что ты это завертела, а то все

думают, что это про наш с тобой роман, а это не так».

— Логично было бы предположить, что для такой картины ты сама напишешь сценарий, но в титрах стоит совсем неизвестное имя.

— Честно говоря, сценарий вообще не был написан. Второго августа запуск картины — а сценария нет. Рассказывают, что у Михалкова так было с «Ургой». Он позвонил Гостюхину: «Поедем снимать фильм о любви». — «Сценарий пришли». — «Там вместе и напишем». То же самое! Каждое утро ассистент стучалась ко мне в номер: «Надо сказать оператору, что снимать». Писали по сценам: сцену напишем — снимем. Я только говорила: «Хочу то-то и то-то».

— Как получилось, что ты стала вице-мэром Калининграда?

— Я же родилась здесь. Родителей не было, меня бабушка воспитывала. Потом она растила моих детей, а я моталась сюда из Питера. В прошлом году бабушка умерла, я примчалась в шоке: что делать, как хоронить — кладбище, где у нас все похоронены, закрыто. А в это время съемки картины идут. Атас. Мне посоветовали пойти к Виталию Шипову, мэру города. Пришла: «Вот у меня горе такое, помогите». Он помог. Потом я уехала, дети остались одни — в Питер не хотят ни в какую! Он им звонил, помогал. Теперь говорит: «Я им как бабушка». Через какое-то время предложил мне поработать у него в администрации сначала советником, а потом вице-мэром. В феврале будет год этой моей службы.

— Кроме фестиваля, который только должен состояться, и создания Балтийской академии киноискусств, что ты еще сделала для города?

— Здесь тьма работы! Скоро устраиваем Первый международный конкурс имени Шостаковича — в моем подчинении куча музыкальных школ, здесь замечательные дети. Да у меня сын «великий музыкант». Ты не знала? Ну как же, он говорит: «Отстаньте от меня с вашей алгеброй, у меня Бетховен!»

— Так вот почему конкурс имени Шостаковича!

— Ну, если серьезно, я действительно пытаюсь как-то вытаскивать местные бриллианты. Потом начали зоопарк в порядок приводить. Выменяли слоненка на кабана. Львенка немцы подарили. Надо новый львятник финансировать.

— А пантера есть?

— Представляешь, нет! Зато есть леопард, это почти одно и то же.

— А тебе не жалко актерской профессии?

— Да здесь так приходится играть,

что только с вгиковским образованием и работать. В прошлом году я снялась в трех фильмах — где они? Я сама их не видела. Зачем мне эти фальшивки ваши? Вот роль: если мне эту бумажку не подпишут, то все, конец. И я уже думаю, как войти, какие у меня глаза, какой голос. Политика — самое крутое искусство.

— После Москвы и Петербурга ты не чувствуешь себя здесь...

— Ой, не чувствую!

— Ты же не знаешь, о чем я хочу спросить!

— Знаю, знаю — не чувствую ли я себя в провинции, да? Да здесь такие люди! Ну когда на «Ленфильме» и «Мосфильме», где квасят в жутком прокуренном буфете и снимают плохие фильмы, я могла видеть таких людей? У нас шикарная команда, замечательный шеф — в нем столько мягкости, юмора.

— Неужели у тебя совсем нет недоброжелателей?

— Конечно, есть. Недавно была история с нашей местной газетой «Янтарный край», которая опубликовала обо мне несколько статей, где была масса вранья. В частности, что я езжу за казенный счет за границу. Я действительно часто бываю за границей, но ни разу ни копейки не взяла, даже когда ездила в командировку. Я подала в суд на 10 миллионов, и вот теперь главный редактор присылает мне своего адвоката с предложением пойти на мировую и обещанием написать опровержение во всех местных газетах.

— Судя по тому, что ты собираешься послать свою картину в Канн, свой будущий фестиваль тоже называешь вторым Канном и второй Венецией, а в спонсоры берешь такие фирмы, как «Монтана» и «Люфтганза», ты тяготеешь к «крупным формам». Твоя новая идея построить под Калининградом наш «Голливуд», это что — безумная мечта?

— Почему мечта? Вот Спилберг снимает сейчас в Польше. А почему бы ему у нас не снимать? И когда здесь будет студия, он уже не в Голливуд поедет проявлять пленку и тиражировать фильм за бешеные деньги, а сюда.

— Значит, для бедных москвичей и ленинградцев это будет недопустимо?

— Для бедных москвичей-ленинградцев здесь все будет настолько дешево! Ведь для того, чтобы поехать на море в экспедицию, надо безумные деньги потратить. Я полжизни провела в Ялте. Но тогда были дешевые билеты, была Ялтинская студия. Сейчас у нас есть Ялтинская студия? Развалилась. Море снимать надо? Надо. Здесь же все есть. Вот 20



гектаров земли между Светлогорском и Отрадным, где мы будем строиться. Вот Нида рядом, вот Польша. Погрузил группу в «Икарус» — через два часа ты уже на съемочной площадке. Надо снять Берлин — пять часов по автобану, и ты там. Природные условия, близость Европы, незадействованная рабочая сила — ты представляешь, как выгодно здесь студию иметь!

— А квалификация этой рабочей силы? Сервис?

— Мы же создали Балтийскую академию киноискусств, которая будет заниматься не только проведением «Янтарной пантеры», учреждением газет и журналов, посреднической деятельностью, производством фильмов, но и обучением. Что-то вроде нового ВГИКа: студенты учатся здесь и здесь же работают. А что касается

сервиса... Тут действительно ничего нет, даже трехзвездочного отеля. Придется все строить, от тротуаров до полей для гольфа и бассейнов. Но в том-то и суть бизнеса — чтобы не ты платил, а тебе заплатили и построили.

— Но даже с такими спонсорами сколько лет пройдет, прежде чем появится твой «Голливуд».

— Лет двадцать.

— И ты готова ждать?

— Конечно! Я, может быть, впадаю в патетику, но на это стоит положить жизнь.

Ольга ШУМЯЦКАЯ

Фото И.Гневашева

Русским, судя по всему, не везло в игре. Для наших литературных и оперных героев посещение игорного дома не проходило даром, и кончалась эта затея, как правило, нехорошо — они проигрывались дотла, вследствие чего сходили с ума или стрелялись (а чаще и то и другое), пропев предварительно: «Что наша жизнь? Игра!». Сказать, что они были азартны, значит ничего не сказать. Они были фаталистами и норовили поставить на карту все: состояние, счастье, жизнь. Ну кто так играет!

В результате соотечественник стал бояться играть, считая это чем-то безумно опасным и в то же время постыдным. И когда он слышит об открытии нового российского казино, то ухмыляется саркастически и думает: «Фиг вам, не получите моих денежек!» Как будто в казино его прикуют цепями к столу и заставят играть до посинения. Ничего подобного: не хочешь — не играй. Можешь просто смотреть... Обидно, что человек теряет при этом возможность узнать, насколько замечательно можно отдохнуть ночью...

В конце июня на Новом Арбате в здании давно закрытого кафе «Метелица» (в народе — «Метла») открылся новый одноименный комплекс. Самое интересное, что воючее, утлое, грязное кафе с кафельными стенами было переоборудовано в роскошный комплекс всего за семь месяцев!

В комплекс входит Черри-казино, ночной клуб и банкетный зал.

Интерьер казино проектировал его директор англичанин Джим Ретман, который открывал Черри-казино во многих странах мира. Г-н Ретман любит оперу и вообще приверженец классического стиля, в котором и выдержано Черри-казино. Знайки утверждают, что интерьеры Черри-казино напоминают лучшие казино Лас-Вегаса. Шикарная мебель, мягкий свет, зеркальный потолок и колонны. Во время игры можно пропустить стаканчик-другой. Бар — гордость сотрудников казино: здесь собрана всевозможная выпивка. И если вам не смогут сделать коктейль по вкусу или налить любимый напиток, значит, у вас ну очень экзотический вкус, потому что в баре есть все.

В зале стоят многочисленные игральные автоматы, десять столиков для игры в блэк-джек и шесть столов с американской рулеткой. Игру контролируют видеокамеры. В зале же за игрой следит пит-босс. Пит-босс поощряет активных игроков. Вознаграждения для них могут быть в виде бесплатного завтрака, ужина, выпивки или посещения комплекса. В «Метелицу» бесплатно, но так называемым «черным карточкам», проходит уже несколько десятков человек. Это самые азартные игроки.

Отдельно расположен единственный в Москве стол для игры в крэпс. Крэпс — чрезвычайно сложная разновидность игры в кости, которую очень любят североамериканцы. Впрочем, если некоторое время понаблюдать за игрой, то вполне мож-

ЖИЗНЬ ПРОДОЛЖАЕТСЯ. ДАЖЕ НОЧЬЮ

но разобраться в правилах. А стол стоит отдельно, чтобы не шокировать всех прочих посетителей казино. Потому что крэпс — игра на редкость шумная, суматошная, но веселая. Играя в нее, принято кричать, материться и вообще энергично выражать радость победы или горечь поражения. Крупье тоже не составляет исключения и своими криками и возгласами подзадоривает игроков.

Над казино находится ночной клуб. И если казино начинает работать с часу дня, то ночной клуб, как это можно понять из названия, функционирует только ночью — с 9 вечера до 5 утра. В клубе установлена прекрасная световая и музыкальная аппаратура канадской фирмы «Димэкс», с помощью которой можно устраивать всевозможные эффекты — например, пару напустить в зал и красиво его подсветить.

В час ночи начинается концертная программа. В «Метелице» выступали Лайма Вайкуле, Лариса Долина, Сергей Пенкин, Дима Маликов, кабаре-дуэт «Академия» и другие. А Ирина Понаровская вместе с трио «Экспрессия» даже придумала специальное шоу для «Метелицы» и выступала с ним два раза в неделю. После концерта начинается дискотека. В пятницу и субботу, когда в клубе посетителей больше обычного и многие из них отмечают какие-то личные события, программа обходится без выступления певцов. Впрочем, и в эти дни в «Метле», видимо, будут устраивать какие-то шоу. Дискотеку ведут ребята из «Европы плюс» или весьма примечательная личность — «черный диджей» Стенли, всеобщий любимчик. Раньше он был диск-жокеем в нью-йоркском ночном клубе «Тату». Стенли привез в Москву 20 килограммов компакт-дисков, причем на этих дисках отнюдь не только горячо любимый ди-джем рэп: Стенли понимает, что находится в Европе, где нельзя крутить исключительно американскую музыку, и редактирует свои программы.

Напротив ночного клуба расположен вход в банкетный зал, куда могут пройти те, кому не нравится дискотечный грохот.

Здесь те же услуги — бар, светомузыка, только, так сказать, в более спокойном варианте. В ближайшее время в банкетном зале планируются выступления джазового оркестра, может быть, вечера классической музыки. Здесь можно в уюте и покое посидеть с собеседником. Кстати, банкетный зал можно снять и устроить там вечер с шампанским. Да и помещение ночного клуба можно «зафрахтовать» для проведения пресс-конференций или каких-то торжеств — днем или вечером. В «Метелице» — российские повара. Их обучал Дэйв Сейер, человек, который 30 лет работал в ночных клубах. Сейчас он — директор ночного клуба в «Метелице». Блюда в банкетном зале подаются достаточно непривычные для российского желудка: канапе, коктейли из креветок. Фирменного блюда нет, и над этим в «Метелице» не работают, поскольку основное внимание уделяется напиткам.

Я задала несколько вопросов менеджеру по маркетингу «Метелицы», обаятельной Кассандре Бегос (все менеджеры комплекса — иностранцы, что свидетельствует о высоком уровне обслуживания), переводила нашу беседу ассистентка отдела маркетинга Любовь Козлова.

— Несколько лет назад «Метелица» была этаким богемным уголком, сюда приходила творческая интеллигенция, выступала группа «Машина времени». Придерживается ли новая «Метелица» старых традиций?

— Придерживается, но мы делаем это, так сказать, на более высоком уровне. Мы хотим сделать здесь своеобразный культурный центр, устраивать благотворительные вечера... А «Машина времени», кстати, уже выступала у нас в ночном клубе.

— Обычно люди опасаются ходить в ночные заведения: вдруг какие-нибудь мафиози захотят выяснить отношения. Не секрет, что у многих сейчас есть оружие...

— У нас профессиональная и многочисленная охрана. И разошедшегося посетителя выведут быстро и вежливо. Правда, такое бывает крайне редко. Мы гарантируем нашим гостям полную безопасность: у входа в комплекс стоит детектор, реагирующий на металлические предметы, как в аэропорту, через него проходят все посетители. Поэтому никто не сможет пройти сюда с оружием.

— В рекламе новой «Метелицы» есть слова: «Мы уверены, такого еще не было в вашей жизни». Почему?

— А потому что у нас — целый комплекс. Человек может прийти, поиграть в казино. Надоело — пойдет наверх потанцевать со своей девушкой. Не понравится на дискотеке — перейдет в банкетный зал...

И потом, наше заведение — очень высокого уровня.

Елена АВЕРИНА

Гельман идет на войну



Отвечая на анкету, посвященную итогам прошедшего сезона, галеристы и критики дружно назвали лучшей галереей Марата Гельмана. Эта оценка полностью совпала с рейтингом, который весной опубликовал «Коммерсантъ». Теперь «Ъ» шутит, что сочетание «галерист — Гельман» становится такой же устойчивой парой, как «поэт — Пушкин» или «фрукт — яблоко». Естественно, ни одна выставка у Гельмана не проходит незамеченной; гораздо менее естественно другое — почти каждую ругают. Идея фикс Гельмана — участие художника в общественной жизни, а этого ироничная и утонченная тусовка принять никак не может. Ну не хочет Гельман, чтобы искусство существовало ради искусства, любит поговорить о миссии художника в мире. И миру это нравится — рецензии в «Art magazine», «Art news», «Guardian», «Vogue» не за красивые глаза даются.

Впрочем, дело и в глазах. У Марата та-а-ак горят глаза, когда он в чем-то убеждает собеседника! Конечно, не всех удается купить искренностью («новой искренностью», которую он пророчит как путь для искусства), но волей-неволей думаешь: черт побери, наверное, есть в этом что-то.

В общем, в прошлом сезоне Марат убедил деся-

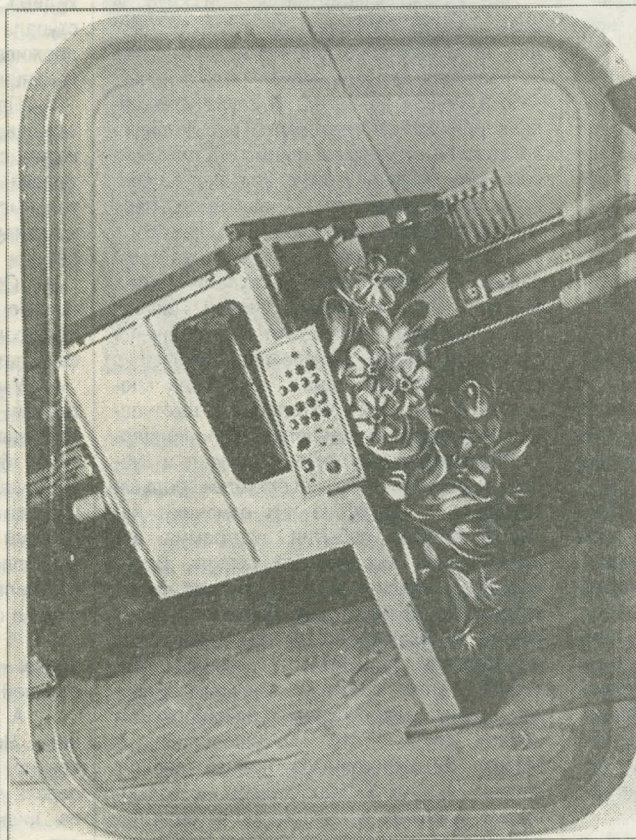
ток художников поучаствовать в арт-митинге против съезда нардепов. Потом, устроив выставку Комара с Меламидом, попытался убедить московское правительство переделать оставшиеся в живых жалкие памятники тоталитаризма в монументы анти-тоталитарные. А нынешний сезон начал с совсем уж немислимой «задумки» —

написал письмо в Российский комитет по оборонным отраслям промышленности, где массой умных и заумных слов призвал оборонку к сотрудничеству над проектом «Конверсия».

Больше всего в конверсии Гельмана привлекла «маргинальность»: ведь проблема эта далеко не главная, а так — маячит где-то на периферии об-

щественного сознания. Парадоксальность мышления творцов, по мнению Марата, может придать конверсии дополнительную актуальность. А художественные аспекты ее многообразны и таковы: конверсия — новая «великая утопия», которую можно вполне безболезненно использовать, употребив примерно так же, как западная цивилизация употребила восточные религии для хорошего функционирования желудка. Кроме того, военный стиль и дизайн красивы сами по себе и художников давно привлекают. Можно перенести и понятие конверсии на само искусство, имея в виду использование бывшего идеологического оружия в мирных целях. Будто бы оборонка и искусство похожи: в них сильна постсоветская составляющая, и они занимают важное место в пространстве русской духовности.

Заканчивается послание трогательным признанием: «...не владея материалом, мне было крайне сложно конкретизировать прагматическую выгоду нашего сотрудничества для Вашего ведомства. Очевидно одно — оборонная промышленность, будучи до сих пор закрытой, секретной суперфирмой и стремясь наладить коммуникационные каналы с обществом, не имеет для этого ни достаточного опыта (а точнее, имеет прямо противопо-



Александр Савко
«Поднос»

ложный опыт...), ни кадров. Привлечение интеллектуальных ресурсов современного искусства к подобной работе приведет к уменьшению транзакционных издержек (тут идет сноска. — М.К.), которые в нестабильном обществе есть величина более чем ощутимая».

Как ни странно, ведомство откликнулось. Прониклись ли военные забавностью идеи или на них подействовала сила убеждения, но факт остается фактом: в одном из оборонных НИИ Марату открыли «тему», выделили деньги, он пишет отчеты и в качестве тех самых издержек познает неведомые ранее бюрократические уловки.

Теперь в ЦДХ открылась

выставка «Конверсия». Гельман покажет ее в конце октября на АРТ МИФе, а в декабре — на ярмарке в Гамбурге. Художники конверсируют все что могут и как могут, иногда используя дармовые военные материалы. АЕС (Арзамасова, Евзович, Святский) показывают инсталляцию из осколков, покрытых «человеческой кожей», — голое тело, абсолютная безоружность. Дима Гуттов снова натягивает невидимые лески, чтобы развесить на них гильзы, составляющие бетховенскую партитуру. Комар с Меламидом опять беспокоят прах дедушки Ленина. Савадов и Сенченко используют военные тенты, на которые наложены изящнейшие металлические медальоны с чер-

нением («Лебединое озеро»). Врубель потрясает убедительными и страшнейшими картинками боснийской войны. (Это отдельный сюжет. Его работы должны стать иллюстрациями к новому изданию Библии, которое собирается предпринять Гельман.) Богдан Мамонов демонстрирует «Железный занавес», превращенный в элегантные жалюзи. А Владимир Ситриков повторяет одно из полотен Кандинского в цветах военного камуфляжа, чтобы уберечь любимого художника от разрушения кичем. Словом, каждый изощрается как может. При этом тон задает Гия Ригава (дружно признанный открытием предыдущего сезона), который произносит с экрана монито-

ра: «Ты можешь на меня положить». Такая вот выставка.

Оценки возможны самые полярные — от восторга до полного неприятия. Первые рекламации поступили еще до начала экспозиции: искусствоведу Алексею Тарханову хватило идеи и самого письма Марата — и я его в общем-то понимаю. Тем более, что его прогноз как всегда необычайно элегантен. Хотя мне, например, без проектов Гельмана было бы в московской художественной жизни гораздо скучнее.

Марина КАМИНАРСКАЯ

Сонне-версия московского искусства



Отличный текст, написанный Маратом Гельманом для художников, решивших принять участие в его новом проекте «Конверсия», мог бы стать единственным произведением этой выставки, другого и не надо. Хотя интересно взглянуть, сумеют ли вообще оплодотворить эту концепцию, насытить ее своими индивидуальными фантомами, украсить собственными, а не заемными комплексами все те же приглашенные московские artists. Но это уже чисто прикладной, эгоистический интерес.

Участь галериста, к сожа-

лению, такова, что, придумав все заранее, он вынужден затем довериться алчным, безумным и ненадежным клиентам — художникам и критикам. Они доведут его замысел до логического и технологического конца, чтобы подвергнуть затем насмешкам и упрекам посторонних наблюдателей.

Еще на прошлой тематической выставке, названной не без вызова «VII съезду народных депутатов посвящается», Марат попытался, как в старые добрые времена, заставить художников «занять ак-

тивную гражданскую позицию». Он ждал от них (или делал вид, что ждет) определенной эстетического самопожертвования и решения «проклятых вопросов». Вдохновлялся он при этом не столько забытой русской, сколько актуальной западной традицией.

На Западе артисту не дадут замкнуться в собственной работе. Художник там, имея досуг, может отдаваться сомнительной пользе разных благородных предприятий. Он может защищать китов в Гренландии или бороться с уг-

розой AIDS или с загрязнением среды.

Позиция по-своему привлекательна. Я сам предпочел бы этой статье защиту гренландских китов или предохранение от СПИДа. Но в отечестве эта глубоко гражданская позиция еще далеко не так популярна. Потому я был потрясен той настойчивостью и даже, простите, искренностью, с которой Марат Гельман наставлял художников так подумать о России.

В этот раз его можно поблагодарить за то, что хотя бы на этапе заявки он



Дмитрий Врубель
«Библейский сюжет Боснийской войны»

убавил серьезности и заговорил прежде всего о маргинальности конверсии.

Чтобы защищать китов, надо хотя бы подозревать об их существовании. Для «Конверсии» это, видимо, необязательно. Если в мастерских художников при мне иной раз, я припомню, и заговаривали о Китах, то разговоров о конверсии слышать не приходилось. Следовательно, это чистое изобретение Марата.

Изобретение — хорошо разработано и запатентовано — почти что с участием Военно-промышленного комплекса и его НИИ, готовящихся отчитаться перед налогоплательщиками выставкой у Гельмана.

Марат совершенно прав в

том, что и художники, и военные, и промышленники по бессмысленности своих занятий друг друга стоят. Но никто еще не сказал о том, насколько полезны или вредны для психологического здоровья нации идеология тайного, дорогого и бесцельного дела.

Человеку отрадно было сознавать, что в бункерах какого-нибудь Арзамаса—12, или Мурманска—15, или Москвы—113 происходят великие дела, куются прекрасные железные монстры — и никто-никто ничего-ничего и нигде-нигде о них не знает. Что есть у нас военная тайна и глубокие тайные ходы.

Так до сих пор полагали

иногда, что в недрах наших мастерских из плесени зарождается великое искусство.

Конверсия — это вдвойне бессмысленное дело. От людей, напряженно производящих ненужные вещи, требуют производить вещи нужные и полезные. Даже бессмысленное искусство, бродившее с расслабленной идиотской улыбкой по московским залам, теперь должно послужить общему делу. То, что не довершили когда-то участковый и начальник жэка, взялся сделать владделец частной галереи.

Конверсия — очередная попытка заставить всех заниматься не своим делом. «Конверсия» — то же

самое. Вот это была бы настоящая, истинная конверсия, если бы на смену испуганной нелюбви к армии пришли бы нежность и понимание. Если бы Лейдерман, и Гутов, и Врубель отравились бы в военные городки и на заставы — полковыми, ротными или батальонными художниками, Пригов учил бы словесности, Перцы занимались камуфляжем, а Сергей Мироненко продолжал оформлять гарнизонную Комнату демократии.

Никогда не подозревал, что художников интересует конверсия. Остается предположить, что их заинтересовало то, что она может их заинтересовать. Вероятно, в итоге следует ожидать не смысловой, а чисто лингвистической игры в *conversia*. При этом калькирование западного понятия на русский тем сложнее, что даже нигилизм DADA вырождается здесь в подобострастное утверждение.

Выставка Марата способна, как всегда, вызвать некоторое раздражение и несомненную зависть. Она слишком явно демонстрирует его желание и умение найти ходы к сердцу новой власти и одновременно к западным media — что вовсе не стыдно для галериста, честно стремящегося к успеху. После серии выставок ему гарантирован еще более прочный гражданский имидж, и все газеты напишут о его новой, хотя и несколько сонне, версии независимого московского искусства.

Алексей ТАРХАНОВ

Валерий КИЧИН

Фестиваль Фестивалей в Торонто — событие из главных в кинемире: здесь можно увидеть почти все, что прогремело за год в Канне, Берлине, Венеции, Монреале. Нет конкурса, зато аншлаги в кинозалах. В этом приветливом канадском городе, как заявила на гала-открытии президент киносмотрa Хельга Стефенсон, не только Фестиваль Фестивалей, но и Публика Публик. Зрители и впрямь редкостно любознательны, а главное, терпеливы — они выжили в марафоне из 299 фильмов, который на этот раз можно было назвать:

СЕКСУАЛЬНЫЕ ИГРЫ 1993 ГОДА

Кино не отражает жизнь — это выдумка соцреализма. Но кино несомненно выражает состояние умов. Иначе о нем не стоило бы думать и писать. Новый приступ сексуальной революции сотрясает экраны. Ее идеи причудливо смешались с идеями прав человека. Поэтому любовь и сексуальные предпочтения нестандартны — иначе за что бороться?

Двенадцатилетняя девочка обнаруживает, что ее отец — транссексуал. Ужасно. Над драмой, которая разворачивается в фильме Поля Белларжона «Пол звезд», не столько плачут, сколько потешаются зрители, пришедшие на открытие Всемирного кинофестиваля в Монреале. Через две недели на открытии Фестиваля Фестивалей в Торонто публика гадает: как можно полтора десятилетия любить

прелестную оперную диву и не подозревать, что она — мужчина. Идет фильм Дэвида Кроненберга «М.Баттерфляй».

Обе картины — канадские. Обе считаются событиями.

Новая фаза сексуальной революции подобна эпидемии. Мировое кино забыло про политику и семью — ячейку общества. Ячейка теперь — индивидуум в поисках приключений. Осторожные режиссеры формулируют это так: поиск человеческих контактов в разъединенном мире. Формулировка выходит красивой и гуманистичной. Помните, «роскошь человеческого общения»? Правда, Сент-Экзюпери, кажется, не имел в виду оральный секс.

В принципе, терпимость и сочувствие к малым сим мне нравятся. Более того, я думаю, что без нее, терпимости, пропадем. Будь в роли «малого сего» вздорный спикер одного из парламентов или банальная приверженница лесбийского способа любить, вся вина которой только в том, что ей неприятны мужчины. Западное общество и здесь подает благой пример. Там неприлично интересоваться возрастом, доходом, национальностью и спорить о политических пристрастиях. Тема позорной гомофобии (ненависти к однополый любви) тоже чрезвычайно в ходу, она приравнена к борьбе американских индейцев за свои права.

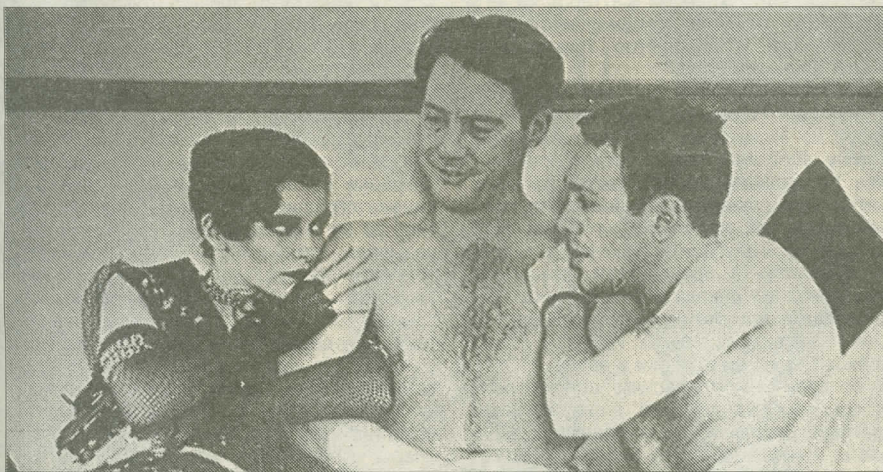
То, что мы в России постоянно за что-то боремся, привычно и потому почти понятно. Чего не хватает западному миру с его уровнем жизни, понять труднее. Но он тоже борется. И чем дальше, тем больше. Канадский Квебек борется за право говорить по-французски, и чтоб никаких английских вывесок, вплоть до государственного отделения. Провинция Онтарио добралась до того, что к власти пришли социалисты, и результаты уже налицо: появилось много безработных и видны все признаки нарастающего кризиса.

Вот и разнообразные сексуальные меньшинства сражаются за право любить, как хотят, и у них уже есть свой кинематограф. И в этом кинематографе свои шумные лидеры. Среди них Джон Грейсон.

Танцующие вирусы

Молодой канадец известен фильмом «Urinal» (не более чем «Писсуар») — исследованием технического устройства и быта торонтских общественных туалетов — акцией, в которую режиссер вовлек таких авторитетных персонажей, как Лэнгстон Хьюз, Дориан Грей и Сергей Эйзенштейн в обидно топорном изображении самодеятельных актеров. Авторитеты глубокомысленно рассуждали о неповторимых особенностях туалетного секса; считалось, что фильм остроумен, что это модный постмодерн — т.е. оmlет-болтушка из всего, что попало под руку.

В новой картине «Нулевое спокойствие» дамы весьма омерзительного вида пританцовывают, изображая вирусы СПИДа в крови невинной жертвы. Перед нами уже мюзикл. Здесь поют, синхронно плавают, танцуют под душем, и воскресший из праха сексолог XIX века с видеокamerой строит Зал Зараз — чудную коллекцию вирусов и инфекций в фантастическом Музее Естественной Истории. Все это



«Париж, Франция» (Канада)

призвано защитить от нападков доброе имя Пациента №0 — первого, кто, согласно легенде, занес инфекцию СПИДа на североамериканский континент. Тоже — постмодерн. Местная пресса писала, что, взявшись за мюзикл, режиссеру недурно было бы поискать композитора подарочной и заодно поучиться снимать танец — музыка монотонна, а танец, как в старой телепередаче, с одной точки. Зато с гуманизмом все в порядке — поэт хочет призвать милость к павшим. И получает приз за новаторский подход и провокационную идею.

Уровень таланта, слава Богу, не имелся в виду.

Вообще, особая эстетика «голубого» искусства явно выделяет его в некую резервацию. Как в театре «Ромэн» — там весь мир населен одними цыганами. Здесь у всех летящая походка и суровая мужская дружба. Сначала экзотично, потом утомительно. Фестивальные дамы бывали разъярены после просмотра — то ли тем, что их так решительно отставили, то ли тем, что кино действительно скверное.

Тем не менее шли на новую картину Гаса Ван Санта, талантливого американского режиссера, в прошлом году поразившего и Венецию, и Торонто фильмом «Мой личный штат Айдахо». Да-да, о суровой мужской дружбе. Но это был хороший фильм, потому что творился по законам общечеловеческого искусства. На сей раз певец мужского одиночества создал песню о суровой женской общности — снял фильм феминистский, где героиня спит с героиней, а мужской мир представлен великим актером Джоном Хэртом в роли старого трансвестита, специалиста по гигиеническому тампонам. Название этой совершенно шекспировской, как видите, картины — «Even Cowgirls Get the Blues» — по-возможности перевести как «И ковбойки чувствовать умеют». Героиня в числе прочих достоинств имеет необыкновенно длинный, зовущий куда-то вдаль большой палец, она природный хичхайкер и проехала всю Америку с этим пальцем на попутных. Пока не приехала к некоему ранчо, обители неистребимых феминисток, где и нашла свое счастье. Обычно феминистки иссохшие и озлобленные, эти — веселье и в соку. Очень лихо скачут на лошадях в своих кожаных штанах с бахромой, бодро флиртуют друг с другом, и никто им не нужен.

В отличие от дам в зале, которые категорически отказывались любить друг друга и опять-таки были разъярены. Дамам, как известно, угодить нелегко.

Вавилон

И снова о картине Кроненберга. Автор жутковатой и невыразимо противной «Мухи», он прошел через слегка провинциальную кафкиаду непереводаемого и тоже достаточно незстетичного «Naked Lunch» к изощренному эстетству скандального сюжета «М.Баттерфляй». Бродвейский шлягер, поставленный у нас Романом Виктюком, на канадском экране появился в обрамлении изысканно красивых титров, которые и составили шедевр этого фильма. Французского дипломата, влюбившегося в исполнительницу партии Чю-Чю-сан в спектакле Пекинской оперы, иг-



Джон Лоун в роли Баттерфляй («М.Баттерфляй», Канада)

рает знаменитый Джереми Айронс, а его любовницу/любовника — Джон Лоун, известный по фильму Бертолуччи «Последний император». История странная, необъяснимая, хотя, утверждают, и имевшая место в жизни. Чю-Чю-сан поет чудным сопрано, говорит глуховатым волнующим контральтто, она держится с достоинством, и в ней есть загадка, которая, видимо, и волнует бедолагу-дипломата. Роман Виктюк, ставя эту вещь в Москве, остраивает сюжет, фабула для него лишь повод, он строит свой театральный декаданс. Зато его канадский коллега-соперник делает фильм чуть ли не бытовым, исторический, перед нами не оперный, из Луччини, а реальный Китай — это и возбуждает в публике те коварные вопросы, от которых свободен спектакль Виктюка, ибо выше их. Финал картины, когда поплатившийся за невольный шпионаж дипломат, лишь на суде узнав, что жил с мужчиной, сам трансформируется в хрупкую Баттерфляй, его трагический монолог и самоубийство — лучший, хотя и абсолютно театральный момент фильма.

Дени Аркан, обладатель многих призов за «Упадок американской империи» и «Иисус из Монреаля», поставил занятную картину «Любовь и человеческие останки», тоже по нашумевшей театральной пьесе, с отличными, азартными, увлеченно импровизирующими молодыми актерами. Нет, это уже не «голубое» искусство, это просто искусство, а пресловутая «тема» тут лишь средство показать современный Вавилон, где люди уже не только говорят, но и живут на разных языках. Их миры не пересекаются, и они одиноки в вечерней толпе, со своими комплексами, непонятными им самим вожделениями и неутоленной страстью. Любовные пары меняются партнерами и местами, в игру вступают все новые персонажи, комическое обрывается в трагедию, и все гораздо серьезнее, чем

выглядит. Хотя для самого Аркана фильм все-таки знаменует некую сдачу художественных высот — как утверждали те же дамы, в угоду коммерческим интересам.

Очевидно, здесь уже считают, что без «этакого» публика просто не придет в кинозал.

— Ну, наконец переведем дух, — сказал коллега с Российского ТВ по пути на наш отечественный фильм «Жизнь с идиотом» Александра Рогожкина. Черта с два. Рогожкин еще в «Чекисте» потчевал зрителей густым и довольно гнусным садомазохизмом, теперь же на экране пыхтит и стонет от вожделения слюнявый идиот, соблазняя попеременно жену и ее любящего мужа. История, разумеется, аллегорична, фарсова — не случайно на сюжет Виктора Ерофеева написал оперу сам Шнитке. Рогожкин быть аллегоричным не умеет, и потому сделал один из самых тошнотворных фильмов в нашем кино. Провал был оглушительным — вежливая канадская публика кричала, шикала и тактично интересовалась: неужели русским такое нравится?

Но здесь мы снова выскочили на тропу не-искусства...

Очевидно, отчасти понимая это обстоятельство, продюсеры фильма Жерара Чиккоритти «Париж, Франция» упаковали в пригласительный билет на премьеру презерватив. Он не понадобился: перебор соли всегда ведет к атрофии вкусовых ощущений, и фильм, несмотря на изобилие разнообразнейших актов, оказался пресным. Как, впрочем, и изысканное эстетство Дерекка Джармена — еще одного лидера «гей-кино», автора прекрасных лент «Сад» и «Эдуард II» — в его новой картине, герой которой носит имя австрийского философа Людвиг Витгенштейна. Джармена в жизни знаменитого создателя языковых теорий, естественно, заинтересовал лишь специфический аспект его отношений с друзьями и коллегами мужского пола, отчего и этот фильм тоже стал напоминать наглухо запаянную реторту, где вывариваются гомункулусы, нежизнеспособные жертвы одной, но планетарной страсти.

Симфоническое кино

Зато из Китая пришел очень мощный фильм одного из самых знаменитых представителей «пятого поколения» китайского кино, ныне живущего в США Чен Кайге, — «Прощай, моя наложница». Действие вновь происходит в Пекинской опере, и потому фильм было особенно любопытно посмотреть после «М.Баттерфляй», уже без поправки на европейский музыкальный и кинематографический язык. В прессе картину за ее эпичность и исторический фон называли китайским «Доктором Живаго» — герои проходят через полвека драматических событий, от гоминдановских времен до культурной революции. Они пытаются, однако, быть вне исторической шелухи, ибо носят в себе нечто более вечное — культурную традицию великого китайского музыкального театра. Они — исполнители традиционной старинной оперы «Прощай, моя наложница», где все партии поют только мужчины.

Закулисье китайской оперы в этом

фильме — для европейца потрясение. До-селе непостижимое, почти ритуальное искусство открывается как некий воплощенный идеал, до которого нужно дорасти, которому нужно учиться всю жизнь. Что и делают герои с мальчижьих лет, когда их жестоко дрессируют в театральной школе, до звездной зрелости, когда они становятся народными кумирами. И уже не выглядит данью моде их неизбежное влечение друг к другу, их история любви, измены, разлуки, предательства и гибели — моральной или физической, какая разница! — в толпе улюлюкающих хунвейбинов.

Потому что в этом фильме из Китая фестиваль поставил точку на своих сексуальных игрищах—93. И вернулся к тому, чем кино занималось всегда, — к истории человека. Это был редкий, но счастливый момент — кино многослойного, многозвучного. Симфонического.

Наиболее успешные фильмы фестиваля обладали именно этим качеством. «Фортепиано» австралийского режиссера Джейн Кампион. «Мададайо» ветерана японского кино Акиры Куросавы. И особенно «Ребенок из Макона» Питера Гринуэ. Собственно, последняя картина тоже питается из фрейдистских источников, ибо предмет ее, как признается режиссер, навеян коммерческим плакатом с окровавленным невинным младенцем. Очаровательное дитя, чудесным образом родившееся в страдающем массовым бесплодием средневековом Маконе, становится предметом обожествления и вождения. Могущественная церковь предстает как вселенский театр, доводящий толпу до фанатизма. Живопись этой картины поразительна, многофигурна, ее нужно не смотреть, но рассматривать, как гигантскую фреску, плод неистовой, завораживающей, больной, безжа-



«Нулевое спокойствие» (Канада)

лостной фантазии. Эстетизация изощренной жестокости доведена до апогея, до экстаза, и это трудно поддается логическим оправданиям. Но абсолютно оправдано какими-то надземными законами большого искусства...

Кроме перечисленных фильмов, взволнованной торонтской публике был показан один из «хитов» Берлинского фестиваля «Свадебный ужин» — о крепкой любви тайваньского и бруклинского парнишек (попасть на сеанс не смог — билеты разлетелись вмиг), показана была также американская «Печаль» — о призрачном быте одной из телестудий, сотрудники которой страдают от гомофобии и СПИДа. Отодвинув на двадцать пятый план прославленного Годара, полные залы собирал его большой поклонник, юный режиссер из Лос-Анджелеса Грегг Араки,

поставивший картину, которая называлась «Totally F***ed» (в чрезвычайно смягченном переводе — «Абсолютно затраханый») и при помощи симпатичных «говорящих голов» исследовала актуальный вопрос о росте самоубийств среди молодых гомосексуалов.

Из всего увиденного неумолимо следовал вывод: сексуальная революция, о необходимости которой так долго говорили меньшевики, свершилась.

...И НЕМНОГО ПОЛИТИКИ

Если кто еще интересовался политикой, то это исключительно посланцы бывш. социноматографий. Наиболее заметно и успешно, по-моему, югослав Душан Макавеев, живущий ныне в Германии. Почти фантастический фарс «Горилла купается в полдень» рассказывает одиссею майора Советской Армии Виктора Борисовича, который не вернулся в Россию со своим полком, а сбежал и теперь ищет место под солнцем, готовый хоть в тюрьму (питание хорошее), но только не обратно на родину. Лейтмотив — гротескные кадры демонтажа циклопической фигуры Ленина в Берлине, документальные кадры, в которых действует герой игрового фильма. Впрочем, есть и другой Ленин, маленький, в облике хрупкого бесполого существа в кожаной фуражке, на котором идейно женится в своих грезах Виктор Борисович. Есть и еще два знакомых персонажа — Наташа и Алеша из киноэпопеи «Падение Берлина». Алеша штурмует рейхстаг, Сталин, подобно белому ангелу, нисходит по самолетному трапу к ликующей толпе (кто со Смоленщины, кто с Орловщины, а кто из Техасщины), Наташа благоговейно целует вождя в правое предплечье — после этого поцелуя и родился, по мысли Душана Макавеева, бедолага Виктор Борисович. Все это могло бы быть и зло и обидно, но сделано с сочувствием к исторической трагедии целых народов, фильм не зол, а горек. Он рассказывает Историю Великого Обмана. И это уже совсем не политика. Конечно, стоило приехать в Торонто, чтобы заглянуть в самого себя...

Смеясь, плача и терзая себя до крови, мы расстаемся с прошлым. Это очень больно.



«Горилла купается в полдень» (Германия)



Рубрику ведет Николай МАЛИНИН

book-paraд

Hommage à M. Gasparov

О феноменальной работоспособности Михаила Леонovichа Гаспарова известно давно и широко. Он не только крупнейший специалист по античной литературе, но и безоговорочный авторитет в области теории стиха, великолепный переводчик с разных языков (только что, кстати, в «Литературных памятниках» появился его принципиально новаторский для русской культуры перевод «Неистового Роланда» Ариосто).

А вот теперь практически одновременно на прилавки легли две книги, после которых столь же неоспоримым станет его статус знатока русского Серебряного века.

Первая из них известна узким специалистам по теории стиха и по истории русской поэзии первой четверти нашего века уже довольно давно, поскольку была издана в Таллинне в 1987 году огулшительным тиражом 299 экземпляров.

Нынешний вариант вышел под заглавием «Русские стихи 1890 — 1925 годов в комментариях» (М., «Высшая школа», 1993) уже десятилетиями тиражом, в расширенном и дополненном виде. Первоначальный замысел этой учебной книги был таков: дать студенту возможность начать изучение русского стиха не с голых схем, а с захватывающих образцов, самим своим построением провоцирующих вопрос: «Как это сделано?». Вместо традиционного пути от теории к примерам читатель двигает

ся наоборот — от примеров к теории, которая теперь ему не навязывается, а вырастает как бы сама собою из реальности стиха. При этом даже очень неплохо знающие поэзию начала века люди ловят себя на мысли, что какие-то примеры (и очень выразительные!) им совершенно незнакомы. Это и неудивительно, поскольку немалая часть их обнаружена в архивах. И завершается книга кратчайшими справками об авторах, где по-гаспаровски афористично сформулировано то представление о творчестве поэта (причем безразлично — крупного или малого), которое сегодня сложилось у читателя. Не могу отказать себе в удовольствии процитировать два фрагмента из этих микробиографий. Сергей Городецкий «умер автором агитационной лирики, оперных либретто и переводов с белорусского». А о Марии Шкапской сказано: «Одобрывшие критики называли ее стихи «женскими», суровые — «гинекологическими».

В «Русских стихах» представлено 111 поэтов. Еще больше — около ста пятидесяти — в другой антологии, долгое время валявшейся в издательстве «Наука»: «Русская поэзия Серебряного века 1890—1917». Издана она не в пример тщательно: почти восемьсот страниц (к сожалению, на очень плохой бумаге), фотографии почти половины предглавных в книге поэтов, твердый переплет, тираж 25 тысяч...

Принципы составления этой антологии (редакторы М.Л. Гаспаров и И.В. Корецкая; составляли подборки стихов и писали к ним краткие предисловия сотрудники ИМЛИ) гораздо более традиционны, чем в первой. Новаторство ее состоит прежде всего в том, что никогда прежде обыкновенный читатель не имел возможности даже представить себе, сколь богат поэтами двадцатый век и как часто даже забытые «малые поэты» обладают собственным голосом, который невозможно спутать ни с каким другим.

Конечно, как всякая антология подобного рода, и эта имеет свое слабое место: по десяти—двадцати стихотворениям, даже безупречно отобранным, практически невозможно представить себе облик Блока и Брюсова, Вл. Соловьева и Пастернака, Маяковского и Ахматовой. Почитателям этих поэтов антология не даст, наверное, ничего нового. Но зато она позволит читателям заинтересоваться поэзией Ивана Игнатьева и Муни, А.Альвинга и И.Аксенова, В.Маккавейского и К.Арсеновой (называю буквально наугад, ибо таких открытий в книге много больше). И, конечно, самый животрепещущий интерес представит для них вступительная статья Гаспарова, где на более чем ограниченном пространстве блестяще охарактеризована поэтика «Серебряного века», в ее самых принципиальных моментах. Можно только поражаться тому, как много удалось вместить автору в сорок страниц текста, сделав столь разнородный материал единым смысловым полем, говорящим всеми своими особенностями. Казалось бы, при таком общем подходе невозможно обойтись без упрощений, без стремления обойти какие-то острые углы, но в данном случае автор, соединяющий блистательную общепилологическую культуру с дотошным знанием мелких подробностей о мало кому ведомых поэтах, сумел уловить общие законы в расползающихся тенденциях.

Ненужно, его статья покажется непростой тем, кто привык к традиционной манной каше книжных предисловий, в сотый раз пересказывающих одно и то же, но для любого заинтересованно-

го в постижении реального смысла поэтики XX века она будет истинным кладом открытий.

А то, что таких открытий в истории русской литературы может быть еще сколько угодно, демонстрирует еще одна книга, выпущенная летом нынешнего года, правда, уже не в России, а в США, в замечательной серии трудов Станфордского университета. Называется она «Неизвестная книга Сергея Боброва» и издана тщанием того же М.Л. Гаспарова.

Не буду лишней раз говорить о том, что имя Сергея Павловича Боброва, хотя и не принадлежит к числу самых неизвестных в истории русской культуры, все же далеко не популярно. Но уже совсем загадочно та книга, которая ныне является в свет. Бобров не раз анонсировал ее среди изданий возглавлявшейся им «Центрифуги», и несколько раз вполне серьезные исследователи повторяли, что вот, дескать, «Центрифуга» впервые собиралась познакомить русского читателя с трудами Мартина Бубера. Увы, книга принадлежит перу К. (то есть — кота) Буберы («Был такой кот», — критически замечал сам Бобров) и называется «Критика житейской философии» — конечно, житейской философии гораздо более знаменитого кота Мурра.

«Полночная Гофманиана», о которой писала Ахматова в «Поэме без героя», основывалась не только на реальных событиях, но и на их литературном преображении, и книга Боброва, футуристически обыгрывающая гофмановские мотивы, оказывается одним из нематериальных подтекстов ахматовской загадки, которую мы до сих пор разгадываем. Литературно изощренного читателя она заставит порадоваться игре стилистических форм и литературных аллюзий, простого читателя повеселит алогизмом философствования, а воспоминания Гаспарова об удивительно долгой дружбе со стареющим и неуживчивым Бобровым лишней раз убедят в том, что далеко не все о литературе XX века мы знаем, что путь дальнейшим собирателям, исследователям, истолкователям — открыт.

Николай БОГОМОЛОВ

*Старый book лучше новых двух***Ну, писал там какой-то Гуссерль...**

XX век «срезал» философов почище шукшинского Глеба Капустина. Упорно и злобно доказывал, что все их потуги ничто перед «Хочу» массы. Чем вдохновеннее становился полет мысли, тем яростнее обрушивалась толпа на homo cogitens. Дав миру в начале века две самые мощные философские школы, Россия и Германия погрузились в болото, а потом пошли войною друг на друга.

А все могло бы быть совсем не так... Вернуться в то напряженное мыслительное поле, обсудить пересечения, противостояния и влияния — такие задачи решает Немецкий культурный центр имени Гете совместно с

Московским философским фондом и издательством «Медиум». Выпустив альманах «Россия и Германия: опыт философского диалога» (мы уже отмечали это симпатичное издание), в конце сентября на юго-западе они устроили чтения под тем же названием. Прошли они в интимной, душевной обстановке, с душистым кофе; из докладов отметим замечательный этюд Владимира Кантора «Федор Степун и проблема артистизма в русской и немецкой культуре», прелюбопытное исследование Александра Хаардта об эстетических взглядах Гуссерля и тонкий разбор Николаем Плотниковым взаимоотношений Хайдеггера и Франка.

*the bookworm ****Миграции эмиграции**

Одновременно с ММКЯ в Москве проходило другое грандиозное и тоже международное мероприятие — конференция «Культурное наследие Российской эмиграции: 1917—1940». По сути, продолжение конгрессов соотечественников, только уже без сюсюканья, речевины и прочего пафоса; поделовому, энергично и презентабельно (иностранным участникам вручались эффектные папки с золотым тиснением, наиболее маститым отечественным — тезисы).

Философская секция на сей раз, кажется, уступала литературной; впрочем, и в последней интересные сообщения соседствовали с робкими «кандидатскими»...

Атмосфера была совершенно разной даже в соседних залах ИМЛИ. Нам же наиболее любопытной оказалась секция искусства, которая работала в Козицком переулке, а там — доклады последних, увы, Рябушинских (Александры Пакраван и Мириам Рябушинской) о своих предках-художниках...

*** Книжный червь (англ.)**

«Антресоли» поздравляют с днем рождения книжный салон «19 октября». Всего за год существования магазин Марка Фрейдкина стал бесспорно первым номером среди московских книжных. Желаем всяческого процветания и некоторого расширения площади...

*book от семи недуг***Ярмарка как ярмарка**

VIII Московская международная (аббревиатура похудела, но не посолондела: вместо ММКВЯ — ММКЯ) приобрела черты События, пожалуй, лишь после того, как пресса дала о ней самые противоречивые отзывы. Мы

не будем повторять более оперативные издания, предугадывать серьезных аналитиков тоже скучно; скажем лишь, что на рядового посетителя ярмарка производила самое благоприятное впечатление.

Во-первых, книги продавались, во-вторых, книг было много, в-третьих, среди них было много хороших. Опасения встретить вместо выставки распухший уличный лоток не оправдались; «Комсомолка» посмотрела явно куда-то не туда, заявив, что «приятных вещей на ярмарке немного», ибо «большинство наших издательств занимается перепечаткой давних шедевров Джеймса Чейза». Сей набивший оскомину праведный гнев в адрес массовой литературы элементарно неточен: «приятного» хватало — у «Науки», «Ре-

спублики», «Молодой гвардии», «Искусства», «Терры», у провинциальных университетских издательств...

Впрочем, многие солидные книгодеятели сочли выставку показухой... но какой смысл заниматься галочковитирательством сегодня, когда все решают не кадры, а деньги? Вот, например, на пресс-конференции среди солидных фирм, почтивших выставку своим участием, был назван «Костик». Очень смешно.

*book-axi***Краеведение, одним словом...**

Ох, неблагоприятная эта работа: составлять всякие словари, энциклопедии и справочники! Труд кропотливый, мелочный, нудный, а сколько помоев готов вылить на тебя каждый ученый зануда!

Вот Михаил Артамонов, подвижник и энтузиаст, проделав труднейшую работу по описанию московского некрополя, издал в одноименной серии «Московского рабочего» уже вторую книгу — «Введенские горы» (правда, кладбище более известно как «Немецкое»). И что же его ждет? Град упреков и язвительных вопрошаний. Почему, например, указано, что А.К.Метнер — брат Н.К.Метнера, но не написано, что вообще-то братьев было трое и забыт известный философ Эмилий? Почему среди характеристик Бахтина («литературовед, теоретик искусства») нет слова «философ», хотя и указано, что он — прототип Философа в «Козлиной песне» Вагинова? Почему самое знаменитое сооружение кладбища — мавзолей Эрлангер — обойдено молчанием, да еще с циничным комментарием, мол, «в этой книге мы рассказываем о людях, а не о памятниках на их могилах»? Ну а когда вы встретите имя Лефоррта под рубрикой «Они сражались за Родину», тут вы и сами поймете почему.

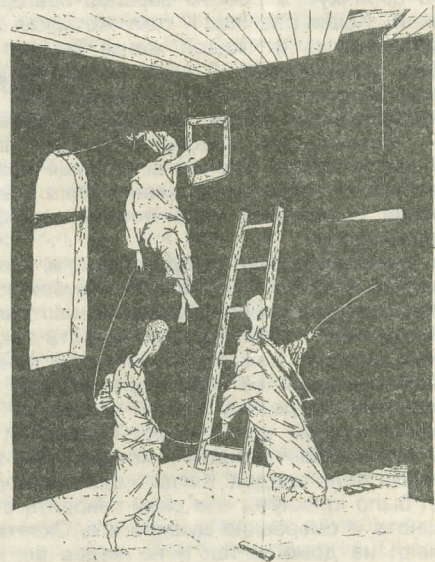


Рис. А. Червякова

Эмиль Дрейцер родился в 1937 году в Одессе. Окончив политехнический институт, работал инженером, затем выступал в печати как фельетонист и автор коротких рассказов. В 1974 г. переехал в США, где окончил аспирантуру Калифорнийского университета в Лос-Анджелесе, получив степень доктора по славянским литературам. Автор ряда научных статей о проблемах современной русской культуры, сборника анекдотов из СССР



«Недозволенный смех» (на русском и английском языках), рассказов.

С 1990 г. рассказы Эмиля Дрейцера вновь стали появляться в московской прессе — в «Литературном обозрении», «Столице», «Литературной газете», «Огоньке», «Неделе», «Русском курьере» и «Крокодиле». В 1993 г. в издательстве «Московский рабочий» вышел сборник его рассказов «Потерялся мальчик» с предисловием Л.Аннинского.

ЭМИЛЬ ДРЕЙЦЕР

Дама с собачкой: апокриф

Гуров и Анна Сергеевна в конце концов смогли устроить свою жизнь вместе. Далось это не без больших жертв и потерь. Но их любовь была столь естественна, как море, и они выносили все невзгоды стоически. Развод Гурова был тягостный — со сценами в духе Достоевского, с битием недорогой посуды и с неожиданно прорезавшимся баритоном у жены.

— Димитрий, тебе не идет это мальчишество! Какая такая любовь! Какая такая дама с собачкой! Ты просто начался дурных бульварных авторов. У тебя душевный кризис, как у многих мужчин, к которым подкатывает старость. У тебя седина в висках, а ты вешаешь себе на шею какую-то собачку... Я совсем зарпортовалась... Ну, даму с собачкой... Какая разница! К тому же какая же она дама, если уводит мужа от живой жены! Ты что же, не мог подождать, пока я умру. А ведь теперь недолго! — она поднимала на свет пузырек с валериановой настойкой и вслух отсчитывала капли, иногда захлебывая начала цифр: — Осьмнадцать, ...надцать, двадцать!.. Ну, скажи, что она такое умеет, — у жены на лице возникала подленькая улыбка с приподниманием уголка рта, — что я не в состоянии, по крайней мере, понять, осмыслить, пропустить через разум.

Гурова охватывал ужас от одной мысли, что он так долго будет мужем этой бесчувственной и грубой женщины.

От всех этих разговоров Гурова по-настоящему тошнило, и он подумал о том, что, видимо, есть какая-то психосоматическая связь между человеческой речью и физиологической реакцией на нее. Ему казалось, что если он немедленно не выйдет на свежий воздух, то захлебнется в пошлой и нудной, удивительно бездарной мелодраме, которую разыгрывает жена и в которой она всучила ему, не спросив, роль злодея. Когда жена заговорила об А.С., он хотел было крикнуть: «Не смей говорить о ней!», но не мог. Тошнота и омерзение душили его. Схватив шляпу, он выскакивал из дома и, так и не надев ее, несмотря на дождь и ветер, ходил по городу, разговаривая сам с со-

бой вслух, и прохожие принимали его либо за пьяного, либо за актера, одержимого предстоящей премьерой и теперь репетирующего монолог на улице.

Он ходил по Москве и думал, что счастье, не пришедшее вовремя, мстит тем, кто к нему липнет, как бумага к сырому мясу, купленному кухаркой на московских рынках, вся, какая только может найтись, пошлость и мелочность жизни.

Впрочем, вскоре после его ухода жена удивительно быстро оправилась от удара и вышла замуж за пышноусого владельца шорной мастерской на Неглинной Коренного, по всему видно, никогда не державшего в руках никакой книги, кроме конторской. Она сообщала общим знакомым, отлично зная, что не преминет передать Гурову, что благодарна ему за то, что он освободил ее от своего мотылькового мужского начала. С Коренным, говорила она, закатывая глаза, она впервые почувствовала себя женщиной.

Гуров по-прежнему любил Анну Сергеевну, но постепенно, сам того стыдясь, стал находить раздражающим то, что ему первоначально казалось таким щемяще-уязвимым и так привлекло к Анне Сергеевне, — ее молодость, неопытность в любви, наивность, ее некоторую инфантильность. Он понимал, что она была почти вдвое младше его, существом еще очень молодым, полным тех идеалов, которые были и у него, когда он только вступал во взрослую жизнь. Ее нежелание принимать жизнь как она есть волей-неволей заставило его про себя называть ее Дон-Кихоткой. Гурова все больше досаждали ее бесконечные жалобы на скуку жизни. «Скучно жить на этом свете, господа...» — мог сказать лишь молодой человек, познавший жизнь по ее верхнему срезу, по ее эпидермию. Жизнь не может быть сама по себе увлекательна. Предъявлять к ней такие требования просто неразумно, как ожидать, что океан сам по себе разольется фонтанчиками на манер тех, что брызжут в Версальском саду. Чтоб не быть скучной, жизнь должна быть выстроена по

законам развлекательной психологии — с интригующей завязкой, нарастанием конфликта и освобождающим очищением. (Филологическое образование в этих рассуждениях пришлось Гурову на пользу — Аристотель был бы им доволен, а университетский профессор логики Чернов — просто счастлив.) Но кто, спрашивается в задаче, будет режиссер-постановщик такой частной жизни и откуда возьмется сюжет, от которого прямо-таки нельзя оторваться, так что — вжжи-ик! — и спектакль окончен, ох, как было нескучно, но пора на выход, надев в гардеробе калоши... Правда состоит в том, что на всех оригинальных сюжетах не запасешься. Настоящая скука может быть только от беспросветного безделья да еще от рабского бессмысленного труда. Только такой труд может быть скучным, труд не ради выживания, а по принуждению. Но если ты зарабатываешь хлеб свой насущный, какая тут может быть скука! Если скучно, значит, то, что труд дает, не стоит того, что он поддерживает. Скучать, когда борешься за жизнь, нет времени. Работа в банке, которую он всегда воспринимал как неизбежное зло и не видел никакого смысла в бесконечных подсчетах и заполнении бумаг красивым почерком, в последнее время стала, к собственному удивлению Гурова, вызывать у него все больший интерес. Сквозь грядки прежде безликих цифр стало до него проникать сознание, что, в конце концов, финансы — это кровь страны и от того, насколько четко она перекачивается, зависит здоровье родины, а стало быть, он, Гуров, делает нужное и важное дело. До него стало также постепенно доходить, что его прежние мироощущение было чем-то сродни с мироощущением Анны Сергеевны. Сердиться на жизнь, на ее нелепость, отсутствие какой-либо логики и упорное нежелание укладываться в какие бы то ни было умозрительные схемы скорее всего глупо, как неумно сердиться на то, что вот только что было солнечно, и вдруг хлынул ливень или поднялся ветер. Он, Гуров, едва ли способен управлять жизнью других людей. Что он, Юпитер-Зевс, чтобы по первому желанию метать молнии и греметь громами... Жизнь есть жизнь, она ни хорошая и ни плохая. Жизнь — это ворох пестрых, чаще блеклых, порой неясных, разорванных вдоль причинно-временных связей, кое-где прихваченных на живую нитку, нескутков событий. Ей, жизни, нет решительно никакого дела ни до индивидуума, ни до каких-либо групп. Надо обладать либо беспросветной глупостью, либо безумным самоощущением, чтобы полагать, что жизнь занимается твоей персоной с исключительной задачей досадить или порадовать. И это надо принять — другого выхода все равно нет. Он подумал о том, сколько еще горя и зла принесут люди только оттого, что искренне уверены в юпитерской своей сущности... И еще он понял, что неправых нет, каждый верит в то, что жизнь должна быть такой, какой он живет. И он, Гуров, и А.С., и его бывшая жена, и Коренной, и даже тот приятель из клуба, который несколько лет назад на его попытку рассказать о его романе с А.С. ответил, что вполне согласен с ним — осетрина в клубе давеча была действительно с душком... Ни у кого нет права считать жизнь других ниже и хуже своей.

Гуров испытывал некоторую досаду оттого, что его с А.С. интимные отношения со временем стали удивительно однообразными. Он не утратил пылкости своего чувства, но Анна Сергеевна могла запоём читать стихи, часами слушать хорошую музыку, рассуждать о возвышенном — то есть признавала наслаждения духа, — но стыдилась своей страсти, той огромной радости, которую она приносила. К потребностям тела она относилась как к неизбежному злу, как к чему-то низменному, порожденному животной природой человека. Будь ее воля, она бы устроила человека по-другому: много сердца, много головы и минимум тела, необходимого для поддержания жизни в том и другом. То, что из этого мог бы получить в лучшем случае благородный монстр, ее не заботило. В конце концов, это была только мечта, а к мечте полагается относиться бережно, как к новорожденному котенку...

Тем не менее Гуров продолжал любить А.С. и жизни без нее не мыслил. Он уже видел, как год за годом будет стариться вместе с ней, и на душе у него было хоть и немного скучновато, но покойно. Он любил ее еще потому, что ее мысли и чувства были ему знакомы по годам его молодости. Он понимал, что кроме страсти к А.С. его притянула эмоциональная схожесть с ним, но не теперешним, а Гуровым того времени, когда он только-только оторвался от семьи, в которой вырос, и жил, как называется, идеалами. Он помнил, каким ударом в лицо была та жизнь, с которой он соприкоснулся. Из тепла и доброты семьи он разом попал в мир, где нормой были подозрительность, недоверие, зависть и недоброежелательство. Помнится, он порой не выдерживал, как ему казалось по молодости лет, неизбывной гнустности мира и украдкой плакал...

По воскресеньям Гуров встречался попеременно с детьми — то с сыновьями, то с дочерью. На это уходил весь день, единственный выходной. Эти встречи совершенно выматывали его. Дочь держалась холодно и только иногда спрашивала невпопад, хмурясь и злясь, когда он вернется домой. В ее детское еще сознание не помещалось то, что вот все было так, как всегда было, был папа, была мама, были утренние общие завтраки в столовой и обеды с гостями, а теперь отец живет где-то на другом краю города с чужой женщиной, чьей-то бывшей женой — хотя у него есть своя жена, а у той женщины — свой муж, а у мамы в спальне ночует какой-то огромный мужчина, и от него пахнет скипидаром и грубой кожей, из которой сделана конная упряжь. Это просто не может быть навсегда! Уже за партами, свернув кулечками пальцы, подруги нашептывали ей тайны грядущей взрослой жизни — что мужчины все вероломные, что их надо бояться, хотя только и разговоров на переменах о том, в кого из мальчиков соседней гимназии влюблены ее сверстницы. Ей тоже нравился один усатенький гимназист, живший в соседнем доме, и она даже два раза до того осмелилась, что помахала ему рукой «до свидания», но, правда, когда было безопасно, когда он шел по улице к ней спиной... Гуров видел, что от всего, что происходило в ее жизни, девочка растерялась. Она никак не могла, как ни старалась, понять, хотя слыла девочкой умной и серьезной — совсем как мама, — как еще недавно все было просто и ясно, а вот теперь что-то, видимо, случилось с ее головой и она стала плохо понимать простые вещи, отставать по математике, по которой у нее всегда были только пятерки.

Сыновья были уже почти взрослыми, вот-вот должны были окончить гимназию — Косте оставалось полгода, а младшему — Дмитрию — полтора. Как и полагается в их возрасте, уход отца из дома они восприняли болезненно. При встречах они держались с ним подчеркнуто вежливо, обращались неизменно на Вы, были даже несколько надменны, порой язвительны (скосив глаза от злости и раздувая ноздри, Костик сказал как-то: «Кстати, как поживает шпиз?»), но видно было, что они страдают. И хотя Гуров знал, что иначе он поступить не мог и что счастливый отец может дать гораздо больше душевных сил своим детям, чем несчастливый, каким он был, как он теперь понимал, всю свою сорокалетнюю жизнь, пока не встретил А.С., но осознавал, что для детей он останется навсегда тем, кто их оставил, пренебрег их жизнью. Гуров мучился от этого, понимая, что это его крест, какой нести ему до конца жизни, — чувство вины перед детьми. Дети, подумалось ему, действительно невинные жертвы разводов. Знал бы, что будет так тяжело, — не имел бы детей. Правда, его не очень-то и спрашивали. Он в первый раз подумал о том, что от него пошла новая жизнь и он за нее навсегда в ответе. Он совершил грех — пусть не по своей воле: его женили — но грех этот, грех брака с нелюбимой женщиной, видимо, так велик, что ему всю жизнь за него не расплатиться — хоть так, хоть этак.

Между тем, возвращаясь к обеду со службы, он все чаще стал заставлять Анну Сергеевну грустной. Она часто и беспричинно плакала и на вопросы Гурова отвечала, что

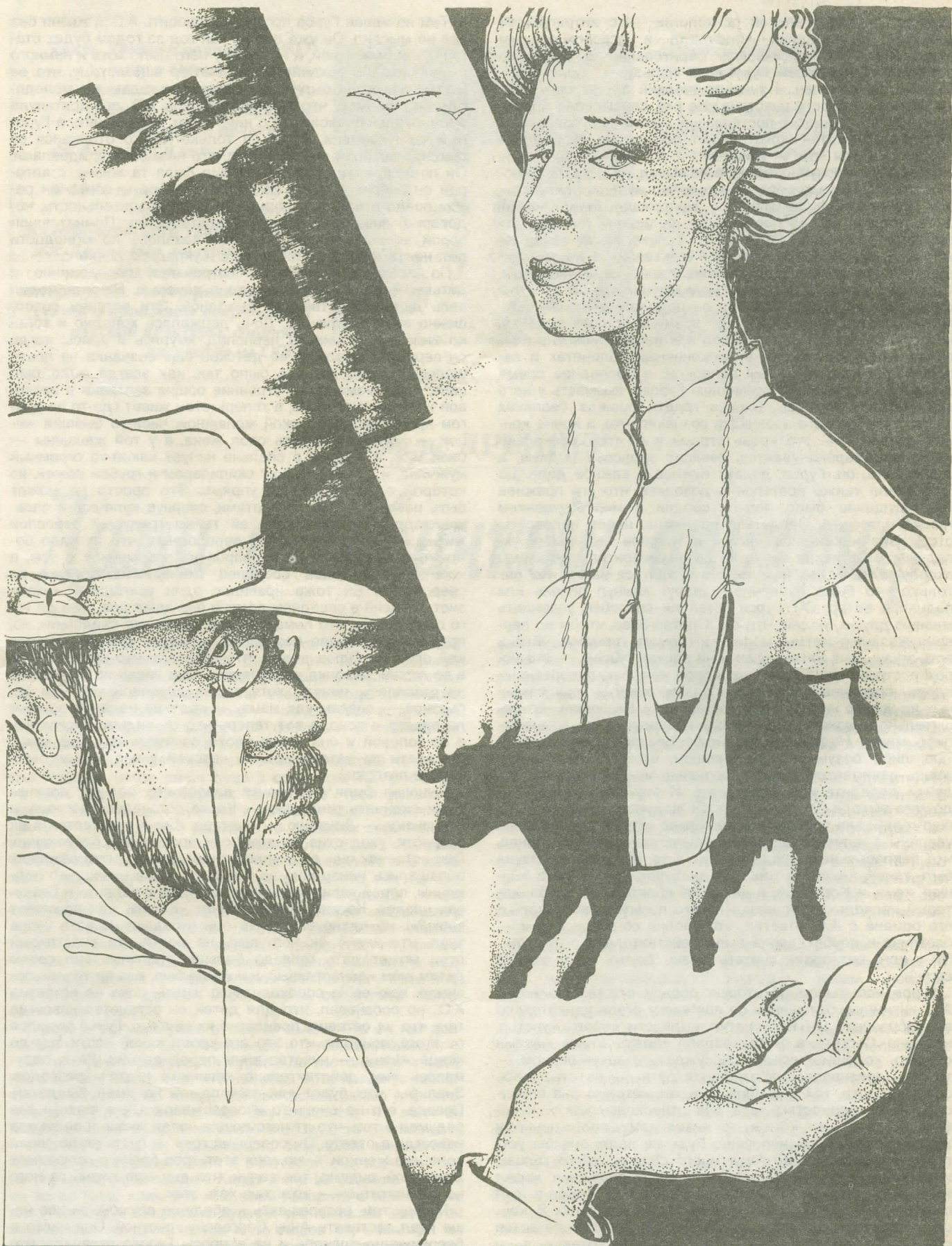


Рис. О. Разинной

сама не понимает, что с ней... Однажды она сообщила Гурову, что решила съездить в С., повидаться с единственной своей подругой, женой действительного статского советника Незванова, по которой очень соскучилась.

Анны Сергеевны не было две недели. Гуров забеспокоился и написал письмо на адрес подруги. Вскоре пришел конверт из С. Анна Сергеевна писала, что случайно, прогуливая перед домом шпица, которого взяла с собой, встретила бывшего мужа — фон Дидерица. Он сильно сдал с того времени, как она его оставила ради Гурова, и она впервые почувствовала угрызения совести оттого, что разбила жизнь этому в сущности ничем перед ней не провинившемуся человеку. В конце концов, его раболепие, так унижавшее ее, было результатом тяжелого безотцовского детства, которое он провел в сиротском доме. Все-таки надо ему отдать должное, что он не пошел по дурной дорожке, а стал видным чиновником и потому достоин если не любви, то, по крайней мере, уважения.

Увидев ее, Дидериц сначала побледнел, а потом, не стесняясь и не вытирая лица платком, заплакал, да так, что в городе С. отсырели все как одна спички и в тот вечер ни одна свеча или газовая лампа не могли быть зажжены. Так, общим затемнением, словно скорбя, город С. отметил возвращение Анны Сергеевны.

Она писала также, что вернулась к Дидерицу, сказав ему, что не может его оставить совсем одного и что, хотя она любит Гурова, не уйдет впредь от Дидерица, пока не родит ему ребенка. Тогда у него будет хоть кто-то, а то он совсем один: единственный брат служит штаб-офицером на границе с Турцией, а родители давно умерли.

Получив письмо Анны Сергеевны, Гуров немедленно выехал в С. Остановившись в той же гостинице и в том же номере, что он снимал в прошлый приезд, он обратил внимание, что, хотя чернильница на столе была той же, но он сразу увидел, что то, что он прежде принял за обезглавленного всадника со шляпой в руке, было кентавром, выпроставшим вверх руку, державшую лук, — видимо, торжествующим попаданием в цель. «Для бытовой вещи — вовсе недурно», — подумал Гуров. Он также подумал, что хозяин гостиницы поступил разумно, обтянув пол в номере сукном. Каблуки дамских туфель и сапог господ офицеров, которые в нем оставались, были не слышны, и в гостинице благодаря этому было тихо. Видимо, поддерживая тишину, прислуга говорила полупшепотом, что весьма кстати там, где отдыхают люди.

Он направился было к дому Дидерица, знакомому по прошлому приезду. Была осень. Пылающий кровяной желток солнца заваливался за горизонт. Серый, утыканный гвоздями забор перед окнами спальни Анны Сергеевны показался Гурову выкрашенным в цвет успешно поспевающего абрикоса. Гвозди отбрасывали остренькие тени, перекрещиваясь, складывались в японские иероглифы. Японского он не знал, но почему-то подумал, что надпись какая-то издательская, вроде: «Не вешай носа, Гуров!».

«Мда, задник получился на славу. Хоть устраивай уличное представление», — подумал он.

Гуров загрустил, решив, что последняя его надежда — это увидеть Анну Сергеевну в театре на бенефисе того самого тенора, который пел в памятный вечер его предыдущего приезда. А.С., увидев его в театре, повела на галерку и сказала, жвав руку Гурова, что понимает его чувства, но хочет заверить его, что только ощущение вины удерживает ее в С. Она просила Гурова не сердиться и понять ее. Сказала, что непременно вернется к нему, когда исполнит то, что обещала Дидерицу. Она заверила его, что любит по-прежнему его, Гурова, и что он может не беспокоиться: старость она проведет вместе с ним.

— Мой милый, хороший Гуров! — говорила она, прижимая к груди его руку. — Я знаю, у тебя большое, доброе сердце. Ты поймешь, что иначе я поступить не могу.

Гуров расстался с ней, размышляя над тем, достаточных ли размеров его сердце, чтобы отдать А.С. Дидерицу, пусть даже на время. А.С. подбирала на улице кошек с

подбитой лапкой, воробьев с перебитыми крыльями, вот и мышонка Дидерица тоже пожалела. В этом была вся А.С.

Он уехал в Москву и постарался жить так, чтобы не размышлять ни о чем — ни о том, что будет с ним и А.С., ни о детях, ни о своей жизни в сколь бы то ни было отдаленном будущем, — а думать только о службе, о том, что предстоит делать не более чем на день вперед. На первых порах это искусственное сужение хода мысли помогало, но вскоре он почувствовал, что напоминает самому себе слепого, который идет, постукивая палочкой по заборам, по стволам деревьев, по тротуару, направо и налево от себя. Этот слепой перед тем, как перейти улицу, долго обстукивал цоколи фонарных столбов и гранитные бордюры, прыгала в руках камышовая легкая палочка, снова и снова, так как он боялся оступиться или споткнуться. Он заметил, что и ходить начал, чуть ли не чеканя шаг: все казалось ему, что под ним вдруг очутится ступенька вниз, которую труднее всего обнаружить постукиванием палочки, но ее чаще всего под ногами не оказывалось, и потому его шаг звучал излишне резко.

Порой ему чудилось, что он вовсе не живет в мире, который знал с детства, а существует в некоем эфемерном пространстве в качестве какого-то персонажа из чужого сна. Кто этот человек, кому он снится — хороший или плохой, добрый или злой, — Гуров не имел ни малейшего понятия, ни даже самого отдаленного представления. Знал только, что снится этому человеку в качестве какого-то назидания, но какого именно — не разобрать. Только спящий и может догадаться, что делает в его сне другой человек, что означает. И быть может, чтобы понять свою жизнь, нужно найти этого спящего и как-то уговорить его вернуть его, Гурова, если не в собственную жизнь, то хотя бы в собственный сон. Но поди опознай спящего — без имени, фамилии и каких-либо внешних примет только по его сну... Гурову порой мерещилось, что он усилием воли может заставить себя присниться самому себе, сможет выволочь себя за шиворот из чужого сна, поддавая самому себе под зад коленкой и приговаривая: «Нечего по гостям шляться! Домой, домой пора!» ...Иногда посреди конторского дня казалось, что наконец это удалось, и он поднимал в надежде глаза от бумаг, но ощущение удачи, увы, тут же исчезало.

Взяв внеочередной отпуск, Гуров поехал по привычке на юг, в Ялту, где некогда до встречи с А.С. лечил хандру. Там он ходил в гавань, смотрел день-деньской, как разгружают океанские пароходы. Что-то было необычайно удовлетворяющее, почти чувственное, наблюдать, как мало-помалу высвобождается нутро огромного лайнера. Однажды из его чрева поплыла вверх, подхваченная холстиной под живот, неуклюже растопырив ноги в воздухе, корова — рыжеватая, с большим розовым, словно легкая тень, пятном на морде. Это пятно даже делало корову хо-рошенькой. Она боязливо оглядывалась по сторонам и, медленно склонив голову наискосок и вниз, увидев Гурова, пошевелила губами.

— Ну и чего рот раскрыл, Гуров? Коровы в небе не видят? Думаешь, с тобой такого не может произойти? — услышал он.

Гуров подумал, что корова, пожалуй, права. Судьба его вот так же приподняла над землей, а куда опустит и насколько бережно — неизвестно. Грузчики в порту, вытягивающие откуда-то из-под коровьего живота канатные кишочки, дело свое знали, но некоторых из них из-за выпитой натошак водки и жары развезло, и груз нет-нет да и брякался на унавоженную мазутом землю причала.

Гуров повернулся на каблуках и зашагал прочь. Он отыскал по памяти домик, в котором когда-то встречался с А.С., и даже не удивился, что застал ее там. Она объяснила, что никак не может забеременеть и по совету врача поехала к морю, на грязевые ванны.

Гуров ощутил какую-то тяжесть под сердцем, которая все росла и росла, пока он не почувствовал, что должен открыть рот, чтобы освободиться от этой тяжести. Он

едва не вывихнул челюсть, так как изо рта на стол, сверкая темно-зеленой кожурой, вывалился арбуз, некогда съеденный им здесь же, за этим столом. А.С., плакавшая во время всей этой трансформации («О Гуров, что со всеми нами будет!»), обнаружила, что ее слезы, нарушая все законы притяжения, с подбородка и шеи взобрались вверх и вернулись в слезные железы и глаза стали такими сухими, что ей пришлось накапать в них лекарства, чтобы избежать конъюнктивита и аллергии. Они с Гуровым занялись любовью, а покончив с этим, пошли гулять на набережную. Каждый, однако, отправился своим путем. Анна Сергеевна одна со своим шпцем, а Гуров с тросточкой, поглядывая на проходящих дам, среди которых, к его удивлению, было по-прежнему много молодых и хорошеньких. Он подумал о том, что любовь — пожалуй, довольно обременительная штука и большую часть его прошлой жизни предвидение, щадя его, успешно от нее

оберегало. Встретился ему и какой-то элегантно одетый господин с тросточкой, в пенсне, с иссохшим от легочной болезни лицом. Гуров совершенно не знал, кто он такой, но почему-то ему захотелось рассмеяться прохожему в лицо.

Вздохнув всей грудью теплый, пропитанный морской пылью воздух, Гуров почувствовал, что ему понемногу начинает снова нравиться жить, и, решив на время избежать новых связей, он, потянувшись, сказал почти громко: «Эх-ма! Все-таки жив, и это само по себе невероятное счастье». Ему даже захотелось подпрыгнуть от полноты чувств, но он постеснялся: на набережной было много народу. Белые, голубые и розовые кружевные зонтики дам скрывали лица, но он знал, что ухищряться ненароком взглянуть на них не стоит. Если счастье захочет выбрать его, оно само, подавая знак, приподнимет край зонтика.

Нью-Йорк—Москва, 1993 г.

ДИКИЕ ЖИВОТНЫЕ СКАЗКИ

ЖЕНЩИНЫ ПРИСТАЛЬНЕЕ МУЖЧИН

ЛЮДМИЛА ПЕТРУШЕВСКАЯ

Однажды волк Петровна долго ждала мужа Семена Алексеевича, он обещался внести на питание, но позже возможности Петровны кончились, она сказала детям «айда» и стала складывать скатерти и трехлитровые банки, а дети поняли это дело буквально и сразу пошли гулять, ничем опять-таки не поддержав.

Вернувшийся под утро волк Семен Алексеевич успокоил супругу, пришлось распаковываться обратно, а фотографию гиены Зои (химия, тушь для ресниц, колготки) — эту фотографию волк Семен Алексеевич спрятал в карман-пистончик, сложив в восемь раз, для дальнейших воспоминаний.

Волк Петровна нашла фотографию при еженедельном шмоне, расправила и долго вглядывалась в соперницу, а затем решила посмотреть на себя со стороны абстрактно, путем двух зеркал. И что оказалось?

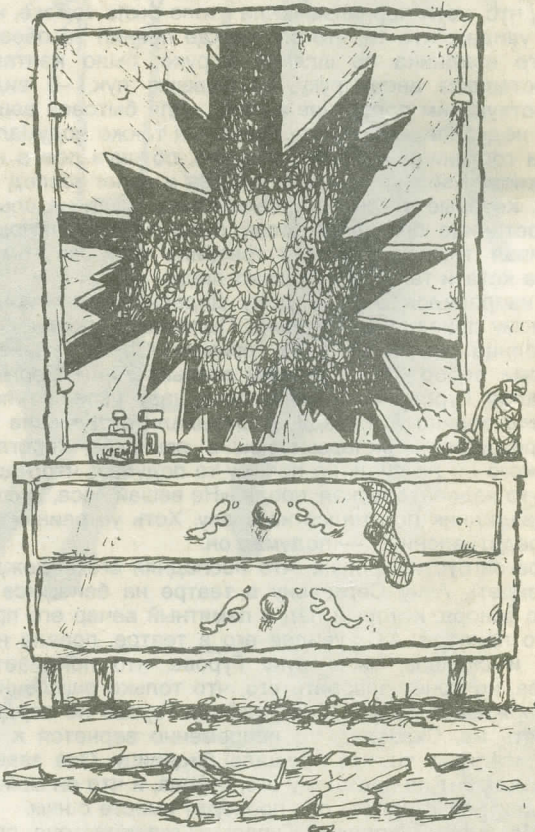
Глаза большого накала, 100 Вт., шея низкая, не откажешь, грудь обжимистая, нога утоптана в шагу, холка как на портрете, брылья свежие, брудастость и комок, подпалыны хоть на эстраду и т.д., т.е. так наз. Семену Алексеевичу что еще надо, неизвестно.

В результате волк Петровна пошла к парикмахеру, моли Нине, сделала себе много чего, даже парилась над тазиком, перенесла оцип усов и обмазку бровей чем-то вонючим до покраснения, а волк Семен Алексеевич опять пришел под утро, когда абсолютно никого не видать, да и в дальнейшем вел себя так, как будто ничего не произошло.

А на прямой вопрос брякнул вообще слово «да», и вышло по-дурацки, ибо вопрос был: «Когда подаем на развод?»

Так все и повисло в воздухе, хотя результатом было то, что все соседки в один голос говорили, что Петровна помолодела и выглядит как сразу после окончания зоовет-курсов.

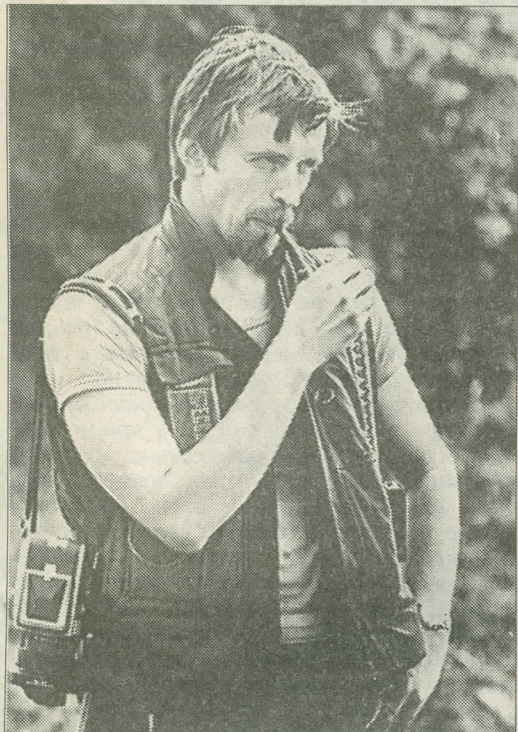
Женщины пристальнее мужчин.



Предыдущие «Дикие животные сказки» читайте в №№ 22—41.

худ. А. Лукьянчиков

Женский



Фотохудожник
Константин Кокошкин

мастер

...И создал Бог женщину. И увидел, что это хорошо. Но никому не сказал.

Адам же самолично до осознания красоты не додумал, и пришлось Еве подманывать его яблочком. Или просто инстинкт сработал, являющий помесь скуки и чувства долга.

А по Дарвину тогдашняя интимная ситуация выглядит и вовсе тупо, на павианий манер: едва хвосты у мужиков поотваливались, не до созерцания им было, не до эстетики.

И прошло много веков, прежде чем недомолвку Создателя восполнили художники: задумчивые античные торсы, лунатичные чудачки Кранаха, щедрые тела Рубенса, выверенная рафаэлевская геометрия, хрустальная холод-

ность Энгра, импрессионистские нежные мечтательницы, соблазнительная ломкость Модильяни... Замечательно. Но тут пришел Пикассо — и все опошил, оказавшись по своей бесцеремонности похлеще небезызвестного русского поручика. И художники возлюбили собственные изыски гораздо более, чем женскую красоту.

(Примечание: взбеленившимся искусствоведам могут присоветовать, по примеру персонажа Олеши, пойти покушать синих груш.)

К счастью, вовремя изобрели фотографию. Иначе в отношении женской прелести нам пришлось бы обходиться голой эмпирикой, что само по себе не плохо, но далеко не все.

Ну и карточки на паспорт,

конечно, тоже большое дело, но все-таки благодарить фотомастеров нам нужно прежде всего за то, что они напоминают нам о красоте: красоте женщины, красоте природы — что, впрочем, одно и то же (а мы, мужики, тут — убежден — не в счет, как бы ни пыжились потные бугристые бодибилдеры).

И вот сижу я в филиале рая, расположенном в одном из подвалов на Цветном бульваре. По стенам россыпь очаровательных женщин — в дюнах, среди скал, в лесной чаще. Это студия фотохудожника КОНСТАНТИНА КОКОШКИНА. «Один из ведущих коммерческих фотографов России», по определению газеты «Кто есть кто в современном мире». А для меня он «в

современном мире» просто Костя — по старому приятельству.

Из разговора в студии:

— Для меня всегда было ясно: все каноны красоты давным-давно определены еще эллинской культурой. Когда это понял? Может быть, еще в три года, когда мы плыли из Египта — там отец служил — в Одессу и ходили с матерью по пирейскому базару, и она там покупала статуэтки с обнаженными грудями. Эти нимфы на меня, маленького мальчика, произвели колоссальное впечатление: не оттого, что тети голые, а потому, что это безумно красиво. И сейчас я не хочу перевертывать мир, не хочу утверждать какие-то свои, новые каноны — продолжаю вот это вот старое. Красоты не хватает в нашей жизни — вот я и делаю маленький праздник, каждому своей.

Солдатами не рождаются — а уж фотохудожниками тем более. Пять лет учебы в МИСИ, два года в стройбате с лейтенантскими погонами, потом — ляпка фоторепортера, бильдиредатора. В кадре — стройки века, доярки, монтажники-высотники и прочие достопримечательности советского запovedника.

1987-й: газетное начальство впервые заказывает снимок обнаженной натуры. Неделю промучался, в качестве модели жену использовал. Нежный торс, мечтательно смазанные контуры, как бы передающие живое дыхание. Начальство, перепугавшись, встает на уши, фотография обходит потом десяток выставок и используется как реклама духов во Франции, а ее автор, зачарованный новым для себя жанром, решает: пусть лицемерят, а я назло буду продолжать, в стол. «Кодак», слава Богу, был тогда дешевой, ведь перепортить пленки предстояло немало. Ни на деньги, ни на славу рассчитывать не приходилось: например, на фото-

выставках на Малой Грузинской по разнарядке райкома партии допускалось только четыре «обнаженки». Это теперь за одну съемку можно выручить «лимона» полтора, а то и больше, — но тогда... Шло существование в параллельной реальности, выстраивание собственного мира.

Из разговора в студии:

— От женщин я требую личностных качеств — того, что отличает именно ее от любой другой представительницы женского рода в системе млекопитающих. Может быть классная, клевая, ноги, бюст вот такой — но при этом только лишь особь женского пола. И каждая женщина — я в этом убежден свято — хочет видеть себя в «Плейбое», или «Пентхаузе», или на красивой рекламе, где она со своим роскошным телом стоит и все на нее смотрят. Эксгибиционизм присущ женщине просто от Бога, от природы — обязательный половой признак.

И поначалу я вылавливал девочек, которым это было интересно не столько ради заработка, а как момент самоутверждения. Попав в студию, они чувствовали, что здесь не трахаются, а серьезно работают, и это грело их самолюбие. И выходя на площадку, они офигевали, говорили: мать твою, мы чувствуем себя здесь — а не с хахалем в постели — настоящими женщинами! А я приподнимаю их над реальностью, устраиваю им маленький праздник.

Важно, чтобы был человеческий контакт, чтобы могли говорить на одинаковом птичьем языке. И тогда получается сотворчество: я ведь не куклу снимаю, которую ставлю так или этак. И для нее, и для меня это хепенинг, игра, театр своеобразный.

— В одном из интервью ты так определил свой любимый тип фотомодели: «интеллектуалка с красивой грудью и актерскими способностями».

— Это просто рекламный ход. А важна прежде всего личность. И собственный, индивидуальный стиль, в котором она живет. Вот это находка. Другое дело, что с такими моделями я тоже упираюсь в потолок, психологический напряг возникает: ведь я — это я и не могу подделываться под каждую...

— Может быть, актрису снимать легче, чем модель?

— Нет-нет: у меня их амбициозность вот здесь сидит. Сейчас за мной бегают Ленка Кондулайнен, среди ночи звонит: когда ты будешь меня снимать? А я не могу. Если она каждому встречному-поперечному говорит: я ингерманландская принцесса и воспринимай меня только как принцессу — это же невозможно. А вот, например, Ларису Белогурову — с удовольствием буду снимать дальше: баба умная. Вот только дай мне Бог в нее не влюбиться...

— Неужели же ты никогда не влюблялся в свои модели?

— Нет. Такое, конечно, возможно. Но я считаю, что тогда не получится нужный результат. Есть такой фотограф Володя Потапов, сейчас в Париже живет. В 70-х — номер первый по обнаженной натуре. И вот с каждой моделью он просто создавал полигамную семью: его жена, модель и он. И постоянный депрессивный психоз, хотя фотограф был от Бога: так и существовал — чуть ли не втроем в одной кровати. Он мог снимать только ту модель, с которой живет. А для меня это все посторонние люди практически, они в мою жизнь не входят. Самая лучшая моя съемка — у моря на Куршской косе — произошла с моделью, с которой и жил в одном номере, и спал рядом, но это был совершенно чужой для меня человек. Когда вернулся в Москву, подарил ее коллеге: тот аж два года с ней работал, чуть не женился...

Нужно ввести себя в состояние, когда ты воспринимаешь женщину не как

сексуальный объект, а как явление природы, одно из самых красивых, и любуешься им. Есть такой барьер: собственные сексуальные комплексы — у меня их никогда не было. Момент очень скользкий и очень важный. Существует огромное количество фотографов, которые погружаются в жанр ню, живут в нем для самоутверждения — ибо они не могут полноценно выразить себя как мужчины. Делают это через свои комплексы.

— То есть люди того типа, которые любят читать «мужские» журналы — и издавать их?

— Да, вот журнал «Андрей» и его главный редактор. Это же явно чувствуется. Я-то жанром этим начал заниматься, когда мне было уже тридцать лет и я уже перетрахал ой-ей-ей сколько баб. И не жалею об этом. А тут — достаточно несчастный человек, почувствовал себя в молодости не вполне полноценным. В таком возрасте надо не заниматься теоретизированием, не ходить со штандартами русской эротики — а натрахаться вот так вот! Именно, чтобы снять с себя лишнюю нагрудку — и почувствуешь себя в профессии легко и нормально. И это не только к фотографам, но и ко всем относится.

Тут корреспондент «Столицы» понимающе закивал, ясное дело. И, продолжая разглядывать висящие на стенах работы, подумал: хорошо им, таким красивым. Но не всем ведь дан этот дар — красота. Однако...

Из разговора в студии:

— Собрались мы как-то на последний всесоюзный фотопленэр в Архызе: человек сорок съехалось — и любителей, и профессионалов. Устроили там полный фурор, была город дрожал от соблазна. И была там отдыхавшая по путевке девочка из какого-то ставропольского городишки: вся изъеденная оспой,

весом килограммов под восемьдесят, с золотыми зубами. Мы садимся утром в автобус — и тут она: возьмите с собой, хочу посмотреть, как это выглядит. Ну, садись. Приехали куда-то на альпийские поля — а она никак не может понять: мужики с фотоаппаратами, голые девицы ходят, никто никого не трахает, все спокойно. Проработал человек всю жизнь на фабрике, ортодоксальная рабочая семья — и у девки пошла голова кругом. А я говорю: «Ребятки, если вы вечером нальете мне стакан коньяка, я вам сейчас покажу, как надо работать с анти-моделью». А на нее смотреть без слез невозможно. Уговорил ее в три минуты, она совершенно спокойно разделась. Сначала дрожь нервная била, но потом прошло. Повел ее в какие-то расщелины каменные, поснял. И когда она потом увидела, что получилось, — с ней чуть истерика не сделалась: не могла поверить, что это — она. И народ офигевал. А я сказал: «Ребята, неважно, супер-модель перед нами или просто женщина — это всегда часть природы».

— Похоже на обман...

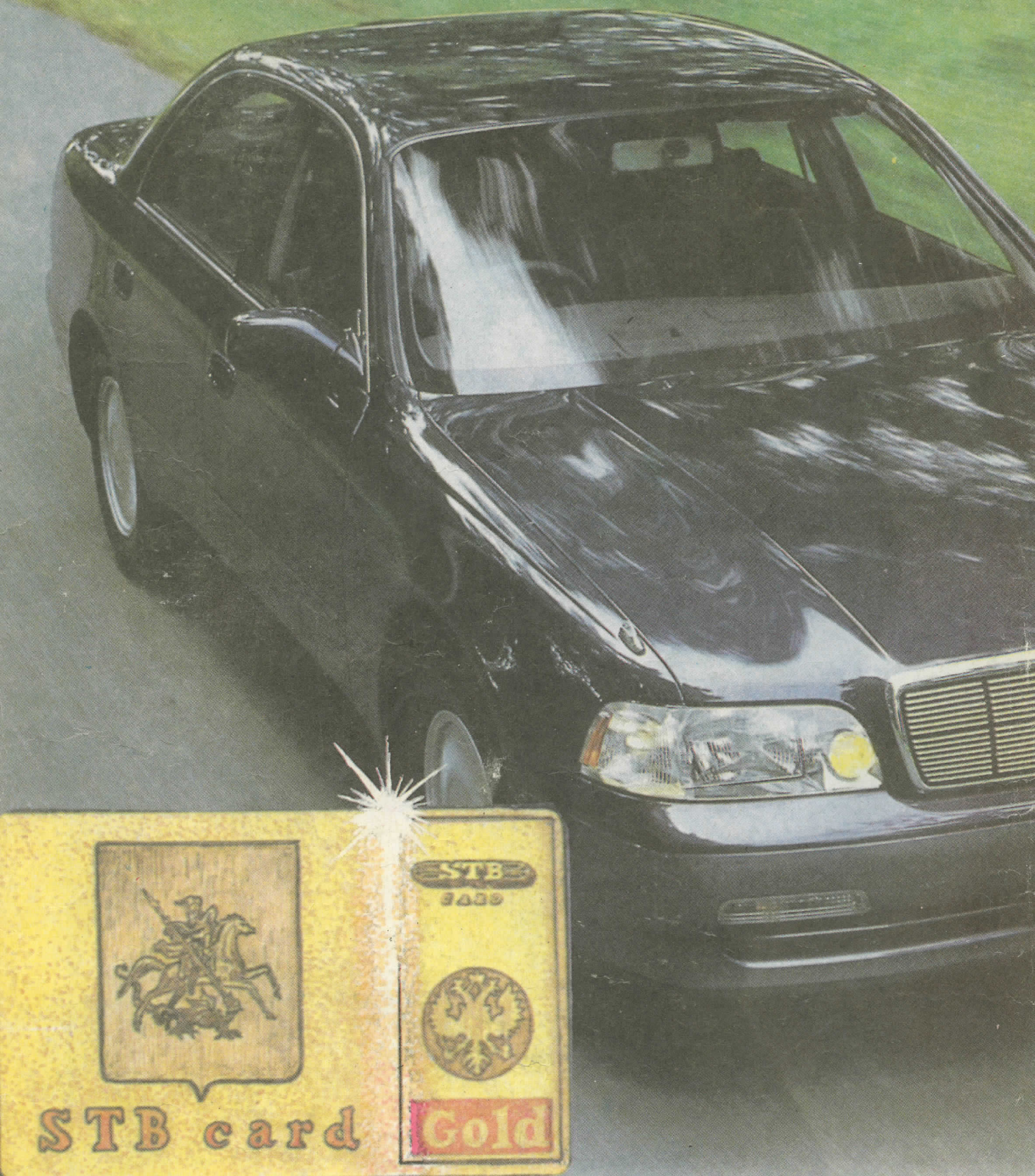
— Если и обман, то — ради эстетики, ради красоты. Просто я доказывал, что любая женщина красива сама по себе. Ее тело — это Богом данное, а прочее зависит только от таланта фотографа, который с ней работает. Любое бревно можно взять — и если ты хочешь, то можешь сотворить с ним все что угодно.

Нет, красавицы, думал я между тем, наверное, Костя Кокоскин вас очень редко в этом смысле обманывает. А насчет того, что он в вас не влюбляется, — не огорчайтесь: теперь в вас влюблены сотни и сотни других мужиков, ставших благодаря вам чуть-чуть счастливее и добрее.

Алексей ЕРОХИН

Фотоработы Константина КОКОШКИНА





STB CARD — оплата любых, в том числе валютных, товаров с рублёвых счетов.
STB CARD — абсолютная надёжность и безопасность, полная тайна вклада.
STB CARD — Ваша респектабельность.